

К О С Т Р О М А

ПРОЗА
ПОЭЗИЯ
КРИТИКА
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Писательская организация

1997

Литературный сборник
Составитель — М.Ф.Базанков

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Отмечая 35-летие писательской организации в конце 1996 года, мы твердо решили возродить литературный сборник «КОСТРОМА».

Пятьдесят лет назад, вскоре после войны, в сложнейших обстоятельствах был издан первый номер. Надеюсь, все жители нашей области, не утратившие интереса к духовному и культурному строительству, поддержат костромских писателей в издании таких коллективных сборников прозы, поэзии, литературоведения. Областная администрация и городское самоуправление, конечно, с пониманием отнесутся к созидательной работе на основе литературных традиций в творческом содружестве с учеными, педагогами, школьными учителями.

Приходится учитывать, что подлинная российская словесность большинства городов и всей заглущена, не имеет выхода. Живем в пору «высокой цивилизованной моды», повторного андеграунда, развязных баек-анекдотов, печатной матерщины, которые, как замечено уже, в первую очередь коварно направлены на создание образа тотального идиотизма. Только областная определенным запасом циничности, можно упрощать литературный слог до матерщины. По словам нашего земляка Александра Зиновьевса, это надо считать признаком культурной и моральной деградации.

Доброе намерение требует деликатности средств. Мы отвергаем сочинения, помеченные модернистским бездущием, бодряческим апломбом и залихватским кривляньем. С давних пор на Руси считалось, что чистота речи есть выражение чистоты души.

Но сколько же в последние годы выплеснуто всякой пошлятины различными средствами массовой информации! И делают это, приспособливаясь к новому этапу разрушения нравственности, отнюдь не провинциальные литераторы. Поэты и прозаики «местного значения» не гонятся за «оригинальностью», переходящей в жалкое шарлатанство.

Стало очевидным, рынок подталкивает падение литературы. Однако, не имея возможности издаваться, писатели не спешат изменять здравому смыслу и чистоте помыслов, потому и слово у них естественно, без натужной броскости и манерной раскованности. В этом видится одна из тех опор, на которых прорастет, возродится русская духовность и культура. Негромкие житейские ситуации великого провинциального пространства укрепляют веру в то, что родники существуют и возвратятся к ним люди...

Михаил Базанков, председатель областной организации, секретарь Союза писателей России.

НАЧАЛО

У всякого дела есть начало. Как говорится, зачин дороже денег. Но и то надо сказать: хвали день по вечеру.

Я вспоминаю о начале полувековой давности. Кострома явилась одним из первых городов, где сразу после Великой Отечественной войны было создано книжное издательство. Уже в 1946 году на книжных полках появились его издания и среди них — альманах с немалым по тому времени тиражом в 15 тысяч экземпляров.

Конечно, тут проявилась забота государства о развитии издательского дела, на что государство в столь трудное время находило средства. Теперь бы так!

Перелистываю страницы альманаха, и в памяти всплывают картины былого, вспоминаются первые авторы. До начала работы издательства пишущая братия группировалась вокруг «Северной правды». Помню, с каким громогласием собирались ребята в редакции, без скидки на молодость придиричivo обсуждали рукописи.

Приходили к нам на эти «вечеринки», как называли тогда литературные встречи, преподаватели кафедры литературы пединститута профессор Д. Тамарченко, доцент М. Боржек и другие. В их советах нуждались все.

Заметно расширилась группа пишущих с возвращением земляков-фронтовиков, которые тоже вступили в «писательство» не с пустыми руками. Так что было кому начинать.

Открывался альманах стихотворением Александра Жарова, руководителя костромских начинающих поэтов. Это были душевые слова благодарности костромским ткачам за их труд, за сотканные плащ-палатки для воинов.

Повстречал я, братцы, за поход
И метелей и дождей немало.
Сколько раз меня от непогод
Полотно льняное укрывало...

И в тревожном сумраке ночей
Добрый словом в дружеской беседе
Вспоминали костромских ткачей,
Помогавших нам идти к победе.

Большое место заняли в альманахе стихи поэта-фронтовика Александра Часовникова. Он гордится своим полотняным городом, Волгой, славит земляков, героический подвиг солдата Юрия Смирнова, о котором написал поэму. Яркие строки посвящены незабвенному поэту Маяковскому, чье имя звало воинов побеждать фашистов «на передней огненной меже».

А вот в поэтической рубрике блеснула фамилия другого фронтовика-костромича Евгения Осетрова и сразу вызвала приятное удивление. Известно, что это прозаик. Но начинал со стихов. И каких громких!

Мне кажется, что заколдован я,
Что пули не берут меня литые,
Что я — само кипенье бытия,
Что я бессмертен, как моя Россия!

Заметна некоторая декларативность, но нельзя не увидеть и авторскую искренность, открытость, что особенно важно.

Лирическими стихами порадовала нас тогда Галина Милова. В ее немногословных произведениях — душевная теплота, тонкая наблюдательность, особенно зоркое видение природы. В альманахе она выступила с главой из поэмы о сыне и стихотворением «Когда цветет...».

«Песней о Костроме» и «Балладой о костромиче» представлено в сборнике творчество Николая Соколова, будущего автора замечательной поэмы «Именем жизни». Вместил альманах также и стихи других авторов.

Из прозы прежде всего хотелось бы отметить повесть «Восстановление» Вячеслава Лебедева, одного из инициаторов выпуска этого сборника. Уже само название повести говорит об остроте темы, ее первостепенности.

Война закончилась. Отпразднована великая Победа. Что дальше — передышка? Нет, время торопило поднимать из пепла разрушенные города и села. Повсюду развернулись строительные работы. Вячеслав Лебедев поставил перед собой задачу — показать это на примере Ленинграда, пережившего жесточайшую блокаду.

Мы видим строителей в ударном труде, в стремлении

сделать славный город великого Петра еще краше. Но в первую очередь необходимо строить жилье для обездоленных. Монументы — потом. Со времени публикации этого произведения прошло полвека, срок немалый, но и теперь повесть читается с интересом, а ее автор предстает как мастер диалога.

В альманахе также напечатаны рассказы и очерки А.Румянцева, А.Денисова и других авторов, большой отрывок из романа Л.Варакина «Второе рождение», называется он «Брусиловский солдат».

Особого внимания заслуживает переписка Алексея Румянцева с Алексеем Толстым. Полностью публикуется письмо известного писателя-романиста костромскому автору, посвященное вопросам литературного мастерства. «Художник, — подчеркивает классик, — должен всегда дерзать — подняться на высоту. Сможет он или не сможет, — другое дело. А заранее поставить себе целью — написать среднее произведение для средних людей — значит в самом замысле обречь себя на художественную неудачу».

Кроме художественных произведений, в выпуске были представлены публицистика, исторические заметки, фольклор.

За первым номером альманаха последовали очередные литературные сборники. Новые авторы, новые произведения. Всего увидело свет 9 сборников. Прекратился их выпуск в связи с ничем не оправданной ликвидацией областного издательства. Молодые литераторы лишились одной из возможностей напрямую выходить к своим читателям.

Но доброе начало все-таки не забыто. Усилиями областной писательской организации сейчас возобновляется издание литературного сборника «Кострома». Хочется пожелать ему доброго пути, успеха, ибо каков зачин, таково и дело.

Константин АБАТУРОВ, член редколлегии «Костромского альманаха» (1946 г.), директор Костромского книжного издательства (1956-1959 гг.).

Юрий ЛЕБЕДЕВ

БУДУЩЕЕ РОССИИ В РУКАХ ШКОЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ

21 - 22 ноября 1996 года в Институте мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук в Москве проходила шестая всероссийская научно-практическая конференция «Филология и школа: преподавание словесности - мировоззрение - личность и национальная культура». Преподаватель истории русской литературы, доктор филологических наук, профессор Юрий Владимирович Лебедев был участником этой конференции, где он выступал с докладом «Некрасов - поэт и христианин».

На конференции «Филология и школа» состоялось более 20-ти докладов. Среди них - доклад профессора В. Ю Троицкого «Возрождение духовно-нравственного, эстетического национально-государственного сознания на путях филологической науки», мудрое слово русского писателя В.Г.Распутина «Образование: путь к спасению», доклад профессора Ю.И.Сохрякова «О соборном характере русской художественной и философской мысли», размышления профессора В. К. Журавлева о роли русского языка в возрождении национального достоинства и государственного самосознания школьников, речь вице-президента Российской Академии образования, академика Н. Д. Никандрова «Воспитание ценностей: российский вариант» и др.

Не вдаваясь в характеристику каждого доклада в отдельности, хотелось бы поделиться той общей тревогой за судьбы отечественной науки и просвещения, которая объединила участников этого представительного собрания и нашла отражение в сборнике «Материалов для практического использования и дальнейшего сотрудничества в деле защиты образования в России», подготовленном межрегиональным фондом «Русская школа».

Еще Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, в замечательной книге «Самодержание духа. Очерки русского самосознания» обратил внимание на поразительное сходство событий постпестроечного периода в нашем растерзанном и поруганном Отечестве с послевоенной доктриной шефа ЦРУ США Аллена Даллеса:

«Мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную мощь и ресурсы на обольщивание и одурачивание лю-

дей... Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые. Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы постепенно вытравим их социальную сущность... Литература, театр, кино - все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства - словом, всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, - все это мы будем ловко и незаметно культивировать. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Мы будем драться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растилевать ее. Мы сделаем из них космополитов».

И вот сегодня, под гул широковещательных разговоров о возрождении России, свершается нашествие бесовской антикультуры, захлестнувшей все духовное пространство страны. Пропагандируя насилие и разврат, средства массовой информации выдают за нормальные явления самые страшные, смертные грехи. «Плюрализм» понимается как равенство добрых и злых помыслов, побуждений и поступков, как снисходительное отношение к злу и неправде. «Свобода» превращается в ежедневное насилие над разумом и совестью ради возбуждения в человеке низменных страстей и животных инстинктов. Открытая проповедь порнографии с экранов телевизоров, с книжных лотков, со страниц бульварных газет является тяжелейшим преступлением против семейных основ, против беззащитного детства.

Гитлер, чтобы уничтожить жизнеспособность и сопротивляемость покоренных народов, в оккупированных облас-

тях насаждал порнографию, жестоко преследуя ее в самой Германии. Японские завоеватели, захватив Манчжурию, поощряли продажу местному населению порнографической продукции, но под страхом суворого наказания запрещали покупать ее японцам. Узурпаторы знали, что народ, потерявший стыд, утративший нравственные ориентиры, обречен на исчезновение с лица земли.

Буквально в считанные годы самые чудовищные преступления стали восприниматься как норма жизни в нашем Отечестве. Все длиннее становятся списки убиенных, которые зачитываются в православных храмах. Уже не потрясают нас своей изощренностью заказные убийства, перерастающие в крупномасштабные бойни, в которых гибнут наши сыновья. Падает уважение к честному и добросовестному труду. Рабочий и крестьянин, ученый и педагог низводятся до положения отбросов общества, а взяточники и воры рвутся к власти, занимая высокие государственные посты. И все это совершается при молчаливом согласии, при бездумном попустительстве самых широких слоев русского народа.

Что же произошло? Почему с такой легкостью принимают эти преступления народ, давший миру образцы подвижничества и святости, породивший в прошлом веке великую, покорившую весь мир своей высокой духовностью классическую литературу, названную немецким писателем Томасом Манном «святым»? Как может терпеть это разгулявшееся по всей Руси-матушке бесстыдство народ, из глубин которого вышли св. Сергий Радонежский, Нил Сорский и Серафим Саровский? Или хозяиничает ныне в России другой народ?

Причины современной смуты просты и коренятся они в глубине наших помраченных душ. Исчезла Православная вера, а с нею и Православная нравственность - основной устои, на котором крепилось тысячелетнее бытие русского народа. И произошло то, что должно было произойти: появилось поколение людей с убитыми христианскими чувствами стыда, совести, долга перед умершими, сострадания к немощным старикам и беззащитным детям, ответственности перед потомками, любви к Отечеству, национального достоинства и ревности о Православной вере. Атеизм в качестве государственной политики у нас был провозглашен давно. Однако его последствия проявились именно сегодня. По крайней мере два поколения русских людей, не посещавших храмы, все еще несли в себе генетическую память о православном понимании добра и зла, красоты и безобразия, дозволенного и запретного. Сегодня, как следствие долговременного отступления народа от веры, к власти в стране на всех ее уров-

нях пришли люди, для которых эти понятия - звук пустой, для которых великие и вечные заповеди Спасителя - фразы из чуждого, непонятного языка, звуки, не вызывающие отклика в опустошенной душе.

Страна, до недавнего времени материально могущественная, оказалась в духовном вакууме, в нравственной пустоте и повисла над бездной. Достаточно было небольшого толчка, чтобы столкнуть ее туда. И умные недоброжелатели наши как в самой России, так и за рубежом вовремя оказали ей эту «судьбоносную» услугу. Страна распалась и стремительно покатилась вниз. И теперь, в ситуации, когда старшее поколение людей уходит с исторической сцены, а хозяева жизни не ведают, что творят, у «имеющих очи, чтоб видеть, и уши, чтоб слышать» остается одна надежда - на школу, на воспитание нового поколения болеющих за Отчизну людей.

Силы добра и зла в самое ближайшее время столкнутся в непримиримой битве именно за школу, за содержание и форму отечественного просвещения. Собственно, эта битва уже началась. Под прикрытием лицемерных идей «плюрализма в образовании» создаются учебные пособия, которые направлены на уничтожение веками создававшегося образа мыслей, чувств и духовности народа. Осуществляется сознательное обеднение содержания обучения, сокращение и примитивизация учебных программ. Фундаментальные, классические знания, формирующие широкий взгляд на мир, подменяются узкими знаниями, которые нацелены на решение сугубо практических, частных задач. Общеобразовательную школу постепенно превращают в учебное заведение, ориентированное на подготовку человека с потребительскими запросами, с оскудненным, колониальным сознанием.

Из программ по литературе, например, исключаются выдающиеся произведения русской классики и подменяются новыми, далеко не самыми значительными, а часто и совершенно не подходящими для воспитания здоровой нравственной личности. В изданным недавно букваре Е.Репкина вместо формирующих душу ребенка детских стихов наших классиков предлагаются стихи Г.Остера под рубрикой «вредные советы»:

Бейте палками лягушек,
Это очень интересно,
Отрывайте крылья мухам,
Пусть побегают пешком.
Тренируйтесь ежедневно,
И наступит день счастливый:
Вас в какое-нибудь царство
Примут Главным Палачом.

«Всякий, находящийся в здравом уме, поймет, как могут действовать на сознание и подсознание такие строчки», - заметил на конференции В.Ю.Троицкий, давший анализ многочисленным поделкам далеко не безобидного свойства, подсунутым в школу в качестве «учебников» и «учебных пособий».

Резкой критике особенно подвергались на конференции учебные издания, выполняемые на средства «Фонда Сороса» в рамках так называемой программы «Обновления гуманистического образования в России». О книге В.Г.Хороса «Русская история в сравнительном освещении» учитель одной из московских школ сказал, что это пособие не оставило «живого места» от русской традиционной культуры, а от мировых ценностей оставило только «европоцентристское» высокомерие с американским акцентом. Другое издание этой серии, учебную книгу В.М. Голубчика и Н.М.Тверской «Человек и смерть», известный философ Э. Ф. Володин охарактеризовал как хитроумное смешение атеистического, православного, католического, баптистского, мусульманского, языческого и восточного взгляда на смерть, совершенно разрушающее национальное самосознание старшеклассников и лишающее православную традицию ее законного места в системе духовного просвещения учащихся.

На конференции было оглашено заявление общественного комитета «За нравственное возрождение Отечества», связанное с программой школьного курса... сексологии. Вместо того, чтобы принять закон против растлителей детей, против распространения порнографии, против разнозданности средств массовой информации, готовится в качестве обязательного школьный курс «Основы сексологии». Раздел этого курса «Возникновение и эволюция семейно-брачных отношений» авторы заявления охарактеризовали как «историю мирового разврата», ибо в нем школьники познакомятся с ритуалами «налога натурой», оправдывают проституцию «как реакцию на единобрачие», погрузятся «в историю гомосексуальных отношений». Тут есть все, кроме православно-христианского отношения к девственности и браку как к святыне и тайне великой.

Хочется указать вольным или невольным пособникам вселенского разврата на грозное предупреждение Иисуса Христа: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской» (МФ., гл. 18, 6). А согласно 100-му правилу Шестого Вселенского Собора предаются анафеме все, кто творит изображения,

«обаяющие зрение, растлевающие ум, производящие воспление нечистых удовольствий». Причем «творящими» тут считаются не только непосредственные изготовители непристойных картин, торговцы порнографией, устроители всевозможных развратных конкурсов и шоу, но и покупающие - те, кто «потребляет» эту «продукцию», слушает и смотрит растлевающие душу телевизионные ристалища. Все они, по каноническому правилу, подлежат анафеме - не имеют права переступать порог Храма, участвовать в богослужении, причащаться, крестить детей, ставить свечи. Среди них найдутся, конечно, такие, которые дерзнут обманутым путем прибегнуть к помощи Церкви. Следует со всей ответственностью напомнить им: от Бога никто и ничто укрыться не может, а попытка обмануть Его обернется для кощунников неминуемыми карами как в сем веке, так и в будущем.

Патриарх Московский и Всех Руси Алексий II на встрече с членами Российской Академии образования сказал: «На всем протяжении исторического существования России именно Православие являлось нравственной основой, духовным средоточием воспитания и образования». Участники конференции были едины в том, что душой русской школы должно стать православное воспитание. Грамотный человек, даже с обезбоженным (атеистическим) мышлением, не может не признать основополагающего влияния Православия на мировоззрение русского человека, на становление национального характера. Даже осторожные люди, утверждавшие, что преждевременно говорить сегодня о всеохватном религиозном воспитании в школе, соглашались с тем, что столь же неразумно, вредно и ненаучно было бы не давать объективных сведений о месте и роли Православия в истории отечественной культуры и литературы. Даже колеблющиеся не могли отрицать, что Русская Православная Церковь каждодневно возвращает нас к сознанию целостности бытия, учит сбережению духовных сокровищ, помогает русскому человеку обрести волю и уверенность в своих устремлениях и трудах.

Основной пафос и итог конференции можно сформулировать так: «Сегодня нам предлагается великое множество способов, методов и проектов возрождения России. Но мы в канун грядущего перехода в новое тысячелетие от Рождества Христова уверенно свидетельствуем, что только опираясь на исконные народные традиции, прислушиваясь к голосу Русской Православной Церкви, мы можем спасти, уберечь русских людей от новых смут и еще больших потрясений и обновить тысячелетний лик нашего великого Отечества».

Вячеслав ШАПОШНИКОВ

СЕВЕРНЫЙ СОН

I

Я набродился средь тронутых инеем кочек,
я надышался колодезным духом зыбей.
Рано у нас в октябре начинаются ночи,
так что пораньше вернуться к дороге — верней.

Вышел на твердую землю. Взошел на пригорок.
Сел под сосною, чтоб было болото видно —
с дальними гарями, с синью далекого бора...
Воздух трезвенек, а, надо ж, — пьянит, как вино.

Веки смежил. То ли сон, то ли просто дремота...
Не под сосною сижу, а на лодке плыву.
В каплях рубиновых блеклая зелень болота
передо мною качается — как наяву...

Знаю: так будет и после — уже среди ночи,
пред засыпаньем в домашнем уюте-тепле:
всё будут видеться заиндевелье кочки,
ягоды будут гореть, словно угли в золе...

II

Надо б идти, поспешать, да никак не расстаться
с этим пригорком. Щекою прижался к сосне.
Любобезмолвного,* кроткого, тихого старца
светлая кротость болота открыла во мне.

Право же, здесь — в уголке этом мглистом и тихом —
облюбовать бы замшельй сухой бугорок
да и зажить — Бога ради — молчальником-мнихом...
Может, вот тут, где сижу, и срубить бы скиток...

Будет одна лишь молитва мою заботой
в неторопливости благостной дней и ночей.
Люди по клюкву приедут, придут на болото,
буду я с ними - в смиренной молитве моей.

---

*Любобезмолвного - любящего безмолвие /стар./.

Сколько по Северу, в поисках сладкой *пустыни*,
некогда шло дивных иноков! Бог лишь сочтет!
Не воскресить мне пути их, забытые ныне:
время — не то, а вернее же — сам я не тот...

III

Лишь шевельнулась в душе неугасшая искра...
Пламя не вспыхнет. Увы. Не зажгутся огни...
Быть, оставаться мне суэтным данником мира...
Ладно еще, что случаются оклики-дни...

«Господи! Господи! — шепот от губ отлетает
с теплым дыханьем /едва ли дыханья сльшней/. —
Эта земля, что дана нам Тобою, — святая.
Как же нам свято и жить-то бы надо на ней!..

Господи! Господи! Ты приоткрыл мне простое,
ясное, чистое — в северной этой глупши:
ВСЁ В ЭТОМ МИРЕ ОКУПИТСЯ ТОЛЬКО ПОКОЕМ,
ТОЛЬКО ПОКОЕМ МОЛИТВЕННОЙ КРОТКОЙ ДУШИ...»

Вон — вдалеке, где грустит озерцо средь болота
/с ним я сегодня встречался глазами не раз/,
дымчатый лучик коснулся воды позолотой,
вспыхнул неярко и тут же смиренно угас...

IV

Словно бы высшее думы моей подтвержденье
в лучике этом мне только что было дано...
Как все вокруг озарило святое мгновенье!
Чудо какое во мне совершило оно!

Я тишины даже вздохом одним не нарушу.
Может, впервые я так вот узнал-угадал:
как Русский Север войти может в русскую душу!...
Верно, Господь для него лишь ее и создал...

Чтобы любить кому было потусклые дали,
было кому взять в себя эту всю благодать,
чтобы морозную мжичку вечерней печали
было кому /да как следует!/ в сердце принять.

Чтобы всему было найдено русское имя —
каждой полянке, болотинке иль бочагу...

Как всё когда-то предтечами всеми моими
названо было — в широком их жизни кругу!

V

Вроде бы в неком ином, мне неведомом, свете
все вдруг увиделось... Я разглядел: в стороне —
ворон — обугленный житель последних столетий —
молча сидит на коснеющей мертвой сосне...

Стар он, что Аред. Стара, что Кощевна, сухара.
Намертво лапы вцепились в замшелый сучок.
Пожил сей ворон! Я думаю: ворон нестарый
так бы молчать и сидеть недвижимо не смог.

Я, по годам, не старик перед ним, а — ребенок.
Вместе с сосновой этой, верно, состарился он.
Вскркнет, поди-ко, разок за полвека, спросонок,
да и опять погрузится в раздумие-сон...

Может, такая-то жизнь — есть само совершенство?...
Там, в вышине, на суку, и найдет его смерть...
Ну, а пока... чем, скажи-ка, ему не блаженство —
это болото всегда пред очами иметь?!

VI

С месяц прожить бы в таком созерцанье счастливом!..
Ворон качнул головой, мол, оно — не для вас...
Что за веселые птахи, в полете нырливом,
там вон — средь елей густых - промелькнули сейчас?..

Не снегири, так какие-нибудь свирепистели...
Словно напомнил мне их беззаботный пролет:
там, среди мхов, убегая за темные ели,
светлопесчаная тропка давно уж к дороге зовет...

Снова закинута за спину плотная ноша.
Вот и окончился день, столь похожий на сон...
Я улыбаюсь болоту: «До первой пороши!
Может, приду еще — к кочкам твоим на поклон...»

И — в путь-дорогу! Уже различаю неясно
за колоннадами сосен его озерцо.
Вот и оно, подмигнув на прощанье, угасло...
Я ж все иду, спотыкаясь, назад обративши лицо...

Михаил БАЗАНКОВ

РАЗБУДИ ПОРАНЬШЕ

На раноутренней зорьке в предчувствии погожего дня отец окликнул-разбудил Ивана:

— Сынок, вставай.

Иван басисто отозвался, долго потягиваясь, но встал резво. Брякнул раз-другой умывальником и побежал в выгон, где паслись кони. Напрямую росной луговиной встрече улыбчивого солнца привел под уздцы пару пахотных коней. Отец тем временем еще раз оглядел оба плуга, подготовил сбрую. Мать вынесла на стол еду и съестной припас в цветастом узелке.

Мужики вернулись в избу в бодром настроении. Молча позавтракали. Отец смахнул со стола крошки в ладонь, наклонился, с приподыханием собрал губами, начал жевать. Парня тянуло к окну — посматривал. В тайном сожалении тихонько вздохнул:

— Эх, видно, на весь долгий день наметилась ясная погода.

Отец, понимая молодое нетерпенье, с ухмылкой думал: «Виши, как о зазнобушке своей тоскует. Ничего, стерпит — подождет. Осенняя пора уже не так далеко. Жито соберем,

тут и свадьбу играй!» Сыну ничего не сказал в утешение: сам должен все понимать.

Тихо собирались и отправились в поле. До полудня работали с короткими передышками. Бессловесно обедали на утине под кустами. Кони гуляли неподалеку, отдыхали от хомутов в вольной пастьбе.

Пахари молча привели коней. Впрягали одновременно. Крякали, засупонивая хомуты, подтягивая чересседельники. Ободряющие хлопали коней по загривкам. Сын охотно подражал отцу — наука!

К вечеру полько допахали. Вернулись домой по сумеркам. Вместе проводили коней на пастьбу в выгон. Дома некоторое время сидели на крыльце, приглядываясь к вечерней заревой полосе. Слушали комариное пение.

Иван словно бы спохватился и — в избу. Наспех поужинал: полкринки холодного молока с пирожком высадил. Выбегает по ступенькам в палисад - на свиданье собрался.

— Отец, я пойду, чего-то Матреночка махала возле колодца. — И уже от калитки, словно оправдываясь, добавил: — А спать буду на сеновале. Разбуди пораньше, если не заненестит, денек займется подходящий. Я боронить поеду, а ты — с ситеvом. К обеду засеем, — сказал о том, что и так давным-давно ясно. — Разбуди чуть свет, ладно. Надо бы упрашиваться. Отсеемся да и косы готовить.

— А ты как думал?! — отец выкрикнул вслед. — Ну и многословный, болтливый какой-то задался у нас, не в отца с матерью. Старшие оба повыдержанней... Каково-то им там, во солдатах. Каково-то сынкам-соколикам, — в печали выговорил тихо.

— Учишь все, воспитываешь, парню шага не ступить по-своему, — сказалась в распахнутом окне жена.

— Никто иной не наставит, только мы сами.

— Не перестарайся, смотри. У каждого своя голова и душа.

— Лишнее болтать нечего. Говорильщиков бездельных везде полно.

ДЛЯ ТЕБЯ, МИЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Неопознанные летающие объекты все чаще упоминаются в досужих газетных публикациях. Даже районные газеты несколько раз сообщали о том, что Большое болото кто-то сверху изучает по ночам. Но по дороге в свой любимый лес я

забываю о газетной модной болтовне.

Свежая стылая синева на земле, а на небе — нежная веселая зелень. Перелески прозрачны настолько, что через них виднеется и второе, и третье поле в ровной белизне. Кажется, каждый шорох отдается тягучим эхом высоко над головой, словно и там, в небе, есть такие же леса. В низинном перелеске, раздвоенном оврагом, начинается болото. Ближе к чернолесью, если пройти в сторону реки, оно, цепляясь упругой зеленью зыбких мхов, постепенно расползается. Чем дальше идешь, тем труднее выбирать тропу: надо обходить разлапистые кочки, покрытые куржавинкой обильного инея, перепрыгивать с холмика на холмик, чтобы не проломиться в замаскированную ненадежным льдом вязкую лужу. Но все равно в пору первых заморозков на болоте разобъешь не одно ледяное зеркало.

Вспорхнут раз-другой рябчики. И снова пересвистываются в низкорослом чахлом сосняке. Где-то над бугринным закрайком с веселым три-та-та поднимутся косачи, а вслед за ними будто бы спросонья тяжело захлопает крыльями глухарь, расталкивающий густое переплетенье ветвистого березняка, вставшего на пути яркой рябью тонких стволов. Хотя этот взлет не первый, все равно он волнует охотничью страсть, и, настороживаясь, слышу собственное дыхание, только свое дыхание и ничего более — все опять затаилось.

Вдруг бесшумно явилась другая тяжелая птица, села不远处 на вершину сосны. И забываешь о спелой клюкве, ради которой пробирался сюда, на середину Большого болота — знаю, оно невелико, просто так называется, мы в детстве его так называли, потому что тут заблудились.

Болотце окружено сосновыми бугринами да стайками сизоватого ельника, покрытого иневой бахромой. Тут свой мир, свои хозяева тишины. Наверно, самый главный из них — осторожный реликтовый глухарь. Прислушиваясь, раздвигаю ветви, чтобы высмотреть его. А-а, вон где! Словно черный лебедь, изгибая шею, кланяется с вершины сосновой густоты и на кого-то приглушенно бубнит — ругает, должно быть, за то, что возятся, шебуршат безоглядно молодые косачи. Борода у него трясется, черная клочковатая бородка-то, а мне, как в детстве, представляется большущей, волшебной, иногда она отливает голубым, а то и лазурным атласом. В приоткрытом клюве у глухаря будто бы брусличина алеет. И весь он теперь не черный, а разноцветный: при свете утреннего неуверенного солнца оперение так и переливается многоцветьем.

Надеюсь, что глухарь успокоится, будет сидеть на вер-

шине, подставив грудь ласковому солнцу, и, довольный всем происходящим вокруг, уверенно, влюбленно запоет. Но редкая эта птица, говорят охотники, удивительно осторожна, поэтому поет мало. Надо бы получше разглядеть глухаря — нечасто попадаются они в наших местах, может случиться так, что и совсем скоро переведутся. Подойти бы поближе. Но трогаться с места можно только во время песни: знаю, опытные охотники даже весной, в пору дружного токованья этих больших птиц, когда все в природе любовью взбудоражено, крадутся на выстрел умелыми прыжками. У меня нет ружья, подкрадываться вроде бы незачем, вообще считаю коварством затаивание под песню, какой бы страстью ни оправдывалась глухарина охота. Мне достаточно и того, что вижу редкую птицу над заиндевелым болотом и терпеливо жду повесеннему волнующей песни удивительного природного певца; он все же выжил нынешним ненастным летом, спасаясь в перелесках между полями, которые опыляли ядохимикатами, борясь с какой-то льняной блошкой и кустистым новым сорняком, заполоняющим злаки...

Вот глухарь нацепился, едва размахнув крылья, тяжело, но почти бесшумно, разве что взволнив воздух, опустился на запорошенный синевой болотный мох. Приподымаюсь на цыпочки, выглядываю из-за мелких ветвей, а потом взбираюсь на обледенелый пень и замираю в напряженном ожидании. Должен, думаю, глухарь обнаружить себя там, под сосной. Он тоже, видимо, затаился, схитрил — не пробежал, не взлетел, а все-таки исчез. Вместо него, словно голубой мячик, выскочил откуда-то развеселый заяц. Увлеченный азартной игрой, понятной только ему.

Точно, была игра. Радостная, утренняя игра. То появлялся один голубой мячик, то высекали из-за холмиков два или три сразу. Иногда в заячью беготню вмешивались яркие, отраженные от стволов солнечные блики. Ба, да и зайчики нынче сохранились, уцелели, очень шустрые они, жизнерадостные, словно и не было тяжелых дождей, опыления лесов, химобработки на полях. Вот взмелькнул оранжевый хвост лисицы, бегающей по кругу, в центре которого, навострив уши, сгрудились три зайца. Похоже, догонялки у них, догонялки да затаенки — детские игры. Ну не может быть, чтобы зайчики молодые и лиса вместе играли. Хоть глазам своим не верь.

Грохотнуло в стороне. И переменился лес, пасмурно стало в нем. Через некоторое время опять промелькнул синий комок — заяц, конечно, а следом за ним — лиса. Снова — настороженная тишина. И вдруг я отчетливо почувствовал

на себе взгляд того исчезнувшего глухаря, он смотрел на меня из кустов можжевельника. Оттуда же и зайцы на меня глядели, и лиса, хитро прищуриваясь, смеялась надо мной.

Снова выглянуло солнышко. Все вокруг смотрело на меня вишневыми глазами, смотрело доверчиво и весело. Может быть, в тихий и добрый час, желая открыть нам свои очаровательные, ранее никому не доступные тайны, сама природа так смотрит? Внимательность и осторожность в лесу, душевный человеческий отзыв на каждое движенье, каждую перемену в привычном мире, чуткость и доброта ко всему живому вознаграждаются таким таинственно-благодарным взглядом.

Только успел так подумать, настойчиво потянул верховой ветер, закачало деревья, и рассеялась над болотцем желтая пыль. Небольшая дымчато-клубистая туча вставала все выше и выше, угрожающе нависая над лесом. Исчезли солнечные блики, помрачнели, испепелились недавно казавшиеся голубыми тени от деревьев. Опять стало пустынно, глохло, лишь неунывающая, смелая птица где-то вызванивала свою зимнюю песенку. Она этой песенкой будто бы вызывала солнце из-за тучи. Снова отовсюду смотрели на меня веселые, доверчивые вишневые глаза. Пригляделся внимательнее, приглушая восхищение практическим интересом, — вишневые глаза тут же превратились в спелую крупную клюкву. И стало понятно: иней покрыл ягоды ровной голубоватой изморозью, а когда солнце пригрело, засветились они ярким вишневым светом. Все очень просто.

Слышатся, слышатся еще чудеса на болоте, которое в детстве казалось Большим, но только при особенном свете, когда прорывается он сквозь дымную завесу. Бывает, неделями не выглядывает солнце. И ждешь терпеливо свой день, свой чудесный час, в который многое открывается. Природа щедро сотворяет и хранит жизнеустроительные тайны, красоту и чудеса для тебя, милый человек. Если не зачерствела твоя душа, ты увидишь и поймешь.

Леонид ПОПОВ

* * *

Фотокарточка-картоночка,
Усмешечка дрожит...
Собрана моя котомочка,
На лавочке лежит.
Что-то рано разневестилась
Разлучница-заря,
Что-то во поле невесело
На склоне октября.
Колокольчики забрякали,
Не прячь, зазноба, глаз,
Что вчера от счастья плакали,
А уж нынче — в самый раз...

* * *

Сердце песней не грею,
Петь-гулять не велю.
Чтобы было теплее,
Печь стихами кормлю.
То-то пламя пылает,
То-то плачется мне:
Вся-то радость былая —
В суетливом огне.
Ах, как корчатся строчки
Прежних песен моих!
Прогорают листочки,
Как и не было их...

* * *

Барыня-мачеха кличет. Давай,
Штопай рубаху, жена.
Да поискусней, гляди, зашивай,
Внешность в столице важна —

Там по одежке встречают, как встарь, —
То-то придется дрожать,
Хоть и велел государь-секретарь
Накрепко марку держать.
Нынче Москва — не Россия, смотри,
Там, как в парижах, — шарман,
А потому хоть рассолом протри
Поддержаный мой чемодан...

* * *

Мы кровь родовую презрели,
Воспели беспамятства дым...
Безродные бродят метели
По русским погостам святым,
И надобно сердца усилье,
Чтоб нынче сквозь мглу разглядеть
Крестов повалившихся крылья,
Что силятся в небо взлететь...

* * *

На пол слова, бестолково
Напроситься был бы рад,
Да занятье дураково:
Рвать зеленый виноград.
Промолчу. Скручу кручину,
Хоть под цветом милых глаз
Нелегко сыскать причину
Для веселия сейчас.
Не держу на вас обиды,
Одного себя браню:
Не берут мои флюиды
Вашей кофточки броню...

* * *

Не по нраву времена?
Да, пожалуй, хреноваты...
Небо — в клочьях серой ваты,
Неумытая луна,
Песня пьяная слышна
Под брехливую гармошку...
Пошумят еще немножко
И — пожалте — тишина...

Нá, родная сторона,
Ломтик сала, браги кружку,
Одеяло да подушку —
Пей да спи!.. Твоя вина
И была — да прощена:
За кровавый серп и молот,
За войну, а после — голод...
И за наши времена —
Прощена твоя вина.

* * *

Сколь дивна зима на изломе!
Как благостна снежная гладь.
Темнеет... И в стареньком доме
Топлю свою печку опять.
Под пологом мартовской хмари,
Где угли зари горячи,
Хмельные, в любовном угаре
На гнездах горланят грачи.
Ах, есть во мне певчая сила,
И радость взмахнула б крыла,
Когда б ты, пускай не любила,
А просто, жалея, ждала...

* * *

Чем порадую милую ранней весною?
Небогат обиход мой простой.
Не сочтет же она золотою казною
Одуванчиков сор золотой...
Чем утешу хорошую осенью поздней,
Когда мучит безверия бес,
Когда заткана зябкою роздымью звездной
Неприютная бездна небес?
Знать бы слово заветное — летнее, светлое,
Чтоб дарило теплом в холода,
Чтобы солнышком время встречало рассветное,
А постылым дождем — никогда...

* * *

Молоко твоих рек, гражданин коростель,
Когда ночь подбирает крыла,
Розовеет с того, что брусничный кисель
По угорам заря разлила,
По приречным лугам в государстве твоем,
Изумрудные травы в росе,
И такой тишиной опоен окоем,
Что не помнятся горести — все.
Так зовуще высок небосвод голубой,
Что примолкла тревоги труба,
И завидною кажется наша с тобой
В это раннее утро судьба...

* * *

Холода... Даже звезды повымерзли.
Ни огня в деревушке пустой,
И собаки последние вымерли
Здесь, за этой забытой верстой.
За оградой — береза продрогшая
Да журавль ледяной на ветру, —
Вот и все. Только лошадь озnobшая
Все равно норовит — ко двору...

* * *

На кухоньке тесной, где бесятся мухи,
Где шустр тараканий сухой шепоток,
Где сальные стены, где шорохи глухи,
Где вдрывг чугунами заезжен шесток, —
Какие — вы б знали! — мне грезились дали!
Как остро, еще неокрепшей душой,
Я чуял весь холод вселенской печали,
Что впрок заготовил мне мир мой большой.
Но угли в печи ворожили удачу,
Малиновым жаром манили мальца,
А то, что в итоге все вышло иначе, —
На то, значит, воля Творца...

Ольга ГУССАКОВСКАЯ

ВСТРЕЧА

Она вышла на улицу, еще не зная, куда пойти. Весенний вечер долог. Люди возвращались с сопок, неся в руках букеты бледно-золотистых цветов. Их лепестки казались сотканными из света белых ночей Колымы. Ей захотелось увидеть цветы самой, близко. Она знала одно тайное место. Кроме нее, там не бывал никто.

— Вы спешите? — спросил, нагоняя ее, знакомый голос. Она не удивилась встрече. Еще не видя его, внутренне была готова к ней. Хотя знала: именно сегодня они могут и размимнуться в своем странном мире.

Их давно уже разделял мир маленьких, но непреодолимых расстояний. Сначала они даже не знали имен друг друга. Потом она услышала, как его окликнули по имени на улице. А в другой раз, собравшись с подругой в кино, почувствовала, что он идет сзади, но не решалась оглянуться. Конечно же, с тех пор он тоже узнал, как ее зовут...

Они встречались на улице часто, почти каждый день. Незаметно начали перебрасываться незначащими словами. Но ни он, ни она так и не решались переступить через порог привычных условностей.

К тридцати годам любая человеческая жизнь напоминает хорошо снаряженный поезд, которому только и остается — катиться по знакомому пути. Работа, деловые встречи, привычный быт... С этих рельсов человека сбить не легче, чем тяжелый состав.

— Вы спешите? — спросил он негромко.

— Нет... Просто хочу набрать цветов, а за ними надо еще идти, — чуть настороженно ответила она.

Он поравнялся с ней.

— А меня... — начал он неуверенно и смолк.

Она перевела дыхание, глянула на него искоса.

— Вы хотите пойти со мной?

— Очень хочу!

... Они шли рядом и перебрасывались все теми же незначащими внешне словами, но ей казалось, что каждое из этих

слов тянет за собой невидимую нить. Переплетаясь, нити эти все крепче связывают их друг с другом. И он уже вовсе не чужой для нее: тонкий шрам у него на виске знаком ей, как тот, что у нее самой на пальце. И привычка заламывать бровь так же необходима, как ее собственная — поправлять непослушные волосы.

Они миновали шоссе и очутились у необъятного подножья пологой сопки.

— Куда же теперь? — спросил он и впервые взглянул ей в глаза быстрым теплым взглядом.

— Вон, где вершина и, видите, одинокое дерево возле. Туда... — ответила она не сразу.

— Но там же ничего нет!

— Увидите...

Серые камни громоздились один на другой. Лишь изредка мелькали между ними зеленые клочья мха. Он шел первым, и само собой вышло, что она держалась за его руку. Он молчал, но она чувствовала, как бережно предупреждают его сильные пальцы малейшую опасность, и радовало чувство защищенности. Она забыла о конце пути, не хотела его, но они все-таки пришли.

Над морем среди мертвого камнепада притаилась зеленая поляна, и вся она принадлежала одному дереву. Много сотен лет тому назад на вершине сопки, где и расти-то ничего не должно, выжила лиственница. Подняться ввысь она так и не смогла. Зимние штормы срезали вершину, и от всей лиственницы уцелел только могучий ствол с одной-единственной ветвью. В ней одной жила вся красота и сила дерева. Иглы на ветви были длиннее и пушистее обычного, и цвет иной — слегка синий, словно бы прозрачный. Корни лиственницы раздробили окрестные камни, вода и ветер докончили дело, и теперь рядом с деревом тянулась к небу молодая лиственничная поросль, цветли диковинные по высоте золотистые рододендроны. Многоцветковые их кисти слабо светились в сумерках.

А под обрывом шумело море — шел прилив, и вода торопилась вернуться в свои покинутые владения. Мелкие волны набегали на камни, ощупывали их со всех сторон, переговаривались негромко, считая им одним ведомые потери.

Она разостлала куртку и прилегла, закинув руки за голову, под лиственничным шатром. Сколько раз ей приходилось бывать здесь прежде, и никогда она не находила следов других людей. Это место принадлежало ей одной. А сейчас рядом с нею, но не касаясь ее, лежал человек, которого она

сама привела сюда. Ей было покойно и легко, как никогда. Шумело море, медленно перекликались ночные птицы. Она и не заметила, как задремала.

Утренний, белый и холодный свет постепенно затоплял звезды. Иные тонули в нем сразу, без борьбы, другие сопротивлялись, мерцая.

Он следил за ними сквозь сетку ветвей. Ему казалось, что звезды тонут с легким, чуть слышным, всплеском, как бы проламывая весенний ледок.

А внизу, повторяя небо, лежало море, и в нем тоже тонули звезды. Оно было удивительно ясным и тихим. Только по дальнему берегу бухты неширокой, странно синей полосой лег не то дым, не то туман, отрезав сопки от подножья. Сопки повисли в небе сизой тучей, словно бы угрожая издали миру света и тишины.

Он тронул ветку лиственницы над головой, и она брызнула дождем спелых росных капель. Он вздрогнул, но странное состояние не прошло. Все в нем было обострено до предела. Он мог услышать шелест тонущих звезд, рост травы, невидимый ход рыбьего косяка под спокойной гладью моря. И только одного не мог: повернуть голову и глянуть на женщину, что лежала рядом. Так близко и так далеко!

Шли томительные минуты. Вот и последняя звезда утонула в алом разливе зари.

— Ты не спиши? — осторожно спросила она. И все это: сам ее голос, вопрос, а больше нежданное, как подарок, «ты» — почти испугало его. Он затаил дыхание и не отвечал, смутно чувствуя: любые слова — ничто перед тем, что сейчас должно произойти.

— Иди сюда... — позвала она гаснущим голосом, словно бы из невыносимого далека.

Он повернулся и увидел, что она сидит, прислонившись к стволу дерева. Руки стиснули наперекрест зябкие плечи. В ней боролись решимость и страх. Малейшее неловкое движение могло спугнуть ее, как птицу, присевшую на окно.

Он мягко притянул ее к себе одной рукой, другой взял ладони и прижал к губам, согревая дыханием озябшие пальцы.

И опять потекли не то минуты, не то часы. Вдруг она коротко вздохнула, высвободила руки и, зажмурившись, прильнула к нему всем телом.

Только тогда он молча стал целовать ее: сначала недоверчиво, боязливо, потом страстно.

Сейчас каждое ее движение стало открытием целого мира. Она положила голову к нему на плечо, и щека коснулась щеки

— перехватило дыхание от скользящей мягкости ее кожи, от лесного дурманящего запаха ее волос. Она провела пальцем по бровям, разглаживая их привычный крутой излом — простое, нечаянное движение. Но оно лишало его власти над собой.

А дальше — исчезла она, исчез он. Вся его жизнь, все пережитое растаяло в это мгновение вместе с предрассветной мглой. Осталось только море, небо и ее глаза, огромными черными зрачками отвечавшие на каждое его движение.

Он молча целовал ее шею, плечи и шелковистую впадину между грудей. Слова приходят, когда счастья еще нет или оно уже позади. В это единственное, древнее, как сама земля, мгновение они бессильны.

Молчала и она, а из светлых, широко раскрытых глаз катились слезы.

Он заметил это не сразу. Потом встревоженно поймал ее взгляд.

— Я обидел тебя?

— Нет... Просто мне слишком хорошо. Так не бывает.

— Я и сам боялся, что ко мне это не придет уже никогда.

— Но...

— Да... Я был женат. Давно. Мы разошлись, не прожив вместе и года. Никто не мог понять — почему? Не знал и я сам, просто стало скучно. Теперь я понимаю: я никогда не видел жену такой, какой вижу тебя сейчас. Я не помню ее как женщину. И себя не помню тем, прежним. Ты... Ты — моя женщина, мой человек, мое все! Я не жил до тебя...

Он снова обнял ее, прижал к груди и стал уже медленно, как бы присматриваясь к ней издалека, целовать ее глаза, лоб, легкие волосы.

А потом они спустились на берег. Она положила голову к нему на плечо и закрыла глаза. Вздрагивали голубые устальные веки.

Берег кончился возле черной скалы, далеко врезавшейся в море. Дикая сила штормов изрешетила ее склоны пещерами, где жили птицы, но так и не одолела скалу. От ее подножия тропинка вела вверх, к городу.

Они остановились среди высоких древних валунов. Камни намертью срослись неровными ребрами в бархатной шкуре из мха и лишайника. Это было последнее место, принадлежавшее только им двоим.

Еще несколько шагов... Но город не появился. Вместо него до краев заполнило каменную чашу синее туманное озеро. На дальнем его берегу белел одинокий домик, но и он, казалось, не принадлежал людям. Белое пятно, напрасно

смотрящееся в непрозрачную синюю гладь.

Они вдруг почувствовали себя первыми поселенцами на берегу неведомой земли. Нет города, нет назойливых встреч, нет изматывающей ежедневной суэты. Всего того, что еще вчера раздражало и тяготило. Но ни его, ни ее не обрадовала мысль об одиночестве, о фантастическом освобождении. Им уже хотелось к людям. Потому что любое человеческое чувство обретает глубину лишь в сравнении с окружающим миром. Они не могли бы выразить это словами. Просто чувствовали.

По синей поверхности озера пробежала рябь. Оно дрогнуло и, прорвавшись через отбитый край каменной чаши, хлынуло в море.

На обнажившемся дне возник утренний город.

Виктор ЛАПШИН

ЦАРЕВНА

Идет красавица моя,
Идет медлительно-небрежно.
Куда она — туда и я,
Свиданье наше неизбежно!

Как ты прекрасна, Боже мой!
Как слепы, как ничтожны люди:
Увидят чудо пред собой —
И чуда не признают в Чуде!

Глядите же: она идет!
Увы, мои напрасны пени:
Никто пред ней не упадет
В немом восторге на колени.

За ней сквозь косную толпу,
Ступаю горделиво-гневно.
Неужто горе утоплю
Сегодня я в вине, царевна?

Нет, я узнаю, где живешь!
Или узнаю нынче — или!..
Должно быть, дом твой так хорош,
Что в нем и ангелы бы жили...

Идем. Репьи в седой пыли...
Вода цветет в канавах ярко...
Мы к палисаду подошли,
Что у барака-перестарка.

У входа — с тазом здоровяк,
Пеленки свесились из таза.
Она к нему юлой: «Ну, как?»
«Да где ж ты шляешься, зараза?!»

Мою царевну не узнать:
Перекосилась — и на мужа:
«Чего орешь, ядрена мать?
Заткнись, тебе же будет хуже!»

Кой черт занес меня сюда
И матом вымостиł дорогу!
Я их не видел никогда —
И не увижу, слава Богу.

Жить не хочу я — решено!
В петлю, под поезд, в омут, на кол!...
... Теперь и вспоминать смешно:
Я шел и плакал, шел и плакал.

ОТПОВЕДЬ

В нашей древней стороне
Всех ты краше и моложе.
Не ко всем, а лишь ко мне
Равнодушней будь и строже.

Не гляди, не подходи:
Для другого мать взрастила!
Видишь камень впереди?
То душа моя застыла.

За версту минуй мой дом:
В нем сквозняк несчастья свищет.
Чуешь, рыщут за холмом?
То меня судьбина ищет.

Ни слезы не оброня
И не сторонясь нимало,
Все же смотришь на меня?
Негодяев не видала?

В нашей древней стороне,
Чья тоска моей моложе,
Что ж ко всем, но не ко мне
Равнодушней ты и строже?

ТАТЬЯНА

Когда я жил не сыто и не пьяно
И в одиночестве копил тоску,
Тебя увидел... Вот моя Татьяна!
Ну, мало ль что примнится простаку...

Решился и пришел. Мой голос зыбкий
Был слышен, может, мне лишь одному.
Ответила ты с вольною улыбкой:
«Спасибо вам, но это ни к чему».

Избранник твой, степенен деревянно,
Мурлыкает, как на гульбе коты...
Татьяна ты, но не моя Татьяна,
И потому не истинная ты.

СОБЛАЗН

Борису Андрееву

Он в городе чужом гостили.
Казалась жизнь ему недугом.
Его приятель приютил,
Прикидываясь вечным другом.

Хозяйка, нежно-молода,
Смущала: «Вы стесняться бросьте».
В румянце сладкого стыда
Вишневкой потчевала гостя.

Вела в зверинец, горячо
О смысле жизни щебетала.
Ему на робкое плечо
Клонила локоны устало.

Влекла в музейную толпу —
К рембрандтову немому мраку.
К Александрийскому столпу,
На ринговую чудо-драку...

На локте висла: «Что за вид!
Вот здесь печального поэта
Прикосновение хранит
Гранит угрюмый парапета».

Он отстранялся, но слегка,
Недоуменно и несмело.
Седая рушилась река
Под мост и льдинами белела.

За ужином, с веселым злом
(Дескать, не вырвешься из плена!),
Она до боли под столом
Вдруг стиснула ему колено.

Сидел он, вял и неуклюж,
И слушал, как несчастный муж
Гремел о венценосном Фрице
И о Туринской плащанице...

Посмеиваясь, не спеша,
За дверь с дрожащей сигаретой
Он вышел и воскликнул: «Ша!
Останься, песня, недопетой!»

Сбежал он по ступеням в сад
В беззлобномupoенье мести
И на трамвае наугад
Умчался в гиблое предместье.

Бродил по лужам до зари,
Уныло озирал трущобы
И вскрикивал: «Черт побери!
Как с нею свидеться еще бы?»

Постылый занимался день
И озарял напрасной славой
Его страдальческую тень
По-над поганою канавой...

ЭЛЕГИЯ

В толпе, где лица, хари, рыла
Равны пред лицом Божества,
Давно ты мне не говорила
Простые, нежные слова.

Ты далека, еще далече
Томленья наши, наши дни.
О, необузданные речи
И ласки, — пыткам вы сродни!

В стране измен, корысти, зверства,
При воле пуле и ножу,
Я за тобой, пустое сердце,
Как призрак мыслящий, хожу.

Поддамся ль жизни я бесцельной
И устремлюсь ли в мир иной
С мечтою дерзкой, запредельной —
Или же с шуткой площадной?

С тобою встретиться не чаю
Ни в духе я, ни во плоти.
Хотел бы вымолвить: «Прощаю», —
И говорю тебе: «Прости!»

Константин АБАТУРОВ

ПОЮЩИЕ ДЕРЕВЬЯ

(Из повести «Житие Ефима Мураша»)

Который раз будили чьи-то шаги за окном, а встать, взглянуть на темную улицу, кто полуночничает, тревожит дремотную тишину, не было сил. Вообще-то я мог бы обойтись без ночевки в сельце, если бы не этот Мураш, как звали в Сосновке бывшего лесного обиездчика однорукого Ефима. Остановил меня уже за сельцом возле сухой березы. Для чего-то понадобилось ему, чтобы я сходил с ним в лес к каким-то поющим деревьям. Так просительно глядел на меня, что отказаться было нельзя.

Минуя заболоченную падь, а за ней недавние гари, где еще пылил черный мертвящий пепел, он, широко шагая на своих длинных ногах, вывел меня к рослому словому колку, шумевшему на угоре. Деревья стояли на хрусткой опавшей хвое, как на подбор высокие, необыкновенной прямизны, без сучков до самых вершин-шапок, купающихся в солнечном половодье.

— Вот, — показал Ефим на деревья, любуясь ими, — до-тронись — отзовутся, запоют. Наградила природа-матушка, спасибо! — Он тут же перевел взгляд на закраек, где торчали пни, отекшие побуревшей смолой, жалкие, как бы заплаканные, и глаза его окутала темень. — Видишь? Губят ведь, губят! Такое золото изводят, палят, а...

Голос жестко дрогнул, колыхнулась черная с белыми мазками борода, опустившаяся на тощую, с выпирающими ключицами грудь.

Постояв, погоревав, он повел меня дальше, к другому такому же колку с такими же высоченными деревьями и пожухлыми пнями.

Водил Ефим по лесу до сумерек. И тут стала понятной для меня цель этого «вождения»: попросил — нет, скорее потребовал — написать в газету о гибнущих елях.

— Никто, — сокрушался он, — не отводит недобрую рубку от леса, так, может, газета пробьет глухоту, ведь из таких деревьев музыкальные инструменты делают. Музыку!.. Да

ты, небось, сам слыхал? — И он поглядел на меня глазами обиженного мудреца.

Когда я раскрыл блокнот — поотошел, немного успокоился.

...В Сосновке, этом маленьком, поредевшем сельце с ветхой деревянной часовенкой на отшибе, Ефим считался человеком добрым, но не без странностей. Мог он вот так подняться, «заговорить» кого угодно, как сделал это со мной, но потом, вроде бы ни с того, ни с сего, впасть в апатию, как многотерпеливый библейский Иов.

Дед Семен, с которым я при наездах в сельцо ходил на озера за карасями и у которого останавливался на ночлег, говоривал, что порой Ефим даже пугал своей непробиваемой молчаливостью, заканчивающейся эмоциональным взрывом.

Жил Ефим в крайней от леса избе с палисадничком под окнами. Один, как и мой знакомый дедок. Жена с дочуркой уехала от Ефима в райцентр, а из-за чего — неведомо.

Пробудившись среди ночи, я, наверное, и не вспомнил бы о нем, если бы не поход с Ефимом в лес. Запало в душу все: и как радовался он при виде резонансовых елей, и как мрачнел, когда переводил взгляд на пожухлые пни. Бездушного человека это бы не тронуло.

Я лежал, не открывая глаз, но сна уже не было. За окном опять послышались шаги, несмотря на темень — твердые, не сбивчивые, явно мужские. Но — чьи? Шаги то приближались, то удалялись.

Вечером, когда я уходил в тесовую горенку, дедок пожелал мне: спи, мол, спокойно — пегобородый, небось, уморился сегодня, так не будет шастать по дороге, не потревожит. Тогда я не придал значения этим словам, но теперь... Пегобородый?.. Так не Ефим ли это?! Но почему он полуночничает?

Когда утром дедок с обычной вежливостью спросил, как мне спалось, я сказал о шагах.

— Смотри-ка, — удивился он, — и устаток на берет! Мураш это, он!.. О Господи!.. Долго ходил-то?

— Да вроде долгоночко.

— Значит, не приехала, — сказал дед и покачал седой головой. — Опять, выходит, зря маячил, — пожалел старый Ефима.

— А кого ждет? — спросил я.

— Дак жену с дочкой. Та все — к папке да к папке... Самому бы позвать бабу, но гордость, виши. А ходит, ходит...

Началось, по словам деда Семена, с того, что отняли у Ефима объезд.

— Коли за дело б, дак нет... Лесок берег яро, гнал всяких незаконников. Осмеливался перечить начальству, а таких начальников, которые бы принимали критику, видно, земля еще не родила... Вот и сжили человека.

Мы помолчали. Дедок достал было кисет, но передумал.

— Что же было потом? — спросил я.

— Что... Работал в колхозе, к машинамшибко пристрастился... Только уж новые беды подстерегали его. Слышим, у Мураша руку отхватило. Привезли в колхоз новую косилку, какой у нас сроду не бывало. Никто не брался садиться на нее, а он вызвался. Видно, по горячности либо по недогляду (ведь еще не перегорело в душе-то) и попал под нож... Так вот.

Старик наконец набил свою трубку, раскурил, закашлившись до слез.

— И уж какое тут житье, — продолжил дед Семен, — однорукому-то?.. Ни работы, ни достатка... Он — к жене: «Катя, как теперь?» У той задрожали губы, все румяна дойли... Была она лет на десять моложе Ефима, счетоводила в колхозе, блюла себя, любила и пофорсить. Повторю — не старуха. И вот теперь... Ответила вроде безобидно: «Прокормлю!» А вышло — как пригвоздила его! В нахлебники определила. Инвалид, еще бы... Вот тогда-то, как на грех, стал наведываться к ней бывший ухажер. Вдовий, свободный... Ни дна бы ему, ни покрышки!..

Я выждал, пока дед успокоится, передохнет.

— Конешно, может, все бы и обошлось... Ну гость и гость... — продолжил рассказчик, немного подумавши. — Только застал однажды Ефим незваного, когда тот настойчиво уговаривал Катерину уехать к нему. Что, мол, с одноруким-то лучше, что ли? Загубишь, дескать, свою жизнь и только, а у меня... Взбешенный Ефим не дал гостю договорить... Короче, заставил его убраться вон. Катерина было взбеленилась: «Ах, позорить меня! Ну так вот!..» И — засобирая уходить. Он, Ефим-то, поддал жару: «Вот и уходи! Беги, беги к своему... Не пожалею». Ну и уехала Катерина

вместе с дочкой. — Дед Семен горестно покачал головой, потом взглянул на часы-ходики. — Однако ты поспешай к автобусу! Пора.

Перед тем, как пойти на большак, я все-таки решил заглянуть к Ефиму. Застал его на задворках, в огороде, где зеленело несколько грядок, довольно ухоженных. С северной стороны — молодые березы и ели, посаженные для защиты от холодных ветров. У одной из елей с реденькими ветвями — небольшой оживленный муравейник. Тут и стоял Ефим, босой, с высоко подвернутыми штанами. По мословатым ногам его сновали обеспокоенные мураши, кусая и щекоча. Ефим терпеливо сносил их укусы, стоял не шевелясь, как статуя, только втягивал широкими ноздрями пахучий воздух.

Наверное, не следовало показываться ему на глаза. Увидев меня, он тотчас раскатал штаны, в спешке забыв стряхнуть муравьев, и, насупившись, пошел к крыльцу.

— Жгут? — спросил я.

— А ты попробуй сам, прими сеансик! — неожиданно всхохотнул он.

Сели на приступок. Разговор в этот раз не ладился. Правда, он рассказал, что лечит с помощью муравьев ревматичные ноги: сам и муравейник развел — подобрал в лесу клочки разоренной медведем-шатуном кучи, в своей фуражке и принес. Прижились на огороде кусаки. Посмеивались, мол, ба-бенки-язвы. Через это и прозвище получил — Мураш.

По всему было видно: что-то Ефима заботит, гнетет. Скорее всего — напрасно проведенная в бдении ночь. Помолчали. Потом Ефим разжал жесткие губы:

— Домой?

Я кивнул.

— А опять когда?

Я сказал, что, наверное, в следующее воскресенье.

— Та-ак, — протянул он и снова умолк, о чем-то соображая. — Мне бы тоже надо съездить в район к...

Ефим потупил взгляд, пощипал бороду. Где-то раздался детский голос. Мой собеседник так и привскочил, прислушиваясь, затем продолжил:

— Поди, у дачников. Н-да, надо бы и мне привезти до-чурку...

Я не стал его спрашивать ни о жене, ни о дочери.

Перед уходом Ефим неожиданно поинтересовался: можно ли купить в городе недорогой костюм. Я записал на всякий случай размер — пятидесятый — и пообещал посмотреть.

... В следующее воскресенье мне не удалось вернуться в Сосновку — задержали дела. Потом заладили дожди, дорогу развезло.

Долго добирался до сельца, скрытого ползучими тучами и дрожавшим на ветру темным перелеском. Но вот и сухая береза, и прикорнувшая, исхлестанная дождями изба Ефима, смуро глядевшая тремя окошками на размытую дорогу.

Прямым ходом — к нему. Принимай, мол, гостя, пегая борода!

Ждал, ждал меня Ефим. На крыльце, правда, не вышел, из окна поманил к себе. Ох, как ласково дохнула на меня своим теплом эта избенка!..

Но что это с Ефимом? Осунулся, даже постарел. Я задержал на нем взгляд. В ответ — упреждающий кивок всклокоченной головы.

— Ну-ну, не гляди!.. Сердчишко немного... Эка беда...

На столе — кружка с недопитым молоком, тарелка. В углу у вешалки — кошка, в дреме отбивающаяся от мух, да мужские сапоги. Все говорило о том, что он по-прежнему один-одинешенек. В райцентр, видимо, не съездил. Может, по моей вине — проходил костюма?

Бог ты мой! Я и сейчас явился без полного костюма — не удалось купить, привез ему лишь свой ненадеванный пиджак, который был мне маловат. Модный, серый в клетку, с погончиками. Понравится ли? Раскрыл дорожную сумку.

— Давайте, — говорю, — примеривать.

Пиджак пришелся впору. Вот только расцветка... Оказывается, Ефим мечтал о строгом, черном костюме. Почему?.. Однако пиджак взял. Поблагодарив, выложил на стол, должно быть, прибереженные для такого случая деньги. Я так и оставил их на столе.

Вскоре нашлась ему в колхозе повременная работа. Согласился Ефим, но спал и видел лес. В каком бедственном состоянии оказался тот без постоянного догляда! Вернуться бы Ефиму на свой обезд, да разве возьмут!.. Какого-то пьянячку-свойственника поставил начальник на Ефимово место.

Тряс меня бывший обездчик: где же, мол, заметка? Чего, дескать, в редакции волынят?

Узнал я, что от жены Ефима — ни слуху ни духу. Дед Семен втайне от него, мечущегося и обиженного, настрочил Катерине: если-де ты сама забыла дорогу в Сосновку, так хоть дочку отпусти к своему родителю, помилосердствуй.

И теперь, приезжая в сельце, я прислушивался: не донесутся ли от Ефимовой избы новые голоса, и только потом уже шел к нему. В доме было по-прежнему пустынно, хотя и прибрано, подметено. Значит, все же не терял надежды, поджидал своих. Разговор вел только о работе, засиживаться не

давал: некогда, мол, точить лясы.

Однажды он остановил меня на пороге.

— Тороплюсь к своей команде. Не понял? — усмехнулся Ефим. — Новое назначение получил. Командир над буренками. Полсотни голов.

Я посмотрел на неестественно поднявшееся его левое плечо с обрубком-культом. Ефим перехватил мой взгляд.

— Что ощупываешь? Думаешь, не справлюсь?.. Председатель сказал: пастушество — работа для одержимых. Начальство знает...

— А личные дела?.. — вырвалось у меня. Ох, как эти слова вздыбили его!

— Ты зачем приехал? За карасями? Ну и ступай, пока не окочурились они в ожидании благодетеля!

... Но вот наконец-то напечатали в газете и мою заметку. Я в это время был в городе, получил письмо от деда Семена, что Мурашу заметка понравилась, рад, хочет поблагодарить меня.

Приехав в Сосновку, сразу — к Ефиму: здравствуй, мол, пегая борода! Он крепко пожал мою руку, поблагодарил. Оказывается, приезжали из Москвы, взяли поющие ели на учет. Каждое дерево в свое время должно пойти на музыкальные инструменты. Теперь главное — уговорить лесхоз, чтобы никому другому не продал ни ствола.

— Говорил ведь: богатство, золото — наши ели! Так оно и выходит.

Вот когда я увидел настоящую его улыбку — во все бородатое лицо.

За разговором Ефим сообразил самовар, выставил медовые соты свежей выемки, пригласил к столу. За чаем порозовел. И все-таки, как ни бодрился он, было видно: пересилить сердечную болезнь не может. Еще я заметил, что оставленный мной пиджак висит в углу на приметном гвоздике. Не потребовался? На мой вопрос о дочери Ефим ответил, что ее отправили в детский лагерь.

... Дед Семен уже поджидал меня.

— Ну, видел его? Поговорили? О Катерине — что?

— Да я о ней и не спрашивал.

— И не надо. Зачем бередить... Околдовала она его, что ли?..

— Любовь, — возразил я.

— Любовь, любовь, — проворчал старик. — Теперь и молодые-то забыли это слово. Нет, околдовала она Мураша! Ты, это, похаживай к нему, не теряй из виду...

И на этот раз недолго мне пришлось пожить в сельце.

Вызвали в город телеграммой. Заглянул на прощание к Ефиму на выгон, где он пас коров.

— Что ты все ходишь за мной, как будто присматриваешь? — спросил Ефим, кольнув острым взглядом.

— Написать о тебе хочу.

— Ха! Нашел невидаль... Дело говори.

— Домой собираюсь, гости приезжают.

— Гости... — Он распрямился, выдержал паузу. — Гости

— это хорошо! Поезжай в таком разе. А кто?

— Да брат с женой.

— С женой?.. Тем паче!..

Он оборвал себя на полуслове. И я увидел в его глазах тоску.

На рейсовый автобус я опоздал, пришлось вернуться к деду Семену, чтобы у него дождаться последнего автобуса, ночного. Прилег в горенке. Тишина окутала сельцо, и я сразу же заснул. Разбудили меня знакомые шаги на улице.

Через несколько дней я получил известие от деда Семена: «Катерина возвернулась!» Оказывается, Ефима свалил сердечный приступ, и она, оставив дочурку у квартирной хозяйки, пустилась в дорогу пешком. Ночью. Автобусы уже не ходили. Дед Семен писал: «Ты вот что, приезжай! Может, твое слово понадобится. Кто знает». Расписал старый и то, как появилась Катерина ночью у кровати больного, как Ефим очнулся и прохрипел: «Неужто ты, Катя?!», как кинулась она к нему, ткнулась в пегую бороду и забилась в плаче... Приголубила его, напоила чаем, какие-то таблетки дала выпить. Когда жена выплакалась, Ефим ее спросил: откуда, мол, ты узнала о моей хвори? Катерина ответила: твои-де поющие деревья принесли весть... «И пустилась в такую-то ночь! Одна!» — почти шепотом сказал Ефим. «Молчи, молчи!..» — Катерина закрыла ему рот ладошкой, а потом сказала, что она все знает: и как Ефим ночами ходил по деревне, и как автобусы встречал-проводил... Было, мол, время и подумать.

Еще дед писал, что Ефим тихо спросил: по добру ли, дескать, отпустил ее «тот», «другой»? Катерина от такого вопроса даже задрожала вся. «Да не к нему я уезжала, запомни, — не к «нему»! Ну, тряс кошельком, на торговле разбогател... Да ведь не все покупается».

Вот такое известие получил я от деда Семена. Радовало оно и теперь уже по-особому звало в Сосновку.

Сергей ПОТЕХИН

* * *

Рос я колосом в поле,
В небе птицей парил,
На высоком глаголе
О Любви говорил.

Есть ли в мире наречья,
Чтоб сдружить племена?
Речь моя человечья
Безнадежно бледна.

Все воротимся снова
В край, откуда пришли.
Вспыхни радугой, Слово, —
Горемык окрыли!..

* * *

На Макара шишки валятся,
Но не злобствует Макар.
В котелке ушица варится,
Сверху плавает комар.

Он плывет, чудак, саженками,
Чует — финиш недалек.
Не везет Макару с женками,
Непронырлив бобылек.

На работе шеф ругается:
Заруби, мол, на носу —
Мужику не полагается
Жить без бабы да в лесу.

Дескать, что тебе приспичило
В буреломе строить скит?
Вот нарвешься на лесничего —
Из берданки угостит!

Мошкара летит из ельника,
Кровь качает и права,
Да с упреком на отшельника
Из кустов глядит сова.

Осветил кусты фонариком,
Водрузил бутыль на пень.
Хороша уха с комариком!..
Слава Богу, прожит день.

* * *

Встало солнышко над фермой,
Пташки божьи гомонят.
О моей подружке верной
Люди скверно говорят.

За другого замуж вышла.
Я подругу не виню.
Ни к чему седло и дышло
Одичалому коню.

У потерянной любимой
Ничего не попрошу.
Горькой северной рябиной
Яд разлуки закушу.

Будьте счастливы, здоровы,
Не серчайте на врага.
... Все колхозные коровы
Сбросят на зиму рога.

* * *

На губах травинка слаше меда.
Выше счастья ты мне и не дашь.
Быть счастливым — разве это мода?
Быть любимым — разве это блажь?

Облака густые раздвигая,
Одиноко шествует луна.
Разве ты сегодня не такая?
Разве ты сегодня не одна?

Не была ты жгучею крапивой
И малиной тоже не была —
Ты ромашкой, самою красивой,
На поляне выжженной взошла.

И цветы и травы потускнели
Перед этой редкой красотой,
И порой боюсь я: не во сне ли
Ненароком встретился с мечтой...

Разве не о том моя забота,
Чтоб в глазах твоих не меркла синь?
На губах травинка слаше меда,
А не сердце горькая полынь.

* * *

Выстрелил гром за тучею.
Эхо за лесом стихло.
Счастье мое летучее,
Где я тебя настигну?

Рожь по полям колышется.
В озере плецут волны.
Чей-то мне голос слышится —
Грусти и ласки полный.

Там у крутого берега,
Машет платочком алым
Девушка в платье беленьком.
Только не мне, пожалуй.

Я не желал бы лучшую,
Но и теперь не скрою,
Счастье мое летучее
Вновь разошлось со мною.

* * *

Сердце мое, ты — галчонок покинутый
Возле большого, чужого гнезда.
Близится ночь, и на мир опрокинутый
Падает черная, злая звезда.

Слезы мои, не проклонувшись, высохли.
Испепелен зацветающий сад.
Песня и стон божьей искры не высекли,
Траурный ветер когтист и космат.

А впереди цель маячила ясная,
Грудь распирало, и крепло крыло.
Ради чего эта жертва напрасная?
Нить обрывается ради кого?

Смелый вираж завершился аварией,
И ничего не поделаешь тут.
Светлую звездочку звали Наталией,
Эту падучую Смертью зовут.

* * *

Жил, на целый свет окрысясь.
Все едят, а я — говей?..
Вдруг прислали десять тысяч,
Пискнул в брюхе соловей.

Подлетели кверху гирьки
На тарелочке с нуждой.
Накуплю лапши да кильки,
Побегу, как молодой.

Отскребли на сердце кошки,
Не успел я духом пасть.
Разноцветные сапожки
На одну сменяю масть.

Всех врагов оставил с носом,
Важен, как архиерей.
Буду пользоваться спросом,
Словно просо у курей.

Навострил Пегас подкову,
Бьет копытом: и-го-го!
Ой, спасибо Базанкову
И компании его!

Борис ГУСЕВ
(1930-1996гг.)

АЛЕХА

Как-то во хмелью он сказал сыновьям:

— Помру — не хлопочите с поминками. Позовите попа — пусть отпоеет. А тряпки, если останутся, пропейте.

«Тряпок» после него почти не осталось, но сыновья нашли средства для того, чтобы и самим напиться, и напоить других. И, говорят, в нашей деревне не бывало еще таких беспечальных похорон. По нему не выли: дети оставались взрослые и пожил покойный около восьмидесяти лет. Да и помер он тоже тихо и весело — после праздничного стола, под хмельком.

Проститься с ним вышли все его приятели и ровесники. До околицы прошлись редкие — старческие немощи не пускали их даже с печки, — но каждый выходил на крыльцо, снимал шапку, кланялся гробу и говорил:

— Прощай, товарищ! Прощай, Алекса!..

И сыновья, уходя от могилы, повторяли:

— Спи спокойно, Алекса!

Его всю жизнь звали Алексой — близкие и далекие. И в этом имени было много уважения к человеку, который, претерпев удары судьбы, оставался твердым на ногах.

Не будем говорить о скучном старорежимном детстве в деревне — его фактически и не было: с шести лет — работа в поле, а в пятнадцать взвалил Алекса на спину мешок с плотницким инструментом и отправился с артелью ставить дом подгородному мужику. На пасху собрались домой. Реки разлились, проезда не стало... Решили справляться пешком. Но и пеший путь в одном месте перекрыла Андoba, разлившаяся морем.

Остановились подумать. Пока думали — нашлось выпить. За вином деревенские мужики подобрали — дали две лодки. Осторожные — плыли под берегом, где из-за леса ветра почти не было. А отец Алекси, Дмитрий, забрал с собой троих сыновей и велел грести напрямик.

Волной лодку опрокинуло на самой середине разлива. Пока плыла помощь, отец и брат Иванушка, четырнадцати лет, утонули. Брат Василий сумел добраться до стожара, Алексу выловили за портняжку, которая зацепилась за куст, и откачивали. Так и явились они домой «в светлое Христово воскресенье» — двое из четверых.

Потом — солдатчина. Деревенского парня отправили в Севастополь, посадили на военный транспорт и повезли морем к черту на кулички — в Китай. Красоты Сингапура и ад красноморского зноя — все это не шло ни в какое сравнение с ужасами Китая: на площадях городов повстанцам публично рубили

головы. Палачи валились с ног от усталости, а работы не убывало...

Все запоминал деревенский парень.

После солдатчины, только Алекса женился, началась первая империалистическая. Отсидел он четыре года в окопах, привез домой, вшивый и голодный, к жене, которая с двумя дочерьми билась, как рыба об лед, в нужде.

Настал семнадцатый год. И хотя Алекса не был сознательным революционером, он почувствовал в революции свое и воспринял духом. Поэтому дела у него пошли было на лад, родились еще двое сыновей, но от чахотки умерла жена. Советовали родные вновь жениться — не послушал: деревенские мачехи редко голубят неродных детей. Так и остался один с четырьмя. Сам стирал, сам пек хлебы, сам доил корову.

В хлебопечении стал он великим мастером. Вытащит, было, на лопате хлеб, положит на ладонь и ударит кулаком по запястью вытянутой руки. Если прыгает хлеб на ладони, значит — готов. Потянет носом Алекса, крякнет в усы и отломит краюху себе, а вторую — тому, кто рядом случится. Так и видится этот хлебный мужик у горячего печного чела.

В коллективизацию крепко кричал Алекса. Иногда срамил коммунистов, чаще — подкулачников... В артель вошел в первый же год. Стал он ходить за колхозным плугом, благо спина еще от единоличной ходьбы за сохой согнулась колесом.

Девки подросли — уехали в Москву, парни остались дома. Хорошие вышли ребята, только драчливы: между собой дрались и за другими бегали с поленьями и коромыслом. Однако тюрьмы миновали. Воспитание?.. Обматерит Алекса или отвесит плюху — и все. Шли годы, выросли ребята. Старший стал в 1937 году комсомольцем, а на следующий год прикатил в деревню на тракторе ХТЗ. Думаете, не гордился Алекса, когда вся деревня сбежалась смотреть на торжественный въезд его сына!..

Но оборвала все радости война. Сыновья ушли в армию, дочери жили своими семьями в Москве, и остался Алекса бобылем. Не любил он своего бобыльства, ох, не любил! Все время у него — nocturnalists: уполномоченные, эвакуированные, нищие, которых много развелось в то голодное время... Выспрашивал у них Алекса, где что творится, и материли на чем свет стоит Гитлера:

— Ни хрена!.. Отольются волку овечьи слезки! Сломим башку — будет знать!..

А утром он опять уезжал в поле, опять тяжело ступал за плугом, который еле волокли две одышечные кобылы, потому что здоровых лошадей забрали на фронт.

Вот так, опираясь на чапиги, и услыхал он в августе сорок третьего дикий крик. Обернулся — и сам чуть не закричал по-

безумному: над деревней вилось алое пламя, заречный лес на много километров покрыло черным дымом. Пока добежал до деревни — провалился и его дом. И остался Алекса в драных штанах, холщевой рубахе, которая просмолела от пота, и с веверочным кнутником в руках. И жалел он, кроме всего прочего, что не собирается теперь у него девки на посиделки, не придут к нему вечером ребята-школьники читать «Возмутителя спокойствия» вслух при «моргасике» — нет дома, нет пола, по которому они катались от смеха.

Тридцать домов сожрал пожар. Плакала деревня, крепился Алекса и первым подался на делянку за лесом, когда пришло соответствующее разрешение. Жил пока у сестры, ругался с ее детьми, отдавал им все, что зарабатывал, и вместе с ними ел мякинnyй хлеб. В промежутках между колхозными нарядами тюкал топором, рубил дом для сыновей. За три года подвел его под крышу, но не пришли домой сыновья, хотя и уцелели оба в кровавой сече.

Опять на Руси настало голодное время — сорок шестой да сорок седьмой годы, — и обосновались оба сына в городе. Словно оборвалась пуповина, связывающая Алекса с деревней. Забросил он недостроенный дом и пошел с топориком по плотницкой части. Нередко дети брали его за позднее бродяжничество, но он отвечал им одно:

— Мне ничего не надо. Мне теперь только гроб надо. Не хотите в деревне жить — и я там не жилец.

Однако каждую зиму он проводил в деревне, питаясь от летнего заработка и от щедрот своих детей. В деревне и умер. Умер — как подобает пахарю, плотнику, солдату.

В последнее время о смерти он заговаривал часто, но не в мистическом смысле, а в практическом:

— Памятника не надо. Поставьте крест — хватит с меня. Если есть чем помянуть — в уме помяните, а если нечем — так тому и быть.

Он сам припас доски на гроб, сам сплел себе смертные лапти. Заказал похороны с попом — не потому, что сильно верил, а ради обычая. Заказал похоронить себя на деревенском погосте — рядом с отцом и матерью, женой и братом. Однажды его все-таки спросили о мистической стороне смерти:

— Дядя Алексей, пожил ты порядочно, а помирать, наверно, неохота? Страшно?

Он спокойно ответил:

— Да ведь как судить, дурашка... От нее ведь, мать честная, не отвертишься! Да и не привыкли мы вилять. На войну надо было — ходили. Мало ли бы чего я не хотел!

И сказал старый Алекса такое, что не часто приходит в голову и философу: он и смерть принимал как событие жизни...

Анатолий БЕЛЯЕВ

ИЮЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Звон и гуд на лугу такой
В этот душный июльский полдень,
Будто улей ношу с собой —
Взял вот улей, встряхнул и поднял.

Столько всяческой мошкary
Населяет траву и воздух:
Мухи, бабочки, комары...
А кузнецов! А стрекоз-то!

Осы подняли вдруг содом,
Я для них — супостат и ворог:
Я случайно задел их дом,
А кому же свой дом не дорог?

Ну и жгутся! Спасенья нет!
И одно остается средство,
Недостойное зреых лет —
Обратиться немедля в бегство.

Я бегу и смеюсь: беда!
Да отстаньте ж вы, божьи твари!
Сенокос, а у трав — страда,
А у трав — самосев в разгаре.

И не только у трав. Спешит
Все живое оставить след свой.
Муравейник кишмя кишит —
Целый кладезь причин и следствий.

Белый гриб — он уже не мой,
В нем хозяева понадежней...
Шмель тяжелый жужжит:
«Д-д-дом-м-м-ой-й!»,
Впрок провизией нагруженный.

О, звенящий, поющий мир,
Я сегодня, как ты, в ударе:
Если жизнь моя — только миг,
И за это я благодарен!

АЛЕНКА

Сегодня Аленке два месяца,
Она круглолица, бела,
Еще на ладонях уместится,
Настолько Аленка мала.

Довольна, должно быть, прогулкою,
Хотя и конец ноября,
Лежит и смеется — агукает,
О чем-то со мной говоря.

Душа моя радостью полнится,
И радость у всех на виду:
Аленке семнадцать исполнится
В две тысячи первом году.

А я уже буду на пенсии
И даже слегка знаменит
Хотя бы единственной песнею,
Что вдруг зазвучит, зазвенит.

Я буду сидеть на завалинке,
Ворчливый, как все старики.
Аленка, Аленушка, Але́нька
Прочтет мне мои же стихи.

«Ах, дедушка! Как это здорово!»
Да вроде, скажу, ничего,
Запрятав куда-нибудь в бороду,
В усмешку свое торжество.

* * *

Ну что из того, что метель атаманит,
Закрою глаза и верну
Ромашковый луг и речные туманы,
И даже тропинку во льну.

По ней, по умятой, пойду, и, уверен,
Откроется вскорости мне
Зеленый, цветущий, спасительный берег,
Тот берег, что снится во сне.

Над глинистой кручей, под старою ивой
Я брошусь в траву-мураву
И верю, что встану счастливый-счастливый,
Оттаю душой, оживу.

Потом я умоюсь живою водою,
Кувшинок нарву золотых,
Тебя позову, и окажемся двое
Моложе любых молодых.

Под вечер заря заалеет в полнеба,
Оденет туман полземли...
А вы говорите, на родине не был,
Метели меня замели.

ТАКАЯ ДЕРЕВНЯ

Продрогнешь — и в избу, и на печь,
В дремотный блаженный покой,
И хворь неминучая напрочь
Расстанется за ночь с тобой.

Проснешься чуть свет, а хозяйка
Уже суетится в избе.

— Ну, ожил?
Слезай-ка! Слезай-ка!
Чайку, вон, с малиной испей.
Кажись, не особо и молод,
А форс, вишь, его одолел —
В ботиночках в экой-то холод.
Еще бы не заболел!

— Как звать вас?
— Меня-то? Варвара.
— А дальше?
— Ну, это ты зря...

Мы выпили полсамовара,
Друг друга благодаря:
Она — за умение слушать,
А я — за ее доброту,
За то, что представился случай
Набрести на деревенушку ту.

Борис БОЧКАРЕВ

«ЛАСУНОК»

Копнув первый куст с крайнего гребня, Яшка Гоношилов обомлел: картошки — с полбадьи! Вспахнулась ворохом — ровная, крупная. В какой год такое было — Яшка и не помнил. Он зачастил лопатой, и все шесть соток, на которых у Яшки с весенней оттепели до осенней просини хребет трещал, не более чем через час на треть усеялись картошкой — земли не проглянешь.

Так ведь недаром ковырялся: целину вырубал лопатою, копал, сажал, трижды мотыгой окучивал, навоз на тачке волок (того и гляди пуп развязется)... Дал же Бог заботатеть на бросовом участке. Хорошо — и подъезд по бугру: на собственной коляске и сам — задарма — всю картошку ко двору перекатишь.

От испарины прилипла рубашка, солнце в соль перегоняло пот.

«А добра-то, добра! Мать моя мачеха!.. Да за такую картошку по нынешним реформам можно и по две бутылки с мешка-то взять! А зимой... Отварить, окропить постным маслицем — да с грибом соленым, да с «Пшеничной» на столе!..»

Участок Яшке нравился местом — за ольховым гребешком, в стороне от глаз. В поселке еще в былье времена всех сгрудили, и места для картошки не было. На подворье — огурцы да лук по паре грядок. А здесь — хоть и с версту от крайних домов — вольготно, не сразу и выглядишь, что картошка посажена. Ворам невдомек.

Двадцать лет проработал Яшка бондарем на «деревяшке» — так фабрику по деревообработке называли. А там с каждого полученного рубля налог стали в рубль тридцать брать. «Вот по этой причине, мужики, — сокрушался директор, — я и вынужден вас сокращать. Было пятьдесят шесть, останется только шестнадцать».

Эх, ма!.. Уже к сорока годам у Яшки на руках и ногах вздулись жилы, повылезали узлами. А на фабрике, кроме бондарных дел, то погрузка, то разгрузка... И попал Яшка в отсев. А был он мастером хоть куда! Его кадки да бочонки — глянцем углажены, капля воды и без замочки не проходится!.. И осталось у Яшки последнее спасение — свой огород.

Скотиной Яшка не разжился. Корову не купить. А быть «у козе в услужении» — тошно. Забот — как с животиной настоящей: проводи, встреть, напои, накорми, сена и веток заготовь, а даст она, эта тонконожка, молока — глаз замутить, чтобы брюхо не взвыло. Нет, Яшка гордый, и голова у него — не бульжник, как у иного, который рябины под топор кладет ради козьего подхвостья (любит скотинка рябиновый листок).

А картошка — сидит, в клубень набирается... И какая там еще придет власть, чего надумает, кому и как свернет мозги набекрень — Яшке знать не надобно. Не нужен и прежний округляк — «Народ и партия едины». Теперь своя картошка брюху ближе.

Яшка ласково посмотрел на дальний гребешок. Там посадил он всего-то с полведра картошки с занятным названием «ласунок». О плодовитости ее Яшка был наслышан. А тот полведерник мужик у пивнухи Яшке за пару кружек отдал. Сыпанул в сумку от души!

— Сади, друг! А то нынче все сожрут и на семена ничего не оставят.

Запомнился Яшке тот похмельный мытарь, и, вполне сочувствуя ему, Яшка мог полагать, что утаенные от жены бутылки будет выставлять по праздникам с чистой совестью, потому как в одиночку над землей хребет гнул — на жену и троих ребятишек, мелкоту кровную. Прикинуть — так на семью и без трех утаенных мешков картошки за глазахватит. И черт всех побери, через которых к ржаной буханке не подступишься, а батон ребятишкам — вроде праздника! Затеяли житьишку, чтобы всем землю носом рыть да в верха не глядеть, как там простой люд охмуряют. Кому там дело до Яшкиных детишек, до Яшкиной картошки, а ему одна забота — как бы ту картошку кто не стянул. Эх, податься бы Яшке в президенты — уж он бы все как есть до ума довел! Да где уж тут... Грешен Яшка: нет-нет да и ударится в запой.

Находило такое на Яшку раза два в году. Упивался ровно две недели. Не ел. Только пил и пил, пока не доходил до жуткой точки. Пропитавшая тело отрава «испарялась» за полгода, и тогда — хоть сдохни, а две недели отдай из жизни вон! Жена его понимала, и Яшка — трезвый — берег ее и любил — как-то даже по-детски робко и наивно. К работе тяжелой, тем более на картофельном участке, не подпускал.

Да только самого-то Яшку не отпускали житейские тяготы, гвоздем торчали в мозгах, и даже спьяну отрешиться от них он уже не мог. Яшка чуял, как тупеет душа, а вместо

мыслей — сплошные матюки... И как иначе, когда вокруг только жулью да ворью угождение.

Яшка отер пот с лица рукавом и посмотрел на небушко. И весь мир — добрый, улыбчивый, синеокий — опахнул на-труженную грудь. Яшка вдруг ощутил: жизнь-то и впрямь хороша!.. Только ты ее не пакости. Нет, Яшка душу свою всякой подлостью не коверкал. У него и картошка — своя, и цену себе он знает. Что продаст, что в подвал засыплет. С такой урожайности и жене, и детишкам обновки купишь, а себе — себе можно и велосипед.

Порасправив спину, Яшка окинул взглядом земной простор. Осень выдалась славная: меж хвойника забронзовели березы, и леса вокруг, умиротворенные теплом, внимали небу. «Благодать-то какая», — подумал Яшка и улыбнулся. Потом опять налег на лопату.

В стороне стояла тачка, отбортованная как раз на два мешка. Первую Яшка откатил домой чуть ли не бегом — перед женой похвастаться. Со второй подзастрял. Мысль толкнуть картошку за бутылки крепко засела в нем. Он выкатил тачку с двумя мешками на дорогу и встал перекурить, зорко оглядывая каждый поравнявшийся с ним автомобиль.

Проезжие оказались говорчивыми и за четыре бутылки «Русской» брали три мешка. Люди торговые, лет под тридцать. Один — большой, плечистый, рыжеватый, другой — помельче, жилистый и чернявый. В кузовке мелькнули заграниценные наклейки, и два мешка плотно шмякнулись на железный пол фургона «Москвича». За третьим мешком подъехали к участку.

— Ого! — обрадовался рыжеватый. — Вот так картошка!

— Да ты что! — забахвалился Яшка. — У меня там вон, у закрайка, — «ласунок»!

— Это какой же такой «ласунок»? — спросил жилистый.

— Особый сорт, — важно отозвался Яшка. — На развар — так лучше всяких ананасов! В разрез — как сливошное масло!

— Хе! — усмехнулся рыжеватый и одним махом зашвырнул в машину третий мешок.

«Москвич» поворчал и тихим перевальцем покатил к дороге... Все четыре бутылки Яшка положил в борозду. Нет-нет да и поглядывал на них. Четыре бутылки!.. Это тебе не стопарик. Есть теперь что на стол поставить. Яшка — человек семейный. За магазинной помойкой, как некоторые, из горла пить не станет.

Употел Яшка, уработался. Поднял бутылки, сунул в ме-

шок с картошкой и покатил тачку домой. Дома спрятал свое богатство в ящике со всякой рухлядью, а за ужином принял-ся ерзать и вздыхать.

— Добыл, что ли? — догадалась жена. — Давай уж, ставь!.. Виши, как умаялся.

Мигом обернувшись, Яшка выставил заветную. Выпил стопку — и все. Показал характер. Но посреди ночи сосущая ломота в теле разбудила его. Понял Яшка: совершил затравку и теперь поведет...

Однако утром — ни свет ни заря — Яшка в судорожной тряске, скрипя зубами, даже не прикоснулся к рюмке. Вдруг нагрянут холода? Подпортится картошка. Что же детишкам тогда?..

Полыхнула заря, когда Яшка, навострив бруском лопату, подкатил тачку к своему участку.

Диво-дивное — у края стоял вчераший «Москвич» с фургоном. Двое, деловито дергая ботву и ковыряя лопаткой, укладывали картошку в корзину и пересыпали потом в большой мешок. Яшка пригляделся и осталбенел: самый важный семенной рядок с «ласунком» был начисто испохаблен, перемешан и вытоптан!

— Мужики, — взбеленился Яшка, — вы что, сдурали?! Вы чью картошку грабите?!!

— Свою, свою берем, приятель!.. — крякнул рыжеватый и, матюкнувшись, ловким пинком в грудь опрокинул Яшку. — Не видишь, что ли? — ухмыльнулся он.

Яшка, не помня себя, взмахнул лопатой, брызнула кровь из рыжеватой башки... И тут что-то сдануло Яшку слева в грудь. Перед глазами поплыло голубеющее небо, мелькнули в памяти родные ребяччьи глаза...

Заурчал мотор.

Поутру с соседних участков набежали люди. Милиция на месте происшествия разбиралась недолго и никому ничего объяснить не стала. Лишь проезжая дамочка бросила всколызь из морковного цвета «жигуля»:

— Ну и люди! Дурдом... Двое убитых из-за какой-то картошки.

— Де-е-ревня!.. — пробасил пышнотелый брюнет за рулем.

Владимир МАКСИМОВ

* * *

Последний лучик солнца тоненький,
Зари вечерней полоса...
Играет маршал на гармонике
Про деревенские леса.
Играет Жуков что-то древнее,
Творя такие виражи,
Что вдруг покажутся деревнею
Бойцам штабные блиндажи.
Связистки слушают в земляночке —
Народ воистину земной —
О партизанах и смугллюночке,
Про Стеньку Разина с княжной.
Играет тихо, не воинственно,
И, с песней свыкнувшись уже,
Гадают немки о таинственной,
О неразгаданной душе.

* * *

Он стучал по ветхой раме,
Пахло снегом и сосновой,
Целовал он руки маме —
Запах рук ее грибной.

Он уехал... Снова дома,
Но пришел таким больным,
И горит в печи солома,
Заготовленная им.

Мама в платьице из ситца
(Подарил его зимой).
... Говорят, что даже птица
Умирать летит домой.

* * *

Проснешься в полночь — все вокруг в покое,
Один сверчок скребет как будто дверь,
И вдруг нахлынет невзначай такое,
Что не понять ни завтра, ни теперь.

Пусть редко, но случается со мною,
Когда всем телом ощущаю я
Великое вращение земное
И человечью спешку муравья.

* * *

Старинный голос патефона,
Льняная скатерть на столе,
А после завтрака — поклоны
Непозабытой мной родне.

Поклон — в моих руках груздочек,
Попуток синий — вновь поклон...
А там и снова про платочек
Поет охрипший патефон.

Огромный край с его тропинкой
Туда — в березы, в бирюзу,
Который крохотной соринкой
Из глаза выдавит слезу.

* * *

Стану облаком, стану тучей,
Стану деревом и рекой,
Буду светлой слезой горючей,
Буду правой твоей рукой.

Стану молнией, стану громом,
Буду небушком и землей...
Пронесусь я над старым домом,
Чтоб на плечи твои — зарей!

Стану капелькой росной утром,
Буду солнышком до поры...
В это сын мой поверит мудрый.
... А ведь были и мы мудры.

Василий ТРАВКИН

ВРЕДНАЯ КАПА

Могила получилась глубокая, просторная. Виталий Голубчиков соскреб обвалившиеся камешки, зачистил углы и выбросил лопату.

— Готова. Спи вечно спокойно, Семен Абрамыч! Помнят тебя сослуживцы. Братцы, руку!

Ему протянули сразу две. Упираясь в суглинок стенки ногами, выскоцил на бровку, — опахнуло могильной сыростью вековечной породы.

Семен Абрамович Квасников умер в больнице после операции. Скрутило его быстро, за каких-то полгода. Виду не подавал, не куксился, только как будто злился на что — злился и пыхтел. Спросишь — буркнет и отвернется. Но работу — вел, а усидчивости словно бы даже прибавилось. Все, было, шуршит и шуршит бумагами, пишет много, с упорством, а то примется строчить арифмометром — и все очередями, очередями.

Удивительно — вот выдержка! А как скрючило, подсущило!.. Ходил внаклонку, но опять же — бойко, с озабоченным видом. Сядет, плоскими ребрами упрется в стол и сидит часами, как приклеенный.

В больницу проводили, а он оттуда своему заму называет — вот как въелось. Да что говорить, еще в райзо начинал.

Ну, обследовали, успокоили: дескать, полипы завелись, отсечем треть желудка, будешь снова дебет с кредитом сводить. А на самом-то деле — злокачественная, в запущенной форме. А он-то верил, до самой последней минуты верил, шепотком делал наставления заму:

— Инвентаризацией займись, инвентаризацией... Шкуры — на двенадцатый счет... В акте ревизии указано... А баланс не трожь, не своди, сам уж...

Сотрудники управления по очереди ходили к нему с мечтковскими передачками, вздыхали жалостливо. Еще бы! На втянутом желтом виске лихорадочно бьется синяя жилка, щеки обвисли, глаза провалились, один восковой нос торчит.

— Надрывался, не жалел здоровья, каждую циферку чеканил, прозванивал... Вот и отразилось...

— Оклемаюсь, — качнув носом, слабо шептал Семен

Абрамович.

Не оклемался. Угас. Оставил баланс так и не сверстанным. Копальщики постояли чуток у могилы, посматривая в глубину, любуясь ее ровными отвесными стенками, чистым с четкими углами дном, порадовались: быстро сегодня откопали. Вообще-то говорить «откопали» вроде и неудобно, нечестно как-то: обошлось без обычных в этом деле мозолей и пота.

Вся «похоронная бригада» — мелиоратор Иляхин, Агеев из отдела заготовок, агрехимик Волошин, землеустроитель Голубчиков и ветфельдшер Водянин — пришла как обычно в сельхозуправление к девяти. Разошлись по кабинетам, расселись за столы, раскрыли папки с бумагами — «создали рабочую обстановку». Тут их и вызвал начальник, Гудков, объяснил: так, мол, и так, горе постигло, Квасников, оказывается, скончался, идите переодевайтесь и — рыть могилу.

Пришли на кладбище. Угрюмая — так прозвали заведующую Маленкину за вечно насупленный вид — молча подала лопаты, ломы, кирки, повела на окраину кладбища (Квасникову суждено было «начать» ряд), воткнула тычки между двух сосенок и, не сказав ни слова, ушла.

Сняли слой дернока, копнули. Лопаты заскрипели, заскоркали — матерая глина с камешком. Повезло — ничего не скажешь! Покряхтишь, семь потов сойдет. Попереглядывались. За полчаса, то и дело меняя ломик на кирку, кирку на ломик, вгрызлись на два штыка. Выворотили с десяток булыжников. «Вещественное доказательство» сложили отдельно пирамидкой.

Посидели, побрюзжали, перебирая мужицкую братию родного сельхозуправления. Но как ни возмущайся — могила от этого ни на сантиметр не подастся. Надо долбать. И тут заготовитель Агеев подал идею:

— Взять в «Электросетях» трактор с ковшом...

— Дело! — встрепенулся Волошин.

И все встрепенулись — преданно, горячо посмотрели друг на друга, словно бы замыслив что-то скользкое, опасное.

— А как Угрюмая? Не заскандалит? — высказал опасение Голубчиков.

— Она ушла. Да какое ее-то дело?.. А Семен Абрамычу тем более... Могилы не затронем, вот так колеса встанут... — уверенно говорил Агеев.

Согласились. Агеев побежал за трактором.

И как только все согласились, свалилась невесть откуда лень, пришла какая-то вялость. По телам разлилось беспеч-

ное блаженство. Побросав кирки и ломы, сели на сухой, застланный некосящю лужок под сосенкой, с милосердием вздохнули по покойнику.

— Все считал, всю жизнь считал... Эх, Абрамыч, Абрамыч!.. — горестно выдохнул, тряхнув светлыми волосенками, Волошин.

— Главное, говорит, — учет. Учет и учет!.. Тихий-тихий, а распечет, бывало, — зачешешься! Помнишь, в прошлом году на балансовой по «Заре»? - Виталий Голубчиков оскалил в улыбке редкие длинные зубы. — Как взял в оборот Кныжина-то! Тот и осекся. Стоит — только глаз бельмовый рдеется. «Вот ты, — говорит, — товарищ Кныжин, с форсом доказываешь, как достижение: не даешь засиживаться бухгалтерии, отработали энное количество человеко-дней на льне, на картошке, даже у доярок стажировку проходят. Сказываешь: не ослушаётся, чувствуют ответственность за колхозное производство... А ведь ты в бухгалтерском вопросе проявляешь недомыслие. А ты знаешь, что увеличь твою бухгалтерию вдвое — все равно ей не справиться с учетом? Я говорю — с реальным учетом. Потому как жизнь течет всюду, ежечасно, всякую секунду. И все надо учитывать. Иначе как же можно представить точную картину?»

Посмеялись. Припомнилось, как Семен Абрамович, сощурив глаз, хитровато и желчно посматривал на оторопело переминающегося Кныжина, как долбал его, как ловко поставил точку, не дав опомниться.

— А уж скончался!.. Ой, скончался! — высказал свое отношение к покойнику Иляхин, толстокожий упрямец (никогда ни о чем не расстраивался, не унывал, а уж его ли не драли за мелиорацию). — Придешь с командировкой, начнет оговорки: не положено, без ночевки ездил, надо приложить билеты... Ровно из своего кармана!.. И все чего-то бубнит, шамкает. Идти к нему — поперек сердца.

— А все же забитый, ребята, он человек! — снова вступил в разговор Волошин. — Хоть и петушился, напускал спесь, а — забитый! Это же издалека было видно. Я так считаю: из-за жены, из-за Капочки почтенной молчал и пренижался. Он же понимал: счетный работник, контролер и ревизор по всем статьям, а она — транжирит направо-налево... А подняться, обрезать — где уж... Робок. Ее верх... Помните, Первомайправляли, она ему руку-то на плешку положила?..

— Не Первомай — День Победы!

— Чево-чево?.. И никакая не Победа! Посевную закончили!..

— Ладно, неважно. Он стопашку-то перевернул, слово сказать порывался. А она ему ладонь на плешку — раз! Блин с жару. Завертелся, уши покраснели — прижгло. Положила и — держит. Он вертится, давится, а чтобы сбросить — ни-ни...

Тут заговорил и молчаливо сопящий до этого своим исхривленным носом (во время прививки бычок боднул) ветфельдшер Водяний:

— Меня начальник с запиской послал — рождение Юропину-то справляли... Я говорю: «Вот, Капитолина Олеговна, прошение: головку сыру и маслица кус, свежатинки». Ух, начала ходить!.. Губу надула, ходит, а сама в записку-то взгляды мечет... Я-то человек новый. Это она передо мной свою возмущенность показать хочет. «Это еще что за бумажка?» — говорит. — Тут частная лавочка, что ли?» А я стою безобидно, жду, сумка у меня в руке. А она все ходит и ходит... Вдруг мне в голову-то и стукнуло: чего, думаю, выкормаривает передо мной, видывал вашего брата в разных манерах, знаю ваш липовый принцип. Говорю: не волнуйтесь, мол, мне Петр Матвеич доверяет, не сболтну. Она опять возмущаться: «Как я могу? В счет чего? Тут надо с колхозом-сдатчиком говорить». Ну я не растерялся (подноготную-то ихнюю знаю), ухмыльнулся и напрямки: «Дак чево, Капитолина Олеговна, полноте — сырцех все равно в убытке не будет, сведете баланс, жирность-то шатается: то плюс ноль один, то минус ноль два, — чем и как покормят коровушек». Ну тут она все маскировки и сдернула — заулыбалась, глазки сощурила, смотрит въедливо, оценивающе. «Ушлый ты паренек, — говорит. — Что-то не знаю, не видела... Недавно работаешь?.. Только учти: меня тоже контролируют, хватает скандалов». Взяла сумку — выносит.

— Эх, Абрамыч, Абрамыч, вот и доехал до конечной станции! — снова вздохнул Волошин.

Но эта жалостливая нота тут же и оборвалась, опять разговор скатился к «почтенной Капочке», к управленческим заботам.

— Осиrotела Капа. Дико ей покажется — командовать некем.

— Найдет!.. Такие бабы не могут без этого дела. Найдет.

— Думаешь? А на хрена ей?.. Она же всю жизнь погули-вала от Абрамыча. А теперь — полная свобода!

— Е-моё! Еще говорит! «На хрена, на хрена...» Для прикрытия! Она же понимает, хитрая шельма!

— День работника сельского хозяйства, помните, отмечали?..

— В ветлечебнице?.. Спирт-то Петрович морсом разбавил?.. Графины, понимаешь, стоят, краснеют...

— Я не об этом. Разгар, баян ревет... Урюпин — чечетку, а потом вприсядку... Вышел я в коридор, курю. Смотрю: кабинетик Петровича открывается, вываливается Капочка, а за ней — наш Гудков. Я ткнулся лбом в перегородку, за грудки схватился, показываю вид, будто рвет меня. Прошмыгнули. Спрашивается: зачем было переться в кабинет на пару?

— Звонить ходили. Тебе не понятно? Я сам ходил «телефонить» с Тонькой Грушевой.

Все озорно и красноречиво переглянулись, дружно гыкнув. Показался трактор. Он — Балбошкин. Сверкает стальными зубами, лыбится: давай, мол, давай, не фильтон! Однако приладился расторопно, умело. Опустились железные блюдца-лапы, уперлись в землю. Челюсть ковша вонзилась в землю. Балбошкин прибавил оборотов, дал ход на себя, и емкость, описав полукруг, выхватила тяжелый ком породы. Дело пошло. Напарывался и ковш на булыжники, но Балбошкин трогал рычаг, железо дергалось, находило расщелину, вонзаясь в почву. Через полчаса трактор отъехал. Могила густо парила утробно-дикой, лениво восходящей сыростью. Оставалось поправить стенки, зачистить углы, дно. На пять минут работы.

— Можно трактором и завалить, — намекнул Балбошкин. — Во сколько завтра похороны-то?

— Ты что! — отмахнулись «землекопы». — Завалим сами. Народу сойдется!.. Где тут с трактором?..

И снова вздохнул Голубчиков:

— Не забудет тебя управление, Семен Абрамыч! Большая твоя заслуга в бухгалтерском учете, большая...

И вслед за ним все дружно закивали, словно только теперь поняв, какой это удар по управлению, по всем колхозным бухгалтериям, и отошли, скорбно сутуясь, под сосенку.

Было время обеда. С нетерпением поглядывали они в проем ворот. И вот она — своевременная радость: красненький «жигуль». Капин племянник Андрей Андреевич из машины почти что выкатился — маленький, быстрый. Поставил звякнувшую стеклом объемистую сумку к ногам почтительно примолкшей бригады и скоренько к могиле. Сумку не трогали, напряженно ждали, что скажет.

— Большая, ой, большая! Чересчур. В полтора ковша, что ли? — подивился Андрей Андреевич. — Зря. Можно было в ковш. И глубина!.. Как пропасть. Жуть!..

С одного края зашел, с другого... Потоптался в задумчивости. Звали его, приглашали выпить, помянуть. Отказался:

не могу, мол, некогда. Ну и — пожалуйста!

Бригада теперь уже не спешила. Куда спешить? Дело сделано! Наливали «по малости», «по чуть-чуть».

Вдруг за сосняком — опять машина. Кто-нибудь приехал навестить могилу родственника. Никто из бригады не придал значения. Но оказалось — по их душу. Из «куазика» вылез Гудков. Руководство. Подошел к могиле и обеими руками по-бабы р-раз по ляжкам!

— Вы что, — говорит, — спятали?! Могилу — экскаватором! Да вы что!.. Сумничали! Чуть ли не братскую вырыли. И это Семен Абрамыч! Да он двадцать девять лет, понимаешь, корпел в бухгалтерии! Всего себя отдал делу. Хоронить в экскаваторную яму!.. Да вы что!

— Лопата не идет, одни камни... Все равно — могила... Глубокая, дно ровное... Сделаем холмик... — пытался оправдаться Агеев.

— Нет, не все равно! В последний путь провожаем или спровоживаем с глаз долой!.. Есть разница? А если сюда хоронить, скажут: спроводили!

Появилась Угрюмая, прислушалась, хмуро глянула на понуренных копалей.

— Как же ты им разрешила? — возмущался Гудков. — Могилы копать машиной — еще чего не хватало!

— Мое дело — сторона. Хоть чем, — сказала Угрюмая, подбирай лопаты.

— Копать по новой! Эту яму засыпать и — по новой!.. Где — покажи, — командовал начальник.

— Где, где... Копайте рядом! А эту не трожьте, не заваливайте. Клиенты не задлят, найдутся, не побрезгуют, — подытиожила Угрюмая.

Пока Гудков шагами вымерял место и втыкал вешки, шофер его, Федька Руфин, проболтался:

— ... приехала со своим племяшом такая растрепанная, космы висят, в слезах. Неужели, мол, Семен Абрамыч не заслужил?.. Пожалели рук! Трактором! Бензином от земли воняет... Не дам, не позволю! А шеф — растерялся. Глаза — на лоб. Ничего не знаю, мол, Капитолина Олеговна! Разве отсебятину спороли... Счас поеду — мозги вправлю! Успокойся, все сделаем честь по чести!

Распорядился Гудков на кладбище и уехал. Что делать? Не подчиниться? Уйти?.. Каждый так подумал, но понял: мечта эта — призрачная. Никто об уходе даже и не заикнулся. Со злобой, осторвенением принялись долбить скрипевшую камешником глину. Что правда — то правда: глаза страшат, а руки делают. За неполных четыре часа откопали. Сбили в

кровь ладони, матюков выложили — на тракторной тележке не увезти, но вот она — зияет у самых ног краснотой, парит приторной сыростью. Стояли немощно — выдохлись, руки ноги дрожат, но в глубине души у каждого толкалось какое-то выстраданное, трепетное чувство покаяния. И каждый из них вздыхал, вероятно, думая о том, что значит честная работа.

Назавтра договорились прийти прямо на кладбище: пронести на плечах покойного по хоженой-перехоженой Семеном Абрамовичем улице, мимо любимой им contadorы — есть кому, а их забота — откопать, опустить гроб, засыпать.

Так и сделали. Пришли к двенадцати. Осмотрели могилу: не простила ли вода, не обвалились ли стены? Нет, все в порядке, как говорится, «чин-чинарем». Где-то вдали уже надрывно выпевали трубы, дребезжали тарелки, глухо стучал барабан. Потом стихло. Опять заиграли, ближе. И опять надолго стихло.

И вот уже стон медных труб, надтреснутый звон тарелок, оглушающее уханье барабана совсем рядом, в сосновах. Повсекивали, побежали к воротам. Процессия движется. Красная крышка гроба, отороченная черным атласом, плывет в отрыве, указывая путь. Зелено от венков, увитых черными лентами с серебристыми буквами. И никакой машины. Гроб покачивается на белых полотенцах опасно перегруженной лодкой. Тяжко и мерно, взбивая пыль дороги, вышагивают несущие: в изножии — инструкторы райкома Фармазонов с Южным, в головах — зоотехник Урюпин (отдувается, то и дело концом полотенца — по лицу), сам Гудков. Две черные цепочки — родные, близкие. Напротив торца гроба — бледная, измученная, по-птичьи резко дергающая головой, Капитолина. Трубы визжат, надрываются... Толпа идет в какой-то изнуряющей усталости и немоте.

Копали бодрились, поначалу смотрели решительно, Агеев, выйдя вперед, даже сказал:

— А чего бояться? Я dak нисколько не боюсь! Отработали свое, хватит.

И все в один голос:

— А заваливать кто? Опять же — мы!

— Пускай! Им полезно поразмяться!

— Это все Капа... Ташить два километра! Для чего? Ух, зловредная!

А гроб — все ближе. Уже ясно различимы гневные, многообещающие взгляды Гудкова, востро нацеленное лицо Капы.

Дальше не выдержали — дружно и молча зашли с боков, потом, услужливо семеня, на ходу перехватили скрученные полотенца.

Нина СНЕГОВА

* * *

Вас узнаю' в толпе,
В смерче дневного движения, —
К физической красоте
Имеющий отношение.
Сладчайшая из щедрот,
Редчайшее происшествие —
Встретить вас у метро
Раскрепощенно божественным!
Богини слепой весам
Вашу сверять историчность...
Приблизьтесь к моим глазам,
Античная атлетичность!
Мраморность — холодит,
Но — ваша послушность, прилежность...
Ах, черт возьми, как пьянил
Неистребимая нежность!

* * *

Мой остров — как и твой — необитаем.
Мы лишь издалека друг друга знаем.
И никогда не встать в бездонность сваям —
Не быть мостам!

Вокруг меня дичком пасутся кони.
Они едят плоды с моей ладони.
Но не было и нет за мной погони.
Молчать хлыстам.

Из-за твоих степей встаёт светило.
Оно меня словам двум научило,
Я по утрам их повторяю — «Мильй...»
«Здравствуй...»

И только день свой солнце отыграет,
За тьму моих степей уйдет по краю, —
К тебе я обращаюсь, засыпая:
Властвуй!

* * *

Не осуждайте, люди, их —
Любовью заживо сожженных!
Да и меня. Нас, отрешенных,
Прекрасно временно больных.

Как сквозь тумана пелену,
Всех невлюбленных огорчая,
Куда иду — не замечаю,
У вымысла томясь в пленау.

Реальных связей рвется нить.
(Так глохнут звонари от звона).
И — замерев у телефона —
Боюсь ползука проронить.

* * *

Слыхал ли ты,
Как ночью зазвенело? —
То сердце вдруг во мне заледенело.
И поутру встал город — серебрист,
Забывший песни,
Неприступно льдист.

Мне в нем теперь
Ни холодно — ни жарко.
Сюда слетятся звезды
Вместо птиц.
Здесь некому теперь дарить подарки,
Хотя сребра — без дна и без границ.

Оно ко мне так натесно приближено,
К изdevке тех зеркал не подойти!
Глаза глядят
Печально и обиженно...
Но их остудят
Токи из груди.

* * *

Отведи меня к солнцу, рука,
отыскавшая руку вптьмах.
Я хочу увидать птицы-Феникса
крыльев размах.

Я хочу проследить тот рисковый
голодный полет
И — услышать, как Феникс,
в пожаре сгорая, поет!

Отведи, чтоб улыбку узнал
перекошенный рот.
Чтоб мое бы стряхнулось
отросшее в пепле перо.
Чтоб померяться силой крыла
на подъемный размах!
Отведи меня к солнцу, рука,
отыскавшая руку в потьмах.

* * *

Не я кричу. Сейчас кричу не я.
То чайки кárбасы из моря выжликают.
Оборыщей им рыбных накидают —
И смолкнут чайки, голод утоля.

А мой последний крик неугасим,
Хоть слуха твоего и не коснется.
Луч заходящий северного солнца
Не выдержал его — и подкосил.

И голос мой — за овидью волны,
В беспамятстве морской бездонной глуби.
Он именем твоим живет, и губы
Не обратимо им опалены.

О! В нем напев старинный затаен.
Оно блуждает вольно, без призора.
А я теперь не знаю разговора,
Теперь не знаю никаких имен.

И вот когда... в урочный час уйду,
Куда не позвонишь и не напишешь,
Свое ты имя над землей услышишь —
И память поведет на поводу.

Владимир КОРНИЛОВ

ШИШКАРЬ

Старого Шишкаря узнал я по слухаю, а потом таким крепким влечением к нему привязался, что дай, как говорит-ся, бог в такой привязанности со своей родней жить.

Чем расположил он к себе, сразу не ответишь. А как вспомню редкую его бороденку до пояса, седой, в какой-то поздней осенней желтизне, придавленный тесной шапочкой и потому всегда спутанный на голове волос, взгляд по-детски пытливый и до того цепкий, что и захочешь — не утаишься перед ним, — так и потянет к старику душу почистить живым немудрящим его словом.

Жил Шишкарь далеко от городских сует, на лесном кордоне, малой семьей: он да хозяйка, Анна Александровна, Нюшонка, как обласкивал ее, окликая, сам Шишкарь, невысоконькая, телом сухонькая, лицом морщинистым приветная женщина с быстрыми движениями наработавшихся проворных рук. Да еще сын, последыш Никола, ко времени моего знакомства с Шишкарем бывший уже крепким расторопным парнем, исполнявшим по дому и по лесу многие отцовы работы. Две дочери, родившиеся прежде Николы, проживали своими семьями, одна в неблизкой деревеньке,

другая в городе, и Шишкарь редко поминал про них.

«Девки что птицы, — говорил он без зла, как о чем-то вполне соответственном жизни. — Птицы, они что? Порхнули из гнезда, следа не сыщешь. Подают с неведомых сторон голос. А тебе ли тот голос в благодарение за хлеб, за кров, за саму жизнь — распознаешь ли?! Вот Никола — откорень. Местом держится. Крепкого побега жду!»

Никола был на особом у него учете. Помню, как-то в начале зимы, вытropив зайчишку на дальних озимях, сидели мы в жарко натопленной избенке, говорили в блаженной после долгой ходьбы неторопливости.

— Что человеку дано? — рассуждал Шишкарь, вплетая хватками пальцами в початую уже корзину свободные концы лозин, — ни сидеть, ни говорить без дела он не умел. Выпростает рубаху поверх штанов, чтоб плечам было свободно, поверх рубахи бороду распустит и, то молчком, в думах, то в рассуждении с Николой или со мной, приделывает, что в черед подошло. Клепки ли в бочонок собирает, валенок ли подшивает, улей ладит или косу отбивает, но видеть его без занятости не приходилось. Сейчас, памятливыми руками вплетая, почти не глядя, лозины в нужное место, он рассуждал, в азарте разговора вмияная бороду в грудь, шевеля раскосмачеными, будто разросшиеся болотные кочки, бровями: — Что дано человеку сверх того, что есть у всего живого? Руки вот да ум. Тут все и завязано: чтоб ум и силу, тебе отпущенную, в дело перевести. Не в напраслиное, не для себя в утеху, — в дело. Так думаю: имя не запомнится, дело останется. Речь, понятно, не о поделках, — потряс он корзиной с не доплеченным еще верхом. — Этакое на ходовую потребу. Дело — оно выше. Дело, оно интерес многих обнимает! Отышется дело — жить тебе. Не отышется — так она, жизнь, враскидку и уйдет! Мое дело, эва, за окошками, вокруг избы, на версты мерено. За день, может, и обойдешь, и то ежели в силе. Лес — мое дело. А лес, мил человек, на вечность даден. Земле без лесу не прожить, потому как без легких и человек не жилец! Я-то помру, а лес, он — будет. Будет! Ежели, конечно, в людях соображение не переведется... — Шишкарь замолчал, долго выглядывал в лежащей на полу связке пруток. Выбрал — бросил, другой тоже не поладился. Сбросил с колен недоплетенную корзину, пошел к ведру пить. В разговоре он подраспалился, хотя я только слушал.

Лесные его заботы я знал. Не раз при мне он сокрушался, глядя, как лысеет земля от неутолимости нужд людских. Но и радоваться не радовался, когда луга и поля, изгрызающие лес со сторон деревень, окидывались бойким подрос-

том, отбиная прежде сработанное людьми. В этом тоже был, по его рассуждению, умственный просчет. А всякий просчет рано или поздно оборачивался общей потерей, срамотой, как говорил Шишкарь. Срамоту же, даже малую, переживал он тяжко и жил в терпеливой надежде на то, что и у поля объявится свой хозяин, понимающий, что и как и куда следует двинуть дело, чтоб соблюден был и лесной, и всякий другой нужный интерес.

Мне всегда казалось, что своими рассуждениями Шишкарь больше метит в Николу, чем в мое молчаливое любопытство, и сейчас, глотая из ковша воду, он косил глазом на него, сидящего на корточках в красных отсветах затопленной лежанки.

— Вот что, Николка, завтра сам отправишься, нарежешь делянку у Горелого болота. У меня тут приделок набралось. У тебя, гляжу, что ни день, то — воля! Совладаешь?..

Никола повернулся боком к печи, засмеялся широко в молодой силе:

— Экая забота! Нарежу!..

Шишкарь, держа ковш у бороды, прижег его осуждающим взглядом:

— Гляди-ко! От леса брать ему не забота! Народ за тобой с топором пойдет, а дерево метить — тебе!.. Широту-то души не кажи. Знать надо, что отдать, что оставить. «Экая забота», — передразнил он в сердцах. — Самая она забота и есть!..

Я давно улавливал за хитрыми стараниями Шишкаря не только обычное житейское желание удержать Николу при родительском доме. Шишкарь метил выше: хотел передать Николе не просто лесную службу, хотел передать — дело, в котором была его жизнь.

Шишкарь напился, рукавом отер рот под волосом усов, вернулся на свой низкий табурет к корзине.

— Я так считаю, — сказал он, ловко вытянув на этот раз из пучка нужный пруток. — Потомство — оно от природы, дело — от человека. В природе непрерывность жизни сама соблюдается. Возьми дерево: в срок семя бросит, в срок подрост себя явит. Те же зайцы: косы, пугливы, а три свадьбы за год отгуляют, три приплода в зиму отправят. Человеку тоже вроде бы ума не требуется, чтоб род свой длить. Дурак и тот спроворивает! Дело вот без ума не поставишь! Чтоб непрерывность дела соблюсти, на то сильное разумение надо. Дело может с человеком кончиться.

Шишкарь хмурился, Никола слушал привычные ему рассуждения в какой-то даже веселости. Он понимал, куда клон-

нит батя, но был он в той задорной молодой силе, когда думать не хочется — жить хочется! И хотя был он вроде бы и не против принять на себя лесную службу, единственной эта служба ему не казалась, — ходил он на гулянья и за десять, и за пятнадцать верст, видел, как живет село, знал, что в любых краях есть где приложить свой жизненный задор. Этако невзнужданная вольность Николкиной души и озабочивала Шишкаря. Взять-то возьмет Никола службу, да не сорвется ли с корней, когда пойдет править своим умом, — с того света не вразумишь!..

— Азарт ведет Николу! — сокрушился Шишкарь. — Вчера за банькой поднял тетёру, к ружью бегит. Эка торопль. Эка хватка — дичь под окном. Ни труда, ни заботы!... У насто, поживших да повидавших, в том ли забота, чтоб в кулак ухватить? А назавтра что лес отпустит?! Когда спознаешься с той самой тетерой, что живет на Едренкиной вырубке, год от года выводит черных петушков да рябых курочек, тогда, не раз подумаешь, прежде чем ружжо поднять! Не грех взять, где пусто. Грех с пустом лес оставить. Николке такое не в ум. Силы набрал, умом не облагородился!

Никола в веселом смущении почесывал затылок, говорил примирительно:

— Ладно, батя, тетера еще не лес. Лесу-то не убыло!..

Тут уж Шишкарь не терпел, взрывался:

— Ах ты, едрит твою в корень! — кричал он. — Сколь тебе говорено, что лесная величина с муравьишкой начинается?! Гляди у меня Николка!.. — И добавлял в раздумчивости: — Понять не могу — молодость то, либо времена такие?..

Любопытен был мне Шишкарь, любопытны были его откровения с входящим в возраст Николаем. Небезразлична была для меня и судьба лесной округи, что находилась под умным доглядом старого Шишкаря. Говаривал он со мной охотно и много. Некоторые из его откровений я хотел бы поведать.

БРАКОНЬЕРЫ

— Браконьер! Что за чудо такое ныне явилось?! В давовенных временах о таком вроде бы слыхом не слыхивали. Охотник — да, рыбак — о таком знали, хотя по деревням не очень жаловали. Бывало, так и говаривали, глядочи на дом: да у него жерди с крыши съехали, не иначе — рыбак!.. А чтоб

браконьером кого наречти — такого на языке не было... Ныне же и по радио, и печатно — браконьеры, браконьеры. Стон стоит, будто от комарья на болоте! И слово придумали, — от брака, что ли? Про брак на поле, в фабричной жизни давно шумят. А тут вроде бы самой природе брак делают? Может, отсюда и прозвище?.. Не с того краю зашел?.. Ну и ладно, слово-то, оно осталось!.. А вот сам, браконьер этот, откуда он-то ходом пошел? Будто пал по лесам пустили?! У меня тут нешибко балуются. Все же от города вдалеке. Из местных, кто в охоте на такое, мало по деревням осталось. И все ж из многих прочих, которые землей живут-кормятся, есть некоторые в алочности на природу кидаются. Оперился тут один под батькиным крылом. Из молодых, со школой ешшо не покончил, а шалить начал. Батька у него в соседнем лесничестве в лесных техниках был. Живой мужик, деловой. Да с пониманием не все ладно, вроде бы хозяином большим себя признал. Что писано, то для других, для прочих. А тому, кто с им в родстве-кумовстве, он сам Закон! Понимание такое у человека сложилось.

Обхаживаю как-то лес — выстрел! Прикинулся: на озере. Как же это, думаю, покос ешшо не начался, утятка пера не приняли, а кто-то уже ружьем балуется. Пока шел-спешил, ешшо бахнуло!.. К озеру вышел, гляжу — человек в нашей форме. Ох, невзлюбил я того человека, с первова разу невзлюбил! Куртка расстегнута, петлицы зеленые с листом дубовым. В руках фуражка, тоже с нашим отличием. А сам какой-то взъерошенный, усы рыжие ширше носа. Взглядом на меня возвился, будто не человек — леший ему явился! А у воды парнишечка в радостной суете, ружьем вверх-вниз машет. Кричит: «Папа!.. Готово!..» За камышами, вижу, уточка кверху брюшком покоится. И утятки отчаянно пишшат, лапками воду буравят, врассыпную укрыться стараются.

— Что же, — спрашиваю, — за такой случай вышел, мать от детей отымать?..

Он глазами меня прощупывает, понять торопится, что за чуда бородатая перед ним да велика ли от его опасность?.. Так-этак прикинул, вижу, решил миром дело свершить.

— Да вот, — говорит, — сын стрелить попросил. Малому разве откажешь?!

— Да, — говорю, — отказать малому трудно. А надо, ежели дело недобroe... — Смотрю без улыбки, сурово смотрю. Он усмехается, чудно усмехается, половиной рта. Рот-то широкой, вроде бы как от лягушки подзаял, половина-то из-под рыжих усов вниз и загибается.

— Ты, — говорит, — старый, дикую утку жалеешь. Не-

ужто человека она тебе дороже?

— Нет, — говорю, — о человеке-то я и думаю. Что за сынок у тебя вырастет, ежели с малолетства руку на утку-матерь подымать учится?!

Парень-то углядел, что разговор, промежду нас серьезный — такого ли зайчинного драпу дал, только треск да шлеп, да на спине рубаха пузырем! Ну, думаю, ты еще и трус, парень. Плохи твои дела...

Годов эдак пять с того случая минуло. И все тихо было по округе. Так, лесину-другую уволокут по нужде, не оформив как то следует. Но чтоб в разбой пуститься, того нет, не бывало. А тут, по весне, приглядываюсь — в четырнадцатом квартале, где шесть петухов среди бора токовало, разъединственный глухарь песню щелкает! Природа такого опустошения ни в жизнь не допустит. Завелся, думаю, лихой человек. Глухарь — птица древняя, ныне редко ее видишь. Знающие люди запрет на ее отстрел наложили. А тут, слышу, и на озерах в неурочное время кто-то пукает. Стеречь почал. Не ухватил. Браконьер, он что, он хитрой. Он все в ум берет, всяную малость, всякий ход-выход. Он волка бродячего изворотливей! Ладно, думаю, погодим. Может, думаю, из наезжающих кто?..

А в зиму весь остатний покой растерял. Собачка след нехороший открыла — корову лесную кто-то решил. Голову, ноги в ельничек припрятал. Требуху под снег скончал, мясо, видать, на себе вытащил. Кой-где след лыжный еще вился. Но дело свое хитро, под метель спроворил!.. Попрекаю себя: что же ты, старый, брак природе делаешь, а «ньер» этот самый в нетях ходит?! Побывал я в Теребрино, где, как мне чудилось, тот лихой «ньер» зародился. Угадал — год назад к тому старому усатому технику сынок из армии вернулся. По срокам сходилось. Правда, я сомневался: все ж парень отслужил, ума-разума не мог не подзанять от строгой армии. Так-то оно так. Да ежли к уму совесть не привита, нрав извергливы может верх ухватить.

По весне укараулил. Точно. Самолично идет, ходко, глухой стороной идет. И особой опаски не видится — час рас светный, лес кругом, след бесснежная земля не держит. В руке — ружье, за спиной — копалуха навязана, головкой на длинной шее с печалью болтает. Вот, думаю, и отцова наука! — матку и ту не пожалел!.. Прикидываю: парень ладный, длинноногий, почнет бежать, не уловишь. В таком разе действовать надо, чтоб рта раскрыть не успел. Скорым шагом невидимо захожу ему наперед. Равняется он с ельничком, где я пребываю, а у меня уж все готово.

«Бросай оружью!» — кричу. Голосу силу даю и для верности гулкой заряд в воздух пущаю. От неожиданности он ровно о ствол обжегся, кинул ружье, руки вверх тянет. Ружье я моментом подобрал. Тут уж вся сурьезность разговора на моей стороне!

Расположились на пеньках, ровно в креслах заседательских. В глаза гляжу, взглядом щупаю, что там в утайке: страх, стыд, злоба ли? Злобы не вижу — уже легче. Стыда тоже нет — это хуже. Страх есть. И вопрос в обоих глазах — что делать-то будешь? Взял я тут на себя грех: противу отца парня наставил. Говорю, отцов ум хоть для тебя и родной, а правды за ним нету. Он по алочности чувств пользует возможности, что от должности дадены, а того понять не осиливает, что всякая должность от людей и для пользы людей. И исполнять ее надо соответственно. Ты, говорю, родительской хитрости нагляделся и сам жизнь с того начал. Утку при выводке убил — одиннадцать душ зараз у бела света отнял. Пять петухов с тока взял. А птицы этой наперечет. В великом-то лесу наперечет! Теперь вот копалуху жизни решил, а с ней еще пять-шесть голов из рода унес. А птица эта вся под запретом, потому как люди все же о будущем беспокоятся!.. Ведь и коровку, спрашиваю, прошлой зимой не остановился ухватить?.. — спрашиваю осторожно, а, гляжу, побледнел. Вот и посчитай, говорю, какого ты браку природе накидал. В браконьеры подался. А это ж воровство! Хуже даже воровства, потому как ты общее добро себе прибираешь, а свое из своей души выкидываешь. Даю тебе срок малой, а может, и долгой — до другого разу. В толк не возьмешь, своим умом себя не образуешь — не со мной тебе говорить. С законом говорить будешь. И понять, парень, пора — оружье добру служить должно. Сказал и бросил ружьё ему на руки. Добро слово делом решил укрепить...

— И что же? Укрепился тот парень? — спросил я, не очень веря в исход доброго поступка Шишкаря.

— Доподлинно не могу ответствовать, — в хмурости сказал Шишкарь. — Может, в другие стороны устремился. А в моем kraе боле его не видывал.

Ловким движением он завершил круглую, еще зеленую отсвечивающую плетенку, отмахнул ножом лишний конец лозы, бросил в угол к десятку других корзин. Поскребывая в распахнутом вороте просторной ему рубахи тощую стариковскую грудь, сказал разумчиво:

— Страсти гудут, разумения не хватает! Каждому довольства хочется. А в чем оно — знать не знают. А оно, может, не в великом куске? А?!

Елена БАЛАШОВА

* * *

Ах, тротуары деревянные —
Провинций прелесть и отрада!
Здесь гостю званому, незваному
Всегда и всюду будут рады.
Здесь расписные все наличники.
На удивленье кошек много.
Здесь разговоры все привычные —
Не говорят высоким слогом.
Здесь даже лужи пересчитаны,
Лицо у каждой есть и слава.
Здесь чудеса такие виданы —
В столицах не увидишь, право!
Ах, деревянная провинция!..
Здесь Золушки у печек маются.
Все ждут, бедняжки, встречи с принцами,
А принцы в сказках лишь встречаются.
Здесь в мыльной пене над корытами
Джульетты головы склоняют...
Моя провинция забытая,
Моя провинция родная!..

* * *

Белая лошадь, зеленый луг,
Сумерек звон мне снится...
Босая — по теплой земле бегу.
Что-то должно случиться.
Что-то должно... Сейчас! Сейчас!
Сердце, так громко — не надо!
Чуткий и умный, косится глаз —
Тревожно под этим взглядом.
Белая лошадь. Зеленый луг.
Сумерки... Сон ли это?!.
Босая — по теплой земле бегу.
Еще далеко до рассвета.
Еще успею, еще смогу
На белом коне — как птица!
Босая — по теплой земле бегу...
Что-то должно случиться!

* * *

Намок мой подол от холодной росы.
Черемухи буйство в крапивном овраге.
Вот рыжий мураш, растопорщив усы,
Пригрелся и дремлет на теплой коряге.
Тревожно и горестно пахнет полынь,
А запах малины — медовый, манящий.
Крапивный заслон осторожно раздвинь —
Нет ягод крупнее, душистей и слаще!..
Тот праздничный, дивный, ликующий день
Остался за гранью черемухи дикой.
Здесь — царство прохлады, здесь — вечная тень,
Притют соловьиный в кустах куманики.
Назойливо вьется и кружит оса —
Случайная гостья из знайного мира,
А мне все слышнее твои голоса,
Лесная, певучая, вольная лира!..

В ПАРКЕ

Прикованы в парке цепями качели,
И парк посветел и притих.
Лишь сумрачно смотрят притихшие ели
На бедных собратьев своих.
Мне нравятся озера мерные всплески.
Постой. Помолчи. Не спеши.
Пусть ветер сырой, по-осеннему резкий,
Смятенною коснется души.
Он душу мою отчего-то волнует —
Холодный, российский, сквозной...
Так первая сладость мужских поцелуев
Волнует своей новизной.

В ЗАБРОШЕННОЙ ДЕРЕВНЕ

Содрогается сердце от боли...
Запустения всюду содом:
Здесь солома заплissла на поле,
Там — пустыми глазницами дом
Смотрит в душу отчаянно прямо,
И Николы-угодника лик
Среди мерзости нищего хлама
Вдруг в проеме оконном возник.

Упражнялся здесь в меткости кто-то...
О кощунстве не ведал — подлец!
Всепрощающе, мудро и кротко
Смотрит с неба Небесный Отец.
И сжимается сердце от боли.
Научи меня, Боже, прощать
И за это вот нищее поле,
За деревни, за храмы, за мать,
За народ мой, на тьму обреченный,
Но во тьме незабывший Тебя...
Как пронзителен ветер студеный,
Как сжимается сердце любя!

* * *

Мои руки грубы от работы домашней,
А на сердце нежность такая зреет
К опустевшим лесам, к этой черной пашне,
Что сказать о ней я уже не смею.
Лишь, все чаще и чаще к земле припадая,
Я над нею рыдаю, чибисом плачу,
Потому что нежность к земле такая,
Что слова уже ничего не значат...

* * *

Стучусь к глухим — они не слышат.
Глазами смотрят и — не зрят.
Я поднимаю взор свой выше,
Где звезды чистые горят.
Без стука Он молитве внемлет,
И, грешница, о том молюсь,
Чтоб не оставил эту землю,
Чтоб сохранил Святую Русь.
Она жива еще и дышит.
Воскрес Христос, хоть был распят.
Стучусь к глухим — они не слышат.
Глазами смотрят и — не зрят.

Олег КАЛИКИН

МЫ ЖИЛИ ПО СОСЕДСТВУ

По вечерам, когда во двор вползали серые сумерки, мы покидали душные комнаты и собирались на лавочке возле моего подъезда.

Мы — это я, Стасик и Виктор — десятиклассники, державшие выпускные экзамены. Днем зубрили до посинения, а вечером позволяли себе отдохнуть и развлекаться. Стасик приносил гитару, лениво пощипывал струны и пел вполголоса:

Достану я черную шляпу,
Поеду я в город Анапу
И выйду на берег морской
С своей непонятной тоской.

Мы с Виктором подтягивали, и все трое ждали, когда стукнет дверью в подъезде Ирина, моя соседка из верхней квартиры. Она перешла в десятый, экзамены не сдавала, но болела за нас. Посидеть рядом с ней часок-другой было нашей единственной отрадой в то время.

... Ирина приехала к нам в дом прошлым летом. Первое время она ходила в белом платке, и мы гадали, какие у нее волосы. Иногда подумывали, уж не бритая ли она? (Так плотно лежал платок).

Узнать было не у кого. Во дворе Ира ни с кем не дружила: не нашлось девочек-сверстниц. Мы пробовали заговорить с ней — она дичилась и быстро уходила домой.

Однажды решили сами выяснить, что у нее с волосами, и целые дни просиживали на лавочке, держа при себе Петяну, шустрого десятилетнего пацана.

Ира то и дело выбегала во двор, хлопча по хозяйству: развешивала белье, отправлялась с сумкой в магазин, спускалась в погреб за молоком и сметаной... Мы — с тайным любопытством следили.

Вот Ира пробежала в сарай с бидоном молока. Распахнула настежь дверь и приставила к ней полешко: было ветрено. Вошла в сарай, опустила бидон на порожек, нагнулась и рывком откинула за кольцо верхнее творило в одну сторону,

нижнее — в другую. Повернулась лицом к нам и стала спускаться в погреб.

Мы подтолкнули Петяну. Он подкрался на цыпочках к сараю и затаился у двери.

Когда показалась голова Ирины, Петяна изловчился и сдернул с нее платок. Чернейшие с блеском колечки тесно облепляли девичью головку.

Без платка Ирина показалась нам еще красивей. Она держалась так, словно не почувствовала Петяниной шалости.

— Спасибо! — сказала она, коснувшись рукой своих кудряшек. — Мне самой ни за что бы не снять... Стеснялась.

— Зачем стриглась? Из-за моды? — спросил Виктор.

— Какой моды? Поболел бы скарлатиной, так узнал бы! — обиделась Ира.

— Ясно, — сказал Стаська. — В каком классе учишься?

— В девятый перешла... А вы все — в десятый?

Мы дружно кивнули.

— Ой, мальчики, кто мне продаст учебники?

— Самим нужны: в десятом сдавать придется за все классы, — рассудил Виктор.

— Тогда вы мне их одолживать будете, ладно?

— Это можно, — солидно изрек Виктор. — Вон Алешка рядом живет...

— Хорошо, — сказала Ира и улыбнулась мне. — Давайте знакомиться!.. Ира.

Она ушла домой, а мы сидели на лавочке и молчали. Из-за угла сарай выглянула Петяна. Мы поманили его. Он двинулся неохотно, держа Иринин платок за спиной.

— Дай сюда! — Стасик вырвал у мальчугана платок, поднялся с лавочки. — Надо отнести да извиниться...

Он шагнул к подъезду и оглянулся. Мы отвернулись: было стыдно за товарища.

— Может, ты потом отдашь, Алешк? — Протянул мне платок Стасик. — Рядом живешь.

Я отшатнулся.

— Надо больно!

— Ты? — Стасик повернулся к Виктору.

— Я не брался, — отказался тот.

— Я тоже не понесу. На, Петяна, неси! Не бойся, она знает, что это мы тебя научили, — сказал Стасик мальчишке, и Петяна поплелся к подъезду, низко опустив голову.

Начались занятия в школе. Теперь друзья повадились после уроков ко мне. Присаживались к столу, листали учебники и чутко прислушивались к тому, что делается в верхней квартире, где жила Ирина.

Приходила иногда и она. То задачку решить, то взять готовальню, то заглянуть в словарь иностранных слов. Я спешил выпроводить ее: могли прийти товарищи.

— Может, к Виктору сходишь? Он у нас, знаешь, как задачки щелкает!

— Нет, ты тоже хорошо решаешь, — упрямилась она.

Зимой каждую субботу мы отправлялись вчетвером на каток. Там играла радиола, сияли яркие прожекторы, было многолюдно и весело.

Ира, в белой пуховой шапочке, из-под которой выглядывали отросшие черные кудряшки, стройная, легкая, со сверкающими глазами, притягивала многих ребят. Смельчаки подлетали к ней и приглашали:

— Может, прокатимся вместе, а?

Ира вспыхивала:

— Что ты! У меня есть с кем!

После закрытия катка мы ходили вчетвером в кино, а теперь вот, в мае, проводили вечера на лавочке...

Мы успеваем пропеть два куплета модной песенки, и дверь наверху хлопает.

Тук-тук-тук — отбивают каблучки по лестнице, и всякий раз мы с удивлением разглядываем ее, принарядженную, радостно-возбужденную.

— Здравствуйте, мальчики! Сколько билетов выучили сегодня?

— Двенадцать. Десять. Семь, — звучит в ответ как бы перекличкой.

— Бедненький! Завтра поднажмешь, — жалеет Ирина последнего и гладит по голове. Счастливчиком чаще оказывался Виктор.

— Прошу, леди, сюда! С него достаточно и этого.

Стасик пододвигается на лавочке, освобождая Ире место между собой и мной. Она садится, Стаська терзает струны гитары и, заглядывая в девичьи глаза, дурашливо орет:

В тебе, о морская пучина,

Погибнет роскошный мужчина!

И люди, увидевши гроб,

Поймут, что мужчина утоп...

В таких случаях Ирина безмятежно смеялась.

— Вознаграждение! — Стасик обхватывал девушку за шею, тянулся губами к ее лицу и звонко чмокал свою руку. — Благодарю!

Ира заливалась еще громче.

Рука Стасика оставалась лежать на Ирином плече, и она замечала это не сразу. А заметив, спокойно снимала руку и перекладывала на струны гитары.

— Пардон! — извинялся Стаська и заканчивал песенку:

Останется черная шляпа,
Останется город Анапа,
Останется берег морской
С своей непонятной тоской...

— Ну, хватит! Брысь под лавку! Дай другим посидеть с дамой, — заявлял Виктор и, вскочив с лавочки, пытался потеснить меня и Стасика. Мы противились, затевалась возня. Она была необходима нам, просидевшим весь день за учебниками.

— Хватит, мальчики! Не пылите! А то я уйду... — слышалась Ирина угроза. — Лучше расскажите, как думаете сдавать химию.

— Запросто! По принципу: напусти побольше дыма! — балагурил Стасик. — Страшно будет до первой реакции... А там... Мы уговорились: какая бы реакция первому ни досталась — он плещет соляной кислотой на сульфид железа. Вонь!.. Все в дыму, война в Крыму... Комиссия задыхается, выбегает в коридор. И тут главное — не теряться... Спасайся, кто может!

Ирина смеялась до слез.

— Не поперхнись, — говорил я и похлопывал Иру по спине, стараясь в отношении к девушке походить на товарищей.

После сдачи очередного экзамена, взбудораженные успехом, мы обращались с Ириной совсем бесцеремонно, давая волю рукам. Она не на шутку обижалась, вскакивала с лавочки и порывалась уйти домой.

— Ирочка... Прости! В последний раз. Мы больше не будем. Ты одна наша радость, — с этими искренними словами мы становились перед ней на колени, целовали у нее руки и, прощенные, вели девушку обратно. А через несколько минут повторялось то же самое.

Каждый вечер кто-нибудь из нас провожал Ирину до квартиры.

— Ну как? — интересовались друзья.

— Порядок!

— В щечку?

— В щечку...

Я тоже провожал Иру, но никогда не поднимался с ней на второй этаж. Скажу:

— До свидания. Спокойной ночи...

— До свидания, Алешенька! — прощалась Ира и быстро взбегала по лестнице. Я ждал, когда хлопнет дверь. Но Ирина не торопилась, стояла наверху, и я даже слышал ее дыхание. Такие мгновения были очень мучительны.

«Ждет, чтобы поднялся и поцеловал ее в щечку, как другие, — думалось мне, и я первым уходил. — Наверное, она меня презирает за трусость». Я ненавидел себя в эти минуты и решал в следующий раз непременно подняться с Ирой на второй этаж и поцеловать ее, как поступали мои друзья. Но и в следующий раз не осмеливался.

Наконец мы сдали последний экзамен. В нашем дворе повелось отмечать это событие ночным гулянием. Днем я очистил подоконник от учебников и распахнул окно.

— И чего это вы надумали гулять всю ночь? — послышался над моей головой, в квартире Ирины, голос ее матери.

— Здесь такой порядок, мама... Они каждый год гуляют, когда все экзамены сдадут. Это здорово!

— Пустое ребячество... Поди, твои женихи придумали?

— Какие мои? — удивилась Ира.

— С которыми вечера на лавочке просиживаешь.

— Ну, мама, жених-то бывает один, а их трое...

— Так что? Выходит, никто из них тебе не нравится?

— Нет, почему... Ишь ты, какая хитрая, мамочка! Тебе все бы знать!

Наверху послышался смущенный смех, возня, звуки поцелуев.

Я отошел от окна.

Вечером мы с подростками играли в прятки. Я склонился в темном подъезде за дверью. Следом вбежала Ира и притаилась у меня за спиной. Она прерывисто дышала над моим ухом. Я замер, боясь пошевелиться. У подъезда послышались шаги водящего. Я напрягся, подался назад, плотно прижался спиной к Ирине, готовый в любой момент выскочить из укрытия и опередить водящего. Но шаги удалялись. Расслабившись, я отстранился от Иры и вдруг почувствовал, как ее рука прикоснулась к моей. «Может, случайно?» — подумал я и отвел руку. Вдруг Ира опустила подбородок на мое плечо. Я повернул голову и коснулся виском ее виска.

И тут страшная догадка промелькнула у меня в голове: «Хочет, чтобы я, как другие, поцеловал ее в щечку!» Я вы-

пустил руку и услышал сухой шепот:

— Давай дружить, а?..

Опрометью выскочив из подъезда, я нарывался на водяного, и мне пришлось его сменить.

Отворачиваясь к стене сарая, я видел, как Стаська взял Иру за руку со словами:

— Сейчас, Ирочка, так склонимся, что этот толстый до утра нас не найдет!

Я уткнул лицо в изгиб локтя и зажмурился, чтобы ничего не видеть. «Мало ей двоих... Надо еще и третьего», — думал я с озлоблением.

Под утро подростки уморились и ушли спать. Ира осталась с нами на лавочке встречать восход солнца. Сидела молчаливая, уставшая. Стасик с Виктором жалели ее, гладили — безучастную — по плечам. А я лепился на краю лавочки и был очень доволен, что так мудро повел себя с Ириной в подъезде.

Вскоре приехал из армии в отпуск Миша Красавин, наш сосед. Он был на два года старше нас, после десятилетки поработал год на электромеханическом заводе токарем.

Утром он вышел на крыльце, без кителя, в сиреневой майке, и с азартом принялся надраивать щеткой кирзовую сапоги.

Мы восседали на лавочке и не без зависти поглядывали на его бугристые бицепсы, мускулистую шею и крепкий стриженый затылок. Ждали, когда он закончит и подойдет к нам — поведать о нелегкой жизни солдата-десантника.

А Миша не спешил присоединяться, драил, согнувшись, сапоги, вскидывал вверху розовое, в веснушках лицо и поглядывал исподлобья на Иру, колотившую палкой по ковру, что висел на веревке возле сарая.

Когда Ира проходила мимо, Миша вытянулся, прижал руку со щеткой к галифе и приветствовал девушку резким кивком головы.

— Здравия желаю!

На это Ира прыснула в кулак и бросилась бегом вверх по лестнице. И тогда Миша направился к нам, подбрасывая и ловя на ладонь сапожную щетку.

— Кто такая? Новенькая? — Он дернул белой бровью в сторону подъезда, где скрылась Ирина.

— Новенькая. Над нами живет, — пояснил я.

— Из вас кто-нибудь на нее виды имеет?

— Чего, чего? — за всех переспросил Стасик.

— Ну, я говорю, кто-нибудь дружит с ней?

— Все дружим... Сообща... — вступил в разговор Виктор.

— Ну, это ерунда!.. Я не о такой дружбе говорю, — усмехнулся Миша. — Попробую сегодня в кино пригласить. Хочется отпуск по-человечески провести.

— Попробуй, — согласились мы, но голоса прозвучали тоскливо.

— Вы чего, парни? Вроде бы недовольны? — насторожился Миша.

— Да нет! Ничего. Просто так! — поспешили мы заверить солдата и, словно сговорившись, разом снялись с лавочки. Нам расхотелось слушать рассказ о десантниках. Вообще мы всегда считали Мишу недалеким парнем. Почему-то в институт он даже не попытался поступать, сразу пошел на завод. А мы вчера отправили по почте свои документы в вузы: я — в строительный, Стасик с Виктором — в энергетический.

Вечером мы снова встретились на лавочке и увидели, как наша Ира прошествовала в кино с Мишкой Красавиным. На его кителе сверкала масса значков, армейская фуражка придавала лицу бравый вид. А Ирину было просто не узнать! Новое голубое платье делало ее совсем взрослой. Это платье она сшила к нашему выпускному вечеру, а мы «забыли» пригласить ее.

Ира и бровью не повела в нашу сторону, ступала в ногу с солдатом. Лицо у нее было гордое, счастливое.

Когда они повернули за угол. Стасик запел:

В тебе, о морская пучина,
Погибнет роскошный мужчина!..

Только на это его и хватило. Выдав полкуплета, он встал с лавочки, вскинул гитару на плечо и, не попрощавшись, зашагал к своему подъезду.

Мы с Виктором тоже пошли по домам.

Утром опять собрались на лавочке. Ирина развешивала во дворе белье, а мы наблюдали за ней.

К нам подошел Миша Красавин. Громко поздоровался и стал сыпать свежими анекдотами.

— Отставить! — прервал его Стаська. — Нас интересует вчерашняя вылазка в кино с нашей дамой. Как прошла? Успешно?

— Вполне! Девушка милая. Дала слово, что будет писать.

— Миша светло посмотрел на Иру.

— Советую: глубоко корни не пускай! — предостерег Стасик.

— Интересно!.. Это почему же? — заволновался Миша.

— По нашим убеждениям, сие существо, — Стаська указал взглядом на Иру, — излишне коллективное и ценить высокие чувства индивидуума не способна.

Миша недоверчиво улыбнулся, полагая, что его разыгрывают.

— Желаете убедиться? Извольте!..

Стасик поднялся с лавочки и направился к Ирине. Он положил руку на плечо девушке, прижался к ее щеке и что-то зашептал на ухо. В первое мгновение Ира, видимо, растерялась, застыла с полотенцем в руке. Потом она рванулась в сторону, размахнулась и хлестнула полотенцем Стаську по лицу.

— Не лезь!

Стасик зажал рукой глаз.

— Извини! — сказала Ира. — Но — за дело!

— Ничего себе, задела! — сострил Стасик и, не отнимая руки от глаза, под счастливый хохот Миши заспешил домой.

Вечером Стаська проводил Мишу с Ириной в горсад на танцы куплетом:

А что за ветер в степи молдаванской!

Как гудит под ногами земля!

И легко мне, с душою цыганской,

Кочевать, никого не любя...

Потом он приставил гитару к стене и потер кулаком лоб.

— Слушайте, глупцы! А ведь мы мировую девчонку прогоронили! — Стасик резко вскинул голову и пристально посмотрел сначала на меня, потом на Виктора. — В щечку целовали?

Мы с Виктором отрицательно помотали головами.

— И у меня тоже не было. Разве что сегодня — в мою, мокрым полотенцем, — мрачно пошутил Стасик.

— А мне Ира фотокарточку подарила на память, — сказал Виктор.

— А мне дружбу предлагала, — вздохнул я.

— Выходит, вы дураки больше, чем я. — Стасик взял в руки гитару и запел: — Тихо тянутся сонные drogi...

Татьяна ИНОЗЕМЦЕВА

* * *

Высохли росы. Цветы полиняли.
Млеют луга в предосенней красе.
Если бы травы не перостояли,
Было бы где разгуляться косе.

Двое навстречу так долго шагали...
Праздником грезилась встречи гроза...
Если бы травы не перостояли!
Если б не выщели рано глаза...

* * *

Себя бы веником так выпороть,
Чтоб стать святой, беды не знать.
Да не поможет баня выпарить,
Чего и церкви не изгнать.

Не переделаешь, хоть режь меня.
Ну хоть из тела вон беги!
Душа святая с плотью грешною
Не уживаются — враги!

* * *

За что - одинокие ночи мне?
Нет кары у Бога страшней.
Я вдвое слабее, чем прочие,
Я впятеро прочих сильней.

Что ищешь во взгляде с усмешкою?
Смогу я тоску заглушить,
Хоть с мукой такою кромешною
Почти что немыслимо - жить.

Равно преступленью — быть слабою.
И в чем виновата? — Бог весть!
Но это проклятье — быть бабою —
Дай, Бог, мне достойно пронесть!

* * *

У непрощенной грусти - осенний мотив.
У непрощенных слов - сентября позолота.
Попросторнели рощи, свое отлюбив,
А душе средь берез не хватает чего-то.

Мимо сердца - чужая печаль,
Мимо жизни - шальная удача.
И несет, как знаменье, прозрачная даль
Чистый всплеск журавлиного плача.

По осенней канве вышивая крестом
Птичьих крыл, осень кличет кого-то.
Что-то сбудется, что-то свершится - потом.
Только с мира спадет позолота...

* * *

Жалит пронзительно-сладкая память -
В теплых объятьях сознанье терять.
Душу терзает незримое пламя -
Имя твое на костре повторять.

Набело, начисто жизнь переделать,
Вытравить прошлое, выжечь дотла,
Чувственной бездны изведать пределы,
Насмерть запомнить - твоей лишь была.

*   *   *

Припасть к твоим губам и - пропадать.
Не женщиной стать - соловыиным звоном.
Так сердцу сладко, что - не передать
Ни словом, ни стихом, ни томным стоном.

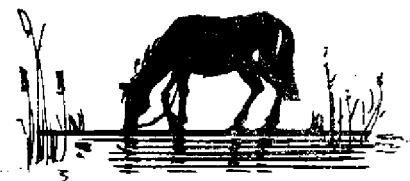
А завтра черт-те что наворожить -
С тобой другая пропадает где-то...
Так сердцу больно, что - не пережить,
И так темно - не различить рассвета.

*   *   *

Что обрела на нелегком пути -
Все растеряла и расплескала.
Слово - надежды свечу - засвети,
Чтобы потерянное отыскала.

Высветит слабое пламя лицо,
Гляну, как от свет, навстречу по-доброму.
Где обручальное наше кольцо?
Кем-то подобрано?

Позднее время. Осенняя мгла.
Из темноты прояви меня снова.
Боже, как мало от свечки тепла!
Скуп ты на слово...

Владимир СТАРАТЕЛЕВ

ФАЛЬШИВАЯ НОТА

В школе ожидался прием в пионеры. Долго жили без пионервожатой, наконец ее прислали, маленькую, с волевым старым лицом и детским звонким голосом. Среди школьников ее легко можно было отыскать по этому голосу.

Прием ожидался массовый, со второго по четвертый классы, и за короткий срок надо было успеть привести ребят к единому знаменателю: форме, строю, песне.

Со строем быстро получилось. Под звуки горна и барабана ребята шагали с удовольствием, они еще жили войной, недавно окончившейся.

С формой вышла заминка, но поселок напрягся. Рубашки и блузы должны быть белыми, а брюки и юбки — черными, иначе, как сказала пионервожатая Аля, нечего и думать о приеме. Перешивали отцовское, дедовское... Портнихи обогатились кто связкой лука, кто мешком картошки, кто обещанием того и другого.

С песней стало ясно задолго до появления пионервожатой. Признанный поселковый музыкант, ученик второго класса Волька Родионов мог сыграть любую мелодию, и аккордеон, пожалуйста, хоть сейчас бери в клубе. Клуб отныне располагал такой возможностью. Оставалось назвать песню, и Аля, как только приехала, тут же пропела ее — зажигательную, всем понравившуюся:

Ой, ты лети, лети, моя машина,
Ой, как много вертится колес!
Ах, какая чудная картина,
Когда по рельсам мчится паровоз!

Сначала Волька прошел ее с Алей. Мелодию он запомнил, что называется, с лета, и даже не потребовалось времени на обкатку. Поэтому, не мешкая, собрали хор. Хор запел, но... оказа-

лось, что голоса ребят не совпадают с Алиным: у нее слишком высокий, а у них — низкие и вообще какие-то неопределенные. Гудят, как осы. Волька, лихорадочно ощупывая клавиши и кнопки, пытался перестроиться, но с ходу не получилось, а надо было с ходу. Аля сказала:

— А говорили: талант, талант... Сдай баян и не показывайся!

Волька покраснел и тихонько вышел. Аккордеон марки «Красный партизан», и без того тяжелый, притянул мальчишку к земле. У ближайшего сарая Волька снял его и положил на мокрую траву. Домой не хотелось. Не зная, что делать, Волька вскарабкался в темноте на крышу сарая, переполошив кур. Долго они кудахтали, но потом угомонились. Лишь петушок недовольно свербел, ощущая человека над головой.

В конце сентября становится прохладно, и жизнь в поселке замирает. Картошка выкопана, сено заготовлено. Темнеет рано, народ сидит по домам и ждет снега. Лишь со станции грузовик или мотоцикл проедет, да ребята, как сейчас, с криками выбегут из школы, и опять стихает.

В воображении мальчика рисовалась одна и та же картина: как пионервожатая подходит к нему, ласково гладит по головке. «Не торопись, — говорит она, — мы подождем. Я сама виновата: не сообразила проверить голоса у ребят». И оттого, что она говорит правду, Вольке делается легко; он первым делом подбирает басы, а потом и голоса на клавиатуре. До сих пор ему не приходилось менять то, что называется тональностью. На танцах в клубе с какой ноты начнешь вальс или польку — с той и ладно, а человеческий голос, оказывается, имеет пределы и надо подлаживаться под него, а не наоборот.

Аккордеон тускло отсвечивал, звал к себе, и продрогший мальчик не выдержал, спрыгнул. В душе его, так уж она была устроена, не шевельнулось чувство мести к вожатой. Не подкарауливал он ее мысленно в темном подъезде, не совал кнопку в туфлю, не пачкал спину мелом, а просто увидел такой, какой хотел увидеть: доброй и отважной. Образ этот возник у него задолго до появления Али и был таким стойким, что даже она не смогла его разрушить.

Мать Вольки, тетя Фрося, не заметила угнетенности в сыне. Она дошивала ему рубашку и, как только он появился, приставила обнову к спине.

— Ну вот, — произнесла она, — теперь хоть куда!

Волька был на редкость молчалив и только тогда отвечал, когда кто-нибудь угадывал его состояние. Мать часто не могла понять, о чем он думает, а тем более мечтает, и в этот раз взгляд ее упал прежде всего на «казенную вещь», как она называла

аккордеон. «Казенная вещь» оказалась со следами грязи, и на Вольку тут же обрушился поток браны, перемежаемый шлепками. Мальчик воспринял порку как облегчение, на душе у него посветлело, и вот он уже прижался к матери так сильно, что рука у той невольно остановилась.

— Будет, будет, — сказала мать, предполагая, что он раскаивается, но, когда увидела на лице сына улыбку, добавила: ... проказник, — подозревая, что тот слишком хитер для своих лет.

Но и этого не было, просто мальчик зажил обычной своей внутренней жизнью, а музыканты, как мы знаем, живут звуками. Бывают музыканты, которые способны освобождаться от звуков, и тогда они ничем не отличаются от здравых, рассудительных людей. Но есть переполненные звуками настолько, что не в силах от них освободиться. Внутри таких поет и поет нескончаемая мелодия: едва умолкнет одна, как подступает другая. Это — настоящие музыканты. Несчастные люди. В практической жизни они беспомощны, потому что доверчивы, их легко обмануть. Они не умеют ловчить, подлизываться, делать карьеру, их быт достоин анекдота, а рассуждения, хоть и искренние, недалеко отстоят от мыслей ребенка. Но вот... смыслок коснулся струн или пальцы — клавишей, и все встало на место. Наверное, Волька был из этой породы, потому что молчавший прежде мир зазвучал для него, расцвел, и руки сами потянулись к аккордеону. И песенка про паровоз в той тональности, в которой нужно, тут же вылетела из-под его пальцев.

— Хорошая песня, — согласилась мать, признавая за сыном право жить по-своему. — За такую песню тебе первому — галстук.

На другой день, когда Волька пришел на репетицию без аккордеона, Аля накинулась на него:

— Опять срываешь, Родионов? Что ж нам, по-твоему, под «сухую» петь?

В глубине комнаты возле круглой голландской печки отогревал руки председатель поссовета Грень. Он зашел посмотреть, как идет подготовка к приему в пионеры, и попал на репетицию хора. Грень укоризненно взглянул на Вольку — зазнался, мол, парень, а Волька, не мигая, смотрел на вожатую, которая, тоже не мигая, смотрела на него. Это длилось до тех пор, пока ребята не подтолкнули Вольку к двери.

... Однажды старший брат Юра собрался по грибы и взял Вольку с собой. Юра знал, на что идет: в лесу еще оставались мины. Саперы прошли с металлическими палками и наушниками, но грибники продолжали подрываться. Юре очень хотелось грибов: в конце июля есть было нечего, так хоть грибов нажарить.

Грибы попадались старшему брату, а Вольке надоело за

ним тащиться, хотелось найти свой. Заметив красное пятно в сторонке, он тайком от Юры сделал несколько шагов и вдруг почувствовал, как нога уперлась во что-то твердое. Раздвинув стебли папоротника, Волька увидел широкую серую кастрюлю с крышкой и двумя ручками. Этой умытой росой кастрюлей с прилипшими к ней листочками Волька и решил заняться, красавец-подсолновик подождет.

— Назад! — раздался истошный крик, и тотчас зазвенело в ушах от горячей оплеухи.

Плачущий Волька оказался под мышкой у Юры, удирающего из леса во весь дух. Так и не понял Волька, почему ту кастрюлю нельзя было трогать.

Ощущение, что она только с виду хорошая, а внутри — нет, вспомнилось ему, когда он посмотрел в глубину Алиных неподвижных глаз.

Грибное воспоминание мелькнуло у мальчика в доли секунды. Испугавшись, он постарался отмести его и забыть. И это ему удалось, потому что Аля с такой удачью дирижировала хором, а поселковые ребята так старались, что не было никакого сомнения: в счастливое будущее они въедут на паровозе и непременно с Алей. Ведь есть же люди, рожденные для больших дел, есть!

К праздничному дню полы в школе отскобили до белой древесины, а парты, наоборот, насытили до черноты. Ребята тоже ходили в черно-белом, ожидая, когда начнется главное. Две молоденькие учительницы и несколько подошедших родительниц сгрудились возле печки. После слов торжественного обещания, которые ребята с чувством повторили вслед за Алей, предстояла маршировка и песня. Волька замер посредине первой шеренги с аккордеоном на груди, время от времени ощупывая клавишу, с которой ему придется начать. Ребята вели себя так тихо, что он не решался развести меха и проверить, те ли кнопки он подготовил для левой руки. Но напрасно он беспокоился, ему не придется сыграть.

Аля вышла с кипой галстуков на сгибе локтя и вызвала лучшую ученицу, продемонстрировав на ней, как завязывается галстук, как расправляются складки. Ученица, бесконечно влюбленная в Алю, улыбалась пунцовыми щеками. Еще несколько девочек были вызваны на середину зала, и теперь их щеки соперничали по цвету с заветными галстуками, а потом Аля поделила кипу, и девочки пошли по рядам множить радость. Шелест материи, легкий перестук обуви, непроизвольный смех...

Аккордеон был большой, и лучшая ученица примерилась к Вольке сначала с левой стороны, потом с правой... Никак. Ни-как не дотянуться до Волькиной шеи. Далеко шея. На аккорде-

он галстук не повяжешь, а к шее не подступиться. Можно, проявив смекалку, подойти сзади, но лучшая ученица со словами «оставайся с этой бандурой» махнула на Вольку рукой, как делала Аля, и прошла дальше. Остальные, особенно девчонки, услужливо вытягивали шеи. Раздалась команда подравняться в затылок. Волька все еще надеялся, что взрослые заметят и исправят ошибку, но аккордеон цепко держал его тайну. Не видно было из-за него — с галстуком Волька или без. Волькин галстук повязали Але. Она, не скрывая радости, показала на него учительницам.

— Лишний! Обсчитались!

Ребята уже маршировали под звуки барабана, и тут Але пришла идея объединить маршировку и песню. Она звонко выкрикнула:

— Песню, Родионов!

Возникло легкое замешательство, потому что Волька, оставил аккордеон прямо на полу, неверной походкой вышел в дверь. Аля, испепелив его спину взглядом, запела высоким резким голосом. Хор подхватил тоном ниже, и эта какофония оказалась единственной осечкой, не приведшей к общему знаменателю. Все остальное получилось.

Тетя Фрося отнесла аккордеон в клуб, где и пожаловалась председателю поссовета, что мальца не приняли в пионеры.

— Как не приняли? — изумился Грень.

— Без галстука пришел, — пояснила Волькина мать.

— Как же так? Торжественное обещание он давал?

Тетя Фрося развела руками, мол, откуда я знаю, как у них там, но без галстука, значит... Пионервожатая, которую Грень тут же разыскал, дала ему такой отлуп, которого он, признаться, не ожидал:

— И правильно сделали! Ни рыба ни мясо ваш баянист, — таким в наших рядах не место!

Грень заметил ей, что пристрастие отдельных людей к большой показухе ни к чему хорошему не приводит, на что получил еще более четкий ответ:

— С вами разберутся соответствующие органы. Не здесь и не мне вы ответите за мальчишку, которого испортили танцульками.

— На мальчишке ты и срезалась, пигалица! — взорвался Грень. — Он-то и увидел, что ты насквозь фальшивая, не своим голосом поешь!

Грень возвратился с галстуком, который сорвал с Алиной шеи, но Волька никогда его не носил. Зато ему часто снился сон, в котором его принимают в пионеры по-настоящему, по-честному, и всегда улыбался в том сне, ощущая прикосновение красного шелка, прохладное, чистое и возвышенное.

Виктор КУЛИКОВ (1919-1996 гг.)

ЖЕЛАНИЕ

На омуте заснеженной реки,
Едва заря рассветная проглянет,
Над лункой замирают рыбаки
И удочкой молитвенно шаманят.

Забыты и заботы, и дела,
Следят они за лескою сторожко —
Их в плен безоговорочный взяла
Живая серебристая рыбешка.

Волнует их и мизерный улов,
И простенькие зимние пейзажи...
И мне бы — позабыть про докторов
И ринуться безудержно туда же!

Над лункой распечатанной склонясь,
Почувствовать — хотя бы на мгновенье! —
И с детством необорванную связь,
И тесное с природою общенье.

В МЕТЕЛЬ

За окном столпотворенье —
Снегопад с ума сошел...
Земляничное варенье
К чаю ставлю я на стол.

И вернулся сразу в лето:
Словно в детстве, с кузовком,
Я за Вершugoю где-то
Или где-то под Борком.

Дивный запах земляники
Сладко голову вскружил:
И цветы, и солнца блики
Тотчас я вообразил.

И увиделись пейзажи
Летней Родины моей,
И послышалось мне даже,
Словно щелкнул соловей!

Ольга ГУССАКОВСКАЯ

НЕМЕЦКИЙ БУРУНДУК

Жил-был самый обычный бурундук. Даже полосок на спине у него было ровно пять. Ни больше, ни меньше. Жил он на склоне сопки в норе, которую вода и ветер вырыли под корнями кедра-стланика. Летом бурундук собирал орехи и корешки, зимой спал.

Только одним отличался наш бурундук от остальных — он был себе на уме. По вечерам, когда солнце опускалось за изломанный гребень сопки, бурундук вылезал из норы, взбирался на теплую плитку камня-сланца и замирал, вытянувшись столбиком. Мысли у него были пустячные, бурундучи, но сам он был о них очень высокого мнения.

Однажды осенью, когда розовый кипрей покрылся белым пухом семян, а на стланике повисли толстые зеленые шишки, бурундук размечтался: вот было бы здорово, думал он, собрать все орехи с этого огромного дерева (перед ним рос все-го-навсего маленький кустик стланика, но ведь он этого не понимал), а потом сложить их в большую-большую нору, а потом...

Но бурундук так и не успел придумать, что бы он со всем этим богатством делал. Густая тень легла на землю, и не успел бурундук хвостиком махнуть, как что-то мягкое, душно пахнущее человеком, накрыло его и подняло. Но это еще не все. Где-то совсем рядом залаяла собака, и он услышал, как собачий нос шумно втягивает воздух у самой его головы.

Ну, теперь мне конец, подумал бурундук.

Звонкий мальчишеский голос крикнул:

— Тетя Лена, а я бурундука поймал! Шапкой.

Собака куда-то убежала, а шапку начало так трясти и подbrasывать, что бурундук и вовсе перестал думать.

Его поместили в большой светлой комнате школьного живого уголка. Там было нескучно. Бурундук быстро перезнакомился и с хромым вороном, и с белыми кроликами, и с ленивым большим котом Пимом... Правда, здесь не было сопки и знакомого куста стланика, с которого он так и не собрал орехов, но кормили бурундука до отвала, он растолстел, и темные полоски на его спине стали казаться шелковыми.

Целыми часами он сидел на окне, глядя на двор, где среди сухих стебельков травы бегали его вольные товарищи, и ехидно свистел:

— Бегаете, дураки тощие! Так вам и надо! А я вот никуда не бегаю, а сыт по горло. Я не простой бурундук, я — школьный...

Как-то раз бурундук дремал в своем ящике под боком у кота Пима. В комнату краудились вошли два мальчика, один из них быстро взял бурундука и посадил его в карман... Потом его принесли в незнакомое место, где было очень шумно. Мальчики и девочки бегали друг за другом, а еще один мальчик гонялся за ними и кричал:

— Выйдите из класса!

Но его не слушали, так как на улице лил скучный осенний дождь, а в коридоре было еще теснее, чем в классе.

Бурундука посадили в темный ящик и оставили там. В ящике было душно и пыльно. У самого его носа лежал огрызок турнепса, но он не понравился бурундуку.

Стало тихо. О нем, бурундуке, видимо, забыли. Тогда он решил позаботиться о себе сам.

Осторожно отодвинул турнепс лапками и вдруг увидел дырку. Как раз такую, чтобы вылезти в нее на свободу.

Он и вылез. И тихонько побежал по полу между чьих-то ног, отыскивая дверь.

Незаметно он оказался у самой доски, и тут прямо перед ним встала нога человека. Бурундук подумал немножко и побежал по ней вверх.

— Ой, что это? — негромко ахнул женский голос. Класс загудел. — А, да ведь это старый мой знакомый! — проговорила учительница и спокойно посадила бурундука на стол.

Там ему понравилось — весь класс видно и все смотрят на него. Бурундук был уверен, что здесь он самый главный. Поэтому он уселся поудобнее и занялся любимым делом — умыванием.

У доски стоял тот самый мальчик, который принес его сюда, он тоскливо смотрел прямо перед собой. Урока мальчик не знал, и на подсказку рассчитывать не приходилось: Елена Григорьевна непременно услышит и выгонит вон и его, и подсказчика...

— Ну, Степанов, может быть, ты назовешь какое-нибудь существительное сильного склонения? — спросила учительница.

Мальчик оглянулся по сторонам, глаза озорно вспыхнули, и он брякнул:

— Дер Бурундук!

В классе окна зазвенели от хохота. Бурундук испугался, соскочил со стола и метнулся к двери.

Только он выбежал в коридор, как тут же прирос к полу от ужаса. Прямо перед ним сидела огромная черная собака. Она раскрыла розовую пасть, зевнула, и белые клыки сверкнули перед самым носом бурундука. Он сжался в комок и пискнул:

— Не смей меня трогать! Я не простой бурундук, я — школьный!

Но собака не знала бурунучьего языка. Ладно, что поблизости была няньшка и прогнала собаку метлой. Иначе плохо бы пришлось бурундуку.

В перемену в живой уголок пришли ребята и торжественно написали мелом на его ящике: «Дер Бурундук».

С тех пор бурундук окончательно загордился. Он стал уже не просто школьный, а немецкий бурундук. Только вот похвастаться-то было не перед кем. Его товарищи за окном давно спали в своих норках, а кот Пим, ворон и кролики не хотели его слушать.

Не понимали, наверное...

И бурундук заскучал. За окном розовели под морозным солнцем сугробы, и снег под ногами школьников осыпался, как сухой песок. Незнакомый, никогда прежде не виданный мир... И жаль ему стало старых друзей — бурундуков. Зря он над ними смеялся. А еще все чаще вспоминался тот куст стланника. Много, конечно, труда понадобилось бы, чтобы сорвать с него шишки, да зато какие вкусные орехи запас бы он на зиму! Сам — своими бурунучьими силами.

Только понял он это слишком поздно.

Евгений РАЗУМОВ

* * *

Питер Брейгель висит на стене.
Лед в шестнадцатом веке прозрачен.
За окном машет варежкой мне
алконавт, дядя Паша Темпачин.

Мимо льда прудяного везут
сено на нидерландской телеге.
Дядя Паша бывает разут,
все от альфы пропив до омеги.

Но сегодня он — кум королю.
Кабана закоптили в трактире.
Машет варежкой. Вдeta в петлю
лисья тушка. Пудовая гиря

дядю Пашу уже не гнетет —
«вота пензия... тута, в кармане...»
Зря спешит. В магазине учет.
На коньках тут и там — поселяне.

От заснеженных скал холодок
вдоль спины. Дядей Пашею пропит
на Россию взирающий Бог.
А замерзшие ноги торопят.

Скинуть обувь и эля глотнуть.
Смазать пику, чтоб не заржавела.
Дядей Пашею выбранный путь
вдаль уводит тщедушное тело.

Ну и что... Мне бы эля глоток...
Да чумы чтобы не было боле.
А над дядею Пашею — Бог.
Во своей поднебесной юдоли.

* * *

От человека — тень лишь. Волос, увитый лавром.
По пейзажу можно выйти к реке. Оттуда —
вечность не за горами. Жизнь остается скарбом
на берегу. У сердца кончилась амплитуда.

Странно: причина смерти в том, что другие живы
и кислорода детям надо оставить, внукам...
Он повторял: конечна видимость перспективы.
На пейзаже точка эта висит над лугом.

Там протыкает небо небытия иголка
и увлекает нити взглядов земных и судеб.
Чистой воды эклога, где и бродить-то долго —
грех. Мы уснем с надеждой: на небесах — разбудят.

Он не проснулся — кожей, профилем на кровати,
к пепельнице рукою, на потолок улыбкой...
В смокингах ли хоронят за океаном, кстати?...
Глупый вопрос, конечно. Реквием пахнет скрипкой.

Тихо скрипит иголка, там — по-над лугом. Точка.
Времени и пространству. Координатам света.
В ворох газет упала от некролога строчка.
Сквозь пейзажа нити нитка судьбы продета.

ПОКЛОНЕНИЕ МЛАДЕНЦУ

И ангелы поют под кровлей из соломы.
И теплится в руке Иосифа свеча.
И готика стоит разрушенного дома.
И nimб Mariи лег на белизну плеча.

Наивные глаза художника из Ульма.
Сусальны небеса. Земля пуста почти.
Ни птички, ни пчелы, увидевшей из улья,
как посреди зимы проклонулись цветы.

Лишь греется вода, чтобы омыть младенца.
Лишь нимбик золотой на краешке плаща.
Лишь бык с ослом лежат здесь, преклонив коленца.
Лишь плавится свеча, в безмолвии треща.

А слева у холмов Иосиф к Вифлеему,
похоже, держит путь... А справа — пастухов
скликает ангел... Мир, куда приходим все мы,
по-детски чист еще, благословенно нов.

И колышек торчит, поддерживая кровлю.
И Ирод на резню не гонит слуг пока.
И кажется: земля не будет пахнуть кровью.
И щурится Господь на своего сынка.

* * *

Наверное, в раю, где комары
отсутствуют, секатором срезая
сухие ветви, млея от жары,
пройдет разок душа моя босая.

И насладится щебетом, и душ,
достойных более, насмотрится украдкой,
и наберет упавших наземь груш,
стряхнувши ос над вскопанною грядкой.

Взваливши заступ, побредет душа
в иные веси облачного края,
где под ногами — росчерки стриха
да души тех, что бредят, умирая.

И будут выть геенны голоса,
земным озном стягивая плечи.
И испарится на лету слеза —
бесплотная, но все же человечья.

Алексей АКИШИН

БАНЬКА КУРИЛАСЬ...

(Из повести «На цветущем лугу»)

Над баней струился чуть заметный синий дымок.
— Ну что, сорванцы, пробу сымать будем? — спросил, подмигивая, дед Фрол, вернувшись из бани. — Палаша, подай-ко мне стопочку! Отведаю, как оно у нас получилось.
— Нальешь зенки раньше времени, — заворчала на него бабушка. — Как в гости идти? Все — люди как люди, а ты опять как ляма. И Симку, и Федора опозоришь...
— Да я самую малость! Только лизну.
Дед разом опрокинул стопку и тут же захлопал ладонью по груди.
— Ох, и крепка, зараза! Значит, и у Федора с Симкой все чередом пойдет! Так я загадывал. Похлеще спирта, пожалуй, будет.
Он оторвал от газеты узкую полоску, окунул ее в стопку, которую тайком от бабушки налил снова, и чиркнул спичкой. Над бумагой взвилось едва приметное голубоватое пламя.
— Градусов пятьдесят — шестьдесят, как пить дать, — обрадованно заключил дед, — давненько у нас такой не было! Эх, — выдохнул он и вновь захлопал себя по груди...
— Фрол! Фрол! — раздался из кухни бабушкин голос. Он был громким, испуганным.
— Чего кричишь, как в лесу? — откликнулся дед, быстро, чтобы не заметила бабушка, снова налил стопку и поставил ее за диван. — Квашня, что ли, убежала или мыши напали?
— Иди-ко сюда! — таким же неузнаваемо дрожащим го-

лосом позвала бабушка. — Не участковый ли это по-за гумнами на мерине едет?

— Опять не слава богу! — сердито заворчал дед, выглядывая в окно. — Он, конечно. Тарантас-то евонный, с закрылками... Нечистая, видать, принесла.

— Может, заплеснуть успеешь? Упрятанешь...

— Где, к лешаку, успеешь! Да и он не дурак — издали, видно, заметил что баня курится.

— Ой, что будет? — запричитала бабушка, не находя себе места.

— Перестань ныть, скапидар ты этакий! Что будет, то и будет! Не я ли тебе говорил, что ночью гнать надо? А ты все свое... Вот теперь и расхлебывайся! Хорошо, если оштрафует, а то ведь и арест наложить у него не заржавеет, — мрачно заключил дед.

— А может, объяснить ему: дескать, дочке на новоселье решили маленько выкурить? Авось смилостится, — вздыхала бабушка.

— Того и жди! Ему какая разница: к новоселью или на поминки, — один ляд супротив закону.

— Чего будет? Да еще люди разнесут... По всему району слава пойдет, — не унималась бабушка.

— Прижми зад и сиди! Увидишь, чего будет. Придет и скажет.

— Хоть бы не унюхал да не заметил... Авось пронесет, — с искоркой надежды проговорила бабушка, высматривая в окно приближающуюся повозку.

— Ага! Жди да радуйся!.. Слепой он, что ли? У него на это дело особливый нюх... Мотри, мотри, — дед ткнул пальцем в окошко, — не заметил, говоришь, а уже мерина своего к баньке прихомутывает...

Мы с Костиком прилипли к окну.

Милиционер привязал коня к столбенку и, пройдя через калитку, скрылся в задымленном предбаннике.

— Связались мы с этой самогонкой на свою шею, — сно-ва заворчал дед. — Водки надо было набрать, не обеднели бы. Да и гостей кликать поменьше — не каждого встречного-поперечного. Свадьба, что ли? Подумаешь, избу себе огоревали...

— Ты еще скажи — спирту надо было купить! По пять рублей поллитровка, — резко возразила ему бабушка. — Ишь, богач нашелся! Раскидаешься деньгами и на похороны себе не оставишь... А Мишка из армии придет, свадьбу на какие шиши ладить будешь? А Симке корову покупать? И народу сколь позвали — не наше с тобой дело. Им с людьми жить...

— Заладила!.. — оборвал ее дед. — Денег жалко? А теперь вот что? Принудиловки на старости годов выпишут... Да ну тебя!

Дед сыскоса глянул за диван и присел на скамейку.

— Чего уселся?! — не отставала бабушка. — Делать чего-то надо!

— И этого хватит. Наделали себе славы...

— Да сходи же к нему, поговори!..

— Сам придет! — рявкнул дед и отвернулся. Покручивая усы, он смотрел в сторону бани. Там около тычинника одиноко стоял запряженный в тарантас конь, а над крышей по-прежнему вился хильный дымок. Участковый же, войдя в предбанник, точно сквозь землю провалился.

Дед, ломая спички, закурил. Наконец терпение его лопнуло:

— Эх, скапидар ты этакий! Пойду, проведаю — будь что будет.

Мы с Костиком сжалась и боязливо смотрели ему вслед, а позади нас, вспоминая бога и всех святых, крестилась и горестно вздыхала бабушка.

Дед Фрол медленно шел по огороду, склонив облысевшую голову. Подойдя к бане, он робко потоптался на месте, расправил плечи и решительно шагнул в предбанник.

Немного погодя дед вышел из бани вместе с участковым, поддерживая милиционера под руки. Голова участкового моталась от плеча к плечу, ноги подкашивались и вывихивались, словно у висящей куклы.

— Бабушка! Бабушка! — закричал Костик. — Милиционер-то пьяный! Он, наверное, все выпил и нам не оставил!

Бабушка Пелагея махнула на Костика рукой и опрометью выскочила на улицу. Участкового в избу они доставили вместе с дедом. Милиционер немного побормотал и захрапел на неправленной дедовой кровати.

— Чего там? — вполголоса спросила бабушка.

— Тише ты! — цыкнул на нее дед. — Пока все передом.

— Митька, смотри! — пролептала мне на ухо Костик, показывая на уснувшего милиционера.

По губам участкового ползала жирная черно-синяя муха.

— Кыш, зараза! — Бабушка взмахнула платком. — Откуда и взялись? Отдохнуть не дадут человеку.

Она осторожно, чтобы не скрипнуть дверкой, порылась в шкафу и закрыла участковому лицо лоскутом марли.

— И этих тоже гони!.. — Дед кивнул на меня и Костика. — Да и сама тут шибко не хропай, не шебурши... Разбудите раньше времени.

Подгоняемые дедом, мы проскользнули за двери.

— Фрол, поди, конь-то некормленный стоит? — донесся приглушенный голос бабушки.

— Сена мерину отнесите! — поймав нас на улице, скомандовал дед, а сам с полными ведрами колодезной воды направился к бане. Мы взяли для коня с повети по охапке сена.

— Что, застоялся, милый? На-ко, попей водицы, — сказал, подойдя с ведрами, дед.

— А с баней чего будем делать? — спросила бабушка.

— Как чего? Я уже и дров подбросил, и воду сменил...

— А милиционер?

— Покуда спит — всю барду перегоним. Не пропадать же ей, да и один ляд попались. Только самогонку спрячь подальше, вдруг спьяну-то надумает с обыском...

— Упрячу, упрячу, Фрол, — никто не разыщет!..

— Да не всю!.. Для протоколу оставь маленько — вдруг напишет чего.

Бабушка сноровисто вырыла руками неглубокую яму в огуречнике и, оглядевшись по сторонам, поставила туда четверть самогонки. Потом она разровняла землю и для пущей важности полила из лейки весь огуречник. Дед Фрол, глядя на бабушкины проделки, усмехнулся:

— Век бы не додумался...

... Участковый проснулся под вечер.

— Так-так, Фрол Игнатьич, — поправляя сморщеный китель, заговорил он. — Противозаконные действия, значит, проявляете? Самокурку затеяли?

— Да я в первый раз затворил... И то не слава богу, — по-нуро ответил дед.

— До чего смешно получается! — скривив толстые, мясистые губы, рассмеялся милиционер. — Кого ни поймаю — все в первый раз затворили! Да не пугайся ты!.. Это я так, к слову, говорю. Впервой — не впервый, а самогоночка у тебя славная получилась! Огонь!.. И попробовал-то всего ничего, а смотри, как развезло... Не помню, как и до кровати добрался.

— Да мы... Мы ведь никогда прежде-то и не гнали, — распиналась перед участковым бабушка. — Дочке вот на новоселье решили маленько — один только выкурок.

— Ладно, — строго начал милиционер, — если на такое дело, можно и простить. А голова — болит, ох, бо-олит! — И он хитро подмигнул деду.

— Счас, счас, — поняв намек, суётливо ответил дед. — Ну-ко, Палаша, поскреби по сусекам!..

Бабушка юркнула за двери и тотчас вернулась со стаканом.

— А закусить чем? — не унимался дед. — Вот непонятливая!

Она снова скрылась на кухне и принесла шмат сочного соленого сала. Дед отрезал несколько тонких розовых с прожилками ломтиков и положил на тарелку.

— А себе? — показывая на стакан, спросил участковый.

— Отпил я, видать, свое, — не задумываясь, соврал дед.

— Сердчишко стало пошаливать.

— Ну-ну...

Милиционер выпил и уставился на бабушку.

— А ежели все по букве закона, то вас и под суд отдать можно.

— Да ты, касатик, прости нас! — жалобно принялась упрашивать бабушка. — Для дела ведь... Сам же говорил... Да и впервые...

— Ладно, ничего оформлять не буду. Но зарубите на носу: ежели кто на вас бумагу настрочит, тут уж деваться некуда! Тогда по всей строгости меры приму, вплоть до аресту.

— Спасибо, спасибо! — причитала, точно перед иконой раскланиваясь, бабушка. — А мы и лошадку напоили-накормили, пока вы тут отдыхали от дороги.

— Важно, чтоб не стукнул кто, не нажаловался, — твердил милиционер. — А хороша, хороша, говорю, самогоночка! Давно такой не пивал. Накапало много ли?

— Кой ляд много! До того перепугались, что всю барду мимо выплеснули. Литрик-другой... А то ведь, сами понимаете, дело подсудное — не размахнешься...

— Ну это зря поспешили!.. Зачем выливать?.. А может, на дорожку найдется? Я тут глаза закрываю на ваше нарушение законности, а вы и отблагодарить не желаете.

Глаза у бабушки забегали. Она смотрела то на деда, то на участкового.

— Да что вы, Сергей Анатольевич! — вспомнив наконец-то, как зовут участкового по имени-отчеству, встрепенулся дед. — Для такого случая — найдем! А как же... Вы жалость к нашему брату проявляете, а мы... Неси, Палаша, неси!

Бабушка Пелагея бойко спустилась в подполье и вынесла пузатую бутыль, заткнутую самодельной липовой пробкой.

— Посудину только жалко, — пролепетала она. — Может, потом вернете, Сергей Анатольич?.. Старинная она — от маменьки с папенькой осталась.

— Куда она денется! — принимая из ее рук бутыль, бодро заверил участковый. — Я сейчас же и верну! У меня в трантасе своя емкость имеется. Гавриков этих, — он кивнул на меня и Костика, — со мной посырайте — обратно принесут.

Милиционер, громыхая тяжелыми кирзовыми сапогами, неуверенно шагнул за порог.

— Бегите за ним, не отставайте! — наказала бабушка. — А то без бутыли останемся. Увезет еще, черт окаянный!

Мы кинулись вслед за участковым, который шел, не признавая утоптанной тропинки, прижав к животу обеими руками увесистую бутыль.

— Хотите, на Красавчике прокачу? — предложил он, подойдя к тарантасу.

— У нас свои лошади есть, — с независимым видом ответил Костик.

— Как хотите, было бы предложено.

Он скинулся с передка обляпанный свежей весенней грязью брезентовый плащ и вынул пузатый деревянный бочонок.

— Ну-ка, посмотрим, что там имеется...

В бочонке забулькало. Милиционер откупорил его и принялся осторожно переливать в бочонок самогон из бабушкиной бутыли, сделав перед этим несколько глотков.

— Эта пока — самая крепкая! Только, — он глянул на меня, — скопидом твой дед. Я его, можно сказать, от суда спас, а он... Ну ничего, я к нему на обратном пути заехать могу, если эта посудина, — похлопал участковый по бочонку, — не полная будет. Забирайте свою бутыль!

Настоявшийся за день мерин резво взял с места.

— А-адна ва-азлюбленная пара всю ночь гуляла да-а утра! — сквозь перестук и скрип колес доносился хрипловатый голос милиционера.

— Ну вот, а ты боялась! — с усмешкой проговорил дед, доставая из-за дивана стопку с припрятанной от бабушки самогонкой. — Теперь и мне выпить не грех!.. Не зря говорили: участковый — мужик хоть куда! Не его, значит, а людей бояться надо.

— А дядя никуда и не уехал! — радостно сообщил вернувшись с улицы Костик.

— Как не уехал?! — поперхнулся дед.

— У Васюхи-конюха остановился и тоже коня к бане привязал.

— Ух ты! — Дед шлепнул ладонью по голове. — У Васюхи тоже затворено было! Братана в гости поджидает, вот-вот должен подкатить. Значит, и его выловил... Ловко у милиционера получается. Так, глядишь, и затычку из бочонка выпрет!

— Пойдем со мной! — шепнул мне на ухо Костик.

— Куда?

— Посмотрим, сколько ему Васюха-конюх нальет. Больше или меньше дедова?

Олег ХОМЯКОВ

СОРОК ЗИМ СПУСТЯ

Дом, где ты жила, куда бежала
От мальчишек, прихватив портфель,
Цел — под ненадежным покрывалом
Февраля, бесснежного теперь.

А вот циркуль-столб за поворотом
Не ищи — его в помине нет...
Здесь я стыл, в окне за переплетом
Вида мимолетный силуэт.

Но все тот же около колонок
Бабий гул и ведер ряд один...
Здесь я вил, как белый медвежонок,
Петли троп среди сугробов-льдин.

На подъезде к магазину звонко
Отбивал чечетку неспроста!..
Знала ли ты, гордая девчонка,
Как твоя жестока красота?

Боже, ты могла бы тогда со счета
Сбиться на зарубках выюжных дней!..
Но, похоже, Бойля-Мариотта
Был тебе закон куда важней.

Абажур качнулся и — зашторен
Контур плеч и в коленкоре том.
Не иначе — мне гордец Печорин
Перешел дорогу в этот дом.

Через сорок лет звенит сердито
Цепь... Соседский двор, собачий вой...
А меня, как ржавый гвоздь к магниту,
Тянет к той тропе, к калитке той.

Гладкая горбатая вертушка...
И в стене знакомый пакли клок...
Дверь открыла ветхая старушка,
Шамкнула: «Чего тебе, сынок?»

Доброе, недоброе почуя,
Изучает чуждое лицо.
Наклонился к уху и шепчу ей:
«Плен любви — не знает беглецов!»

ВРЕМЕНА ВЕКА

Зима. Кинотеатр. Конец недели.
Твоих прелестных глаз живая ртуть.
Какие фильмы мы тогда смотрели!..
Теперь уж нет таких — чернуха, муть.

Весна. Велосипед. И мы у цели.
Костер в ночи — туристский наш уют.
Какие песни мы в походах пели!..
Теперь кругом лишь лазаря поют.

Макушка лета. Стол в саду накрыли.
Поздравить именинника бегу.
Какие розы мы друзьям дарили!..
Теперь и лютик бьет по кошельку.

Ноябрь. Парад. Пред Мавзолеем плыли
Вождей премудрых лики — пой, душа!
Какие блага нам тогда сулили!..
Теперь не обещают — ни-че-го.

Михаил ЗАЙЦЕВ

МЕЖДУ НАМИ...

Автобус давно должен был подойти, народ толпился возле автостанции, рюкзаки на спинах, чемоданы в руках. Ругали нечеткую работу автотранспорта, словно это могло как-то ускорить прибытие автобуса. Я, как и все, вышел на улицу. Ехать до соседнего района было часа полтора, и как заядлому курильщику хотелось нахвататься никотину на всю дорогу. В мыслях я был уже там, у брата, и народ вокруг воспринимался как что-то единое и безликое. Ездить по этому маршруту приходилось часто, и я давно привык к подобным задержкам, стоял в стороне, покуривал...

Но тут народ вдруг нахлынул на меня волной, как будто автобус наехал на толпу и люди беспорядочно бросились от

колес. В следующую минуту я понял причину паники. Четверо молодчиков были парня. Тот почти не защищался, только закрывал руками лицо. Но они по лицу и не метили, ударились в бока, под душу, били яростно, словно выполняли тяжелую работу.

«Хулиганы!» «Где милиция?!» «Да помогите же кто-нибудь!»

«Что же вы смотрите?» — это относилось, как я понял, ко мне. Я снял очки, сунул их в карман и растерянно старался сообразить, как могу помочь. Но что можно было сделать с расплывшимися перед глазами, мельтешащими фигурами?

— Перестаньте, пожалуйста, — попытался я подступиться к одному из дерущихся.

В тот же миг я отлетел на несколько шагов. Меня, видимо, просто оттолкнули, не ударили, а отшвырнули, как мешавший работе предмет.

Меня начало трясти: от бессилия, от того, что выглядел нелепым перед толпой пассажиров, от того, что природа не наделила меня достаточной физической силой... И вдруг все прекратилось. Когда я надел очки, один из драчунов лежал, второй стоял на коленях, а двух других какой-то здоровяк держал за шиворот, напрягаясь так, что вздувались на лбу вены, растикал и, резко сводя, колотил лбами друг о друга.

Заступник, видимо решив, что наказал драчунов достаточно, толкнул их к одному из лежащих на земле. Они так и не поднимались все четверо, только один матерился, тот, что стоял на коленях и прижал к разбитому носу платок.

Толпа, удовлетворенная исходом дела, довольно гоготнула. «С такой силищей что порядок не наводить!» — послышалось из толпы.

«Да вас тут такая силища... десятерых, таких, как я, свалите. Стоите, как... а сопляки... волю дали!»

Он исчез в автовокзал и вышел через минуту уже спокойный, с сияющей физиономией.

— Достал! Думал, все, ищи попутку. Но мне нынче везет, — весело обратился он ни к кому и сразу ко всем. — А вот и автобус! Меня ждал.

Те, кому нужно было на этот рейс, нахлынули на автобус, и удивительно быстро в обе двери толпа стала всасываться внутрь.

Он вошел одним из последних, осветив все вокруг пышной шевелюрой ржавого цвета, ударился головой о поручень, чертыхнулся, и сразу захотелось потесниться, уступить место его громадному телу.

— Мать, задавили?! Это мы сейчас исправим.

Бабуся с корзиной засуетилась, вжалась в плотную масу людей переполненного автобуса. Здоровяк же, ухватившись ручищами за боковые поручни, чуть давнул на пассажиров, и бабуля оказалась на свободном пятаке, а те, кому, казалось, никак уже не войти в автобус, тоже просочились в салон.

Меня прижали к его груди, и я думал, что он сейчас гаркнет на меня, поскольку придавили крепко, но тут же понял, что худо только мне, а его массивному торсу, пышущему легним зноем, чистотой и необъяснимой крепостью, вовсе и не чувствителен такой натиск. Давить было некуда, да и вошли в автобус все, дверцы, лязгнув створками, захлопнулись, и автобус тронулся.

— Ну, народ! И куда едут? У тебя курить есть?

— Есть, только не достать сейчас, совсем расплюснули.

— Да я сейчас и не буду. Я потом, когда выйду. Ну перевелось курево. Между нами, «Космос» — трава, хоть три пачки выкури — никакого толку. А у тебя что? Курить-то у тебя что? Курево какое?

— «Беломор».

— Гожо. Ну что за народ! Едут, торопятся. Куда?

Не знаю, какой он был внутри, этот товарищ, с каким характером, но, по-моему, худого от него ждать было никак нельзя. С таким крупным телом, с такими большущими серыми глазами люди злыми не бываю. В нем все было большое: и руки, и голова, и даже загар особенный, будто он только и занимается тем, что все время жарится на солнце.

— В Воркуту ездил, в командировку. Ну народ! Денег было, между нами, конечно, целый матрас. Приехал сюда, едва полтину на автобус наскреб. Куда подевались? Но дела там делал, отметили, как положено, все обстряпал, о!

Он отцепился на мгновение от поручня и показал большой палец. Говорил он доверительно, голоса не снижал и поглядывал на окружающих так, будто все они его ближайшие родственники и должны порадоваться тому, что дело он «обстряпал, о!».

— А зачем ездили? — поинтересовался я. Надо же было на доверие доверием отвечать.

— А-а, ерунда. Главное, моя фабрика дымить будет теперь без остановок. Взял я в обратную дорогу пару бутылок на радостях. Дорожка-то ого-го, трое суток с половиной. Понял? Между нами, — он чуть понизил голос, — мы еще суток не проехали, кончилось мое горючее. Не то все! Не то. Раньше такого не было. А что делать? Туда-сюда, где достать?

Нигде не достать. Хорошо это? К проводнику, говорят, обратись. Тот вроде поломался, потом за пятнадцать рублей предлагает бутылку. Ну народ! За пятнадцать рублей! А что? Не хочешь — не бери, силком в тебя никто не вливаet.

Он гоготнул и снова оглядел пассажиров. Ему вроде сочувствовали. Еще бы, дурак, конечно, по пятнадцати рублей за бутылку, это же три дня работать. Да с незнакомыми людьми...

— Ну народ! Раньше не то было. Ну пили, дрались тоже, так не по-скотски же, как сейчас бывает. Выезжает Пересвет и друг друга с этим самым... татарином, совершенно насквозь пропыкают. Он, где ты думаешь, воспитывался?

— Кто? — понимая, что попадаю в какое-то дурацкое положение, спросил я.

Он обвел пассажиров снисходительным взглядом и увидел, что все, хоть и не смотрят на него, но прислушиваются, снова снисходительно гоготнул.

— Пересвет! Татарина насквозь. Разъехались и на всей скорости друг к другу, — он скрежетнул зубами, и если бы не давка, показал бы, как сошли эти две страшные силы, коим только и оставалось перед войсками умереть, иного исхода быть не могло. — Он в монастыре воспитывался. Понял? Для такого дела и воспитывался. Рацион у него был, готовили его специально и кормили специально. И, между нами, баб к нему не допускали.

Я даже не нашелся, что ответить, и только помотал головой. Довольный произведенным впечатлением, он наклонился ко мне, поскольку я обретался где-то ниже, и жарко дыхнул в ухо:

— Во, народ был! Шибанули и... насквозь друг друга. Ты думаешь, он в латах был! Хы, как же, в латах. Это нарисовано все, трепотня. Между нами, он был в рясе. Да, в рясе, на голое тело. Еще крест у него был на шее. Я сам рисую, знаю. Когда время найду и нарисую эту картину, он у меня в рясе будет. Ряса тогда была не такая длинная, не путалась в ногах. Она вроде полупалто была, ну, вроде джемпера длинного, и из войлока. Для него джемпер, а для тебя, скажем, как пальто. Чего там, латы! Тут наверняка надо было бить, иначе бы тебя.

— Что-то я не представляю, — попытался я вякнуть.

— Он не представляет! В рясе, понял? Вы-ры-я-си! В рясе! А там в латах изображен. Ерунда. Какие там латы. Ты удивляешься, откуда я все знаю. Ха-ха! Я историю люблю, читаю ее часто. В рясе он был. Так я его и нарисую, когда до картины доберусь.

— Может, конечно... Я точно не могу утверждать.

— Не спорь. Хочешь, я тебе докажу, что знаю историю? Откуда, думаешь, появились сволочи?

Теперь почти все головы повернулись в нашу сторону. А те, кому было плохо слышно, даже шеи вытянули. Вот до чего хотелось всем узнать, откуда появились сволочи.

— И откуда же? — поинтересовался я.

Он расхохотался, затем посерезнел и, точно по учебнику, начал рассказывать.

— Тряпок всяких, между нами, конечно, на Руси было мало в ту пору. Жратвы хватало, а тряпок было мало. Где взять? Нужно везти из-за границы. Дороги, опять же. Сейчас — ни к черту, а тогда и вовсе не было. Как везти? Самое дешевое по реке. И быстро. Но опять же закавыка, плывешь-то — куда река ведет. Ну приплыл ты, к примеру говорю, в какой-то город. А другой-то город — на другой реке. Тем-то как быть? Как ты думаешь? Вот тут-то вся и закавыка. Тряпки-то везде нужны, а другой-то город — на другой реке.

Он сделал паузу и, увидав, что никто, в том числе и я, не понимает, при чем же тут сволота, захохотал. Смеялся он долго, вытирая слезы, и все в автобусе тоже засмеялись. Только тихо, неуверенно.

— Ну, — поторопил кто-то нетерпеливо.

— В том-то вся и закавыка, — продолжал он. — Тащили корабль, ну не корабль, а... ладью, что ли, в другую реку прямо посуху, — голос его снизился, мне показалось даже, что автобус сейчас остановится, настолько все замерло в предвкушении развязки. — Ну, понимаешь?

Я помотал головой. В его глазах даже тоска засветилась от моей такой бестолковости.

— Перли эту ладью через овраги, через леса, ну, где ни попадя, а место, где ее тащили... волоком называли, — выдохнул он наконец. — Между нами, ты думаешь, всем такая работа нравилась? Держи карман. Купец — он, гад, наживался, а ты тащи ладью посуху, посмотрю я на тебя. Вот же народ! Я все удивляюсь. Ведь один над ними купец, а какая у него власть. Ну как это понятно? Я не знаю. Непонятно это мне. Он — один, а их много, ведь эту же ладью втроем посуху не утащишь, значит, их там много тащило, а одного боялись. Нет, ну ты потащил бы? Я не знаю. Потащил бы — нет?

Я пожал плечами, и мне подумалось, что он, например, убей его на месте, ладью ту не потащил бы, ни по воде, ни посуху.

— А другие волокут. Приволокут до следующей реки, плывут дальше. Да, плывут, значит, до какого-то города, плыв-

вут, везут тряпки. Ну, а другие потащат-потащат, ночью соговорятся — купцу по башке, тряпки поделят и разбегутся. И продают потом эти тряпки заграничные по населенным пунктам. А откуда у них, у людей этих, тряпки заграничные взялись? Один у другого, между нами, конечно, спрашивает: «Откуда люди-то эти с тряпками заграничными?» А ведь сразу поймешь, российское это или черт знает чье. Ты вот отличишь российское от заграничного? Сразу, конечно, отличишь. У нас совсем не то. Ну, может, погрубей, но зато ноское. Из чего больно делать-то было? Лен — он и есть лен. Это и сейчас поняли, дошло, что полотно — это тебе не нейлон-поролон. Ну вот. А другой ему и отвечает: «Люди эти — с-волочи». Хаха-ха! С-волочи, сы-во-ла-чи. С-волочи, значит. Ну, понял? Понял, между нами, откуда это и пошло, сволочи, да сволочи. Если, вдуматься, не такие уж и плохие люди, можно сказать, даже передовые люди своего времени. Я историю знаю.

Я облегченно вздохнул, поскольку (между нами) не знал происхождения сего бранного ныне слова. И все же я недоверчиво хохотнул. Затуманил мужик мозги, я даже сомневаться стал, слышал ли что о Куликовской битве. Я понял, что с этим человеком можно на «ты», мы с ним стали совсем приятелями, да и он обращался почему-то именно ко мне. Не знаю, чем я ему показался.

— Народ был. Сейчас тоже, между нами, есть, но мало. А картину я напишу. Пересвет, значит, стоит, ряса расстегнута и крест на груди. Никаких лат, одна ряса на голое тело. Крест блестит, значит, не золотой, конечно, но блестит. И уж так надо сделать, чтобы видели, если татарин рухнет, он его, лежачего, бить не будет, это уж, между нами, тогда не практиковалось. А ты молодец.

Я удивленно взглянул в его глаза.

— Если четверо бьют одного, то всегда виноваты они, четверо, даже если тот, один, — гад. С гадами можно только один на один.

В автобусе все молчали, шел он ровно, на дорогу мой попутчик зря грешил, не зеркало, конечно, дорога, но я помню, как на ней лет пятнадцать назад трактора тонули.

— Так ты закурить-то мне дашь? Между нами, «Космосом» не накуриваюсь — трава.

Я дал ему папиросу, он сунул ее за ухо и пробрался к выходу. Автобус остановился в чистом поле, ни признака деревни рядом. «Откуда он?» — подумалось мне. А он, взвалив на спину громаднущий рюкзак, уже шел тропой по полю, и чем дальше уходил, тем казался выше ростом.

СТАТЬИ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Алексей БАЗАНКОВ

ХУДОЖЕСТВЕН- НАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Философский вопрос о месте и роли художественной интеллигенции в жизни человеческого общества всегда волновал ученых, философов, писателей. Коль скоро мы согласились с тем, что нынешние беды произрастают из прошлого, было бы резонно этот вопрос рассматривать издалека, но малая часть основной темы — именно философское осмысление. В близкое к нам время полемика и дискуссии по этой проблеме активизировались, скажем так, в предчувствии революции или в кризисный период.

«Когда люди впадают в беду и не видят выхода из нее ни в окружающих условиях жизни, ни в тех учениях и идеях, которыми они привыкли руководиться, то, оглядываясь туда и сюда, они силятся вспомнить тех учителей и пророков, которые в свое время старались разуметь их, угрожая в противном случае грядущими бедствиями, на что, однако, люди не обращали в свое время должного внимания или даже отзывались насмешками и бранью. Но вот грозные предсказания сбылись во всей точности: народ потонул в крови, исках от голода и холода, сгнил от болезней; все возненавидели друг друга и друг друга трепещут, хватаясь за голову и ломая руки, они восклицают: ведь все это нам предсказано; все это вслух всей стране возвещалось в книгах, которые мы все читали; но мы, безумные, смеялись над нашим пророком именно за

эти предсказания, хотя и благоговели перед его гениальным умом и талантом. А теперь то, что казалось нам тогда, т.е. 50 лет тому назад и даже пять лет тому назад, плодом мрачной фантазии великого человека, теперь сбылось с такой ужасающей точностью, что мы готовы признать эти предсказания за непосредственные откровения Божии, хотя сам автор и не думал выдавать их за таковые, а представлял их как плод своих наблюдений над жизнью России и Европы, над историей человечества и над русским характером. (Митрополит Антоний. Ф.М.Достоевский как проповедник возрождения. Издание Северо-Американской и Канадской епархии, 1965. С.32). Нетрудно догадаться, что речь идет о предсказаниях Ф.М.Достоевского, изложенных в его произведениях и в особенности в романе «Бесы» и в «Дневнике писателя». По мнению митрополита Антония, автора книги «Ф.М.Достоевский как проповедник возрождения», «в России нет более сильных людей, чем поэты: мыслителей, деятелей других профессий ценят по мере того, как они сумеют угодить вкусам публики; такова участь публицистов, философов, профессоров, даже отчасти духовных лиц; но поэт, романист или лирик, одаренный талантом, заставляет себя читать и читать даже независимо от своего философского и политического направления». (Там же. С.40).

В последние годы появилось много подтверждений тому, о чем два-три десятилетия назад беспокоились, предупредили русские писатели и поэты: Федор Абрамов, Василий Белов, Борис Можаев, Валентин Распутин, Александр Твардовский, Николай Рубцов, Николай Тряпкин, Владимир Ситников... Можно сослаться и на современный художественный опыт костромичей, связывающих художественные задачи с историей и философией: Евгения Старшинова, Алексея Румянцева, Бориса Гусева, Вячеслава Шапошникова, Леонида Попова, Виктора Лапшина, Михаила Базанкова, Юрия Лебедева, Владимира Корнилова, Ольги Гуссаковской, Бориса Бочкирева, Татьяны Иноземцевой и других. (Для примера, из Ивановской области — Владимир Жуков, Михаил Дудин, Владимир Догадаев, Виталий Сердюк, Александр Малышев; из Владимирской — Иван Никитин, Василий Акулинин, Владимир Солоухин, Геннадий Никифоров; из Ярославской — Юрий Бородкин, Виктор Московкин, Валерий Замыслов, Леонид Кокоулин).

Уже не раз отмечалось, роль художественной интеллигенции в обществе значительно больше, чем ее удельный вес в социальной структуре, поскольку несмотря на относительную немногочисленность, она во многом определяет уровень

развития нравственной, культурной и общественно-политической жизни страны. Этим объясняется необходимость более пристального изучения художественной интеллигенции на различных этапах существования нашего общества.

Перед человеком, философом, историком, изучающим развитие человеческого общества, встает вопрос: кто эти люди? В чем секрет их дара предвидения, огромного влияния на духовный мир человека?

Опираясь на формулировки философских, политических и других словарей, изданных в советский период, можно выйти на такое определение художественной интеллигенции: художественная интеллигенция — прослойка общества, интеллектуальные работники, профессионально занимающиеся художественным творчеством в какой-либо области искусства, создающие качественно новое, отличающееся общественно-исторической уникальностью. И тут оказывается, что совершенно не случайно в определениях того времени художественную интеллигенцию не причисляли ни к какому классу, в лучшем случае ее именовали прослойкой или слоем.

Действительность такова, что во всех слоях общества как бы по своей воле, без идеологической или коммерческой вос требованности появляются художники с принадлежностью к тому или другому виду искусства. Нередко они начинали творить, не имея специального профессионального образования. Это выходцы из разных слоев (крепостной художник Г. Островский, актер Ф. Волков, широко ныне известный скульптор, художник, писатель и мыслитель Е. Честняков, писатель И. Касаткин, автор произведения «Красные дьяволята», по которому снят фильм, П. Бляхин, ивановский художник Коррин и многие другие, начинавшие свою трудовую деятельность в сельском хозяйстве и промышленности, в учебных заведениях или на партийной работе и т.д.) Работая в сфере материального производства, они испытывали духовные и художественные потребности, которые привели их к творчеству. Нередко такое творчество нисколько не подкрепляло материально. Основная работа «кормила» художественное увлечение в течение многих лет...

В настоящее время обозначились три основных подхода к определению художественной интеллигенции: социологический, философско-нравственный и этико-культурологический. Мы обратим внимание на некоторые аспекты каждого подхода.

Сторонники **социологического подхода** берут за основу взгляд на художественную интеллигенцию как на социаль-

ную группу общества, выделяя в первую очередь ее профессиональную деятельность и социальное положение. Так Э.Б. Ершова считает: «художественная интеллигенция — важнейший структурный компонент общественной системы, социальная группа, создающая духовные ценности. По сравнению с другими профессиональными группами художественная интеллигенция выступает субъектом интеллектуально-эстетической деятельности, и произведения ее труда материализуют духовную культуру общества. Художественная интеллигенция во все времена отражала живую связь и преемственность идеалов общества. Ее труд является важнейшим показателем уровня развития общества.» (Ершова Э.Б. Исторические судьбы художественной интеллигенции Белоруссии. 1917-1941. М., 1994. С.4). Взгляда на художественную интеллигенцию как на профессиональную группу придерживается И.В. Купцова. (См.: Купцова И.В. Художественная интеллигенция и Октябрьская революция: проблемы дифференциации.//Российская интеллигенция XX век. Екатеринбург, 1994.). Есть мнения, исключающие художников, писателей, музыкантов, композиторов и др. из рядов интеллигенции как таковой. «Среди множества групп работников умственного труда следовало бы выделить собственно интеллигенцию (преподаватели, врачи, ученые, журналисты), — считает Д.М. Марцева, — остальные принадлежат к чисто социально-профессиональным слоям, имеющим свои специфические интересы и не относящимся к интеллигенции в собственном смысле слова: военные, ит., лица свободных профессий (художники, музыканты, литераторы, кинематографисты и т.д.), чиновники и т.д.» (См.: Марцева Д.М. О неустойчивости мировоззрения и исторической ответственности русской интеллигенции.//Интеллигенция России уроки истории и современность. Иваново, 1994).

Необходимо отметить, что ни одно из этих и подобных определений не ограничивается взглядом на художественную интеллигенцию как на социальную и профессиональную группу, но обязательно дополняется этическими, моральными, психологическими и другими характеристиками.

Философско-нравственный аспект нашел отражение в трудах выдающихся философов, писателей, деятелей религии, а также в трудах эмигрировавших из России мыслителей. Наибольший расцвет эти взгляды получили в конце XIX—начале XX вв. в сборниках «Вехи», «Смена вех», в трудах «евразийцев». К определению понятия интеллигенция они приходили через осознание и решение проблем: Интеллигенция и философская истина, интеллигенция и мораль, интел-

лигенция и религия, интеллигенция и право, интеллигенция и власть. В результате философского спора-диалога зачастую они приходили к неутешительным для русской интеллигенции выводам. Вот лишь некоторые из подобных суждений: интеллигенция — особый слой, вовсе не связанный с интеллектуальным трудом и отличающийся своей моралью, миро-созерцанием, особыми нравами. Интеллигенту должны быть присущи: оппозиция правящему строю, широкий культурный кругозор, любовь к народу, интерес к отдельной личности, как у Л.Толстого, Ф.Достоевского, религиозного философа Леонтьева, инакомыслие, самокритичность, высокие моральные качества (Бердяев). Русская интеллигенция в течение столетия жила в покаяниях, в атмосфере нравственного подвижничества. В жертву морали она принесла все: религию, искусство, культуру, государство — и, наконец, саму мораль. Но и нравственный максимализм интеллигенции, принявший в своих крайних политизированных формах уже явно разрушительные черты, отнюдь не был бессмысленным в культурном отношении. «Как ни отлична великая русская литература от традиций «интеллигенции» — в узком общественном смысле — она разделяла с ней эту этическую установку, которая у самых великих совершала чудо религиозного преображения мира» (Федотов). Особенность этих суждений выражается в увязке высоких моральных качеств интеллигенции и православной религии. Следуя этой теории, некоторые мыслители утверждали, что русская интеллигенция, как феномен, исчезает после Октябрьской революции 1917 года. Попытки преодолеть противоречие можно найти в трудах «евразийцев», Г.П.Федотова и др. В отличие от Бердяева, Зеньковского и Вышеславского, Федотов не делает столь решительное ударение на религиозный фактор, поскольку в силу своего не только этнического и религиозного многообразия Россия не может быть объединена единой религиозной идеей. Особые надежды возлагаются на область культуры, где русский народ должен, с одной стороны, брать пример с кипучей и страстной работы малых народов, работы их интеллигенции; с другой стороны, — «пустя каждый маленький народ. (Поступает так же — А.Б.). То есть интеллигенция не только не чувствует унижения от соприкосновения с национальным самосознанием русских (великороссов), но и находит у него помочь и содействие своему национально-культурному делу».

Современные исследователи часто обращаются к трудам мыслителей конца XIX — начала XX вв., находя для себя много полезного, поучительного.

Этико-культурологический подход в последнее время привлекает все большее число сторонников. Среди его преимуществ выделяется меньшая ограниченность историческими рамками, свобода от политических и чисто религиозных установок. Такой подход наиболее ценен, поскольку позволяет по достоинству оценить деятельность великих творцов человечества, не ограничиваясь временными рамками политических и религиозных систем. Он наиболее соответствует цивилизационному подходу к истории. «В сравнении с социологическим, философско-нравственным этико-культурологический подход к пониманию интеллигенции как духовной общности людей менее ограничен историческими рамками». (См.: Веселов В.Р. О конкретно историческом подходе к понятию «интеллигенция» // Российская интеллигенция XX век. Екатеринбург, 1994). Интеллигенты — это люди высокой интеллектуальной культуры, которая сочетается с высокой нравственной культурой, подлинной духовностью, с бескорыстным служением народу, Родине. Интеллигенция — это не социальная группа, а духовная элита общества.

Очевидно, далеко не всех специалистов можно считать интеллигенцией. Специалисты — социальная группа общества, это люди, занятые профессиональным умственным трудом, т.е. группа, сложившаяся на основе объективных формальных признаков. Сегодня ставится под сомнение адекватность понятий «интеллигент» и «специалист», «служащий». Это подтверждают реальные факты массового роста специалистов, служащих, занятых нетворческим трудом, проявление люмпенизации в их среде, процесс сужения, утончения слова интеллигентской элиты. Да и основываясь исключительно на нравственно-религиозных идеалах начала XX века, очень сложно охарактеризовать художественную интеллигенцию советского периода. Интеллигенция создается рядом поколений на основе традиционной преемственности, а не по указанию «сверху». Из-за репрессий, казней, ссылок и лагерей, а также эмиграции к концу ЗО-х гг. старой интеллигенции уже фактически не осталось, а большое количество вновь подготовленных специалистов помогло ее заменить. Ни в одном статистическом справочнике нет данных о количестве интеллигенции, есть только цифры о числе специалистов. В том-то и заключается великая животворящая сила народа, что вопреки тоталитарному режиму интеллигенция продолжала самовоспроизводиться, хотя и в малом количестве. Сегодня нельзя согласится с утверждением, что в социалистической действительности не было места Прекрасному.

В определенной степени, размышая о роли и месте интеллигенции, можно отнести недавний упрек писателя Валентина Распутина не только к великим, но и к провинциальным творцам. «Из песни слова не выкинешь, из литературы мнения — тоже. При виде страшного разрушительного энтузиазма, охватившего Россию после 17-го года, некоторые русские писатели, в их числе Бунин, Розанов, Волошин, не удержались от проклятий своему народу и отечественной истории, больше того — от готовности (быть может, только литературной, но высказанной вслух) скорее отаться под руку «германцев с запада или монголов с востока», нежели терпеть неисправимое российское варварство. Не будем судить их... Мы еще не дошли до того, что испытали они.» В провинциальной действительности талантливые люди тоже иногда вынуждены перемежать любовь и ненависть к своему народу...

Три подхода — социологический, философско-нравственный и этико-культурологический — объединяет признание наличия у художника выдающихся врожденных качеств, особых природных способностей, одаренности — таланта. Талант самореализуется через творчество — деятельность, порождающую нечто качественно новое и отличающееся неповторимостью, оригинальностью и общественно-исторической уникальностью. Творчество невозможно без творца — субъекта художественной (творческой) деятельности.

Разумеется, любая схема содержит много условностей. Невозможно описать художественную интеллигенцию, основываясь на какой-то одной узкой характеристике.

По ранее изданным трудам создается впечатление, что художественная интеллигенция России, как таковая, появилась с началом издания первой газеты «Ведомости» и ее штата профессиональных сотрудников (1702г.). (См.: Ивенина Т.А. О возникновении и развитии интеллигенции в России.// История Российской интеллигенции. М., 1995). Вряд ли сейчас мы найдем достаточно оснований для того, чтобы согласиться с такими утверждениями. По нашему мнению, на основе этико-культурологического подхода, с некоторыми оговорками, можно отнести к художественной интеллигенции людей, творивших задолго до упомянутого издания. (К примеру, Андрей Рублев, Феофан Грек...). С этой позиции заслуживает уважения точка зрения В.С.Меметова о необходимости введения в современную историческую науку понятия «прединтеллигенция».

Надо учитывать, что «отечественная интеллигенция, как живой общественный организм, прошла в своем развитии

абсолютно все этапы, присущие человеческой цивилизации — от зарождения, формирования (общих и специфических черт), развития их к активной творческой деятельности». (См.: Меметов В.С. О проблеме дефиниций: от понятия «интеллигенция» к прединтеллигенции» // Интеллигенция, провинция, Отечество. Иваново, 1996).

Осознание этих обстоятельств ориентирует нас на исторически уважительное отношение к талантливым людям, призванным духовно, эстетически, художественно облагораживать свой народ вопреки экономическим (коммерческим) обстоятельствам. Наше время — конец XX века — убеждает в необходимости такого отношения к художественной интеллигенции, в первую очередь, к писателям, потому что «вначале было слово», потому что фундаментом, основой культуры всегда остается самое надежное связующее звено между людьми — литература.

Евгений СТЕПАНЕНКО

ДУША

В начале уходящего века (1920 г.) известный палеограф Василий Николаевич Щепкин в статье «Душа русского народа в его искусстве» отмечал: «Мы спрашиваем себя (...), что делает в мире русская душа? Мы обращаемся к ее созданьям и открываем, что это одна из самых ШИРОКИХ и ПРОСТЫХ душ мира, что она чает без корысти, созерцает сочувственно: людей — скорбно, природу — ясно, небо — радостно... Мы чувствуем при этом, что эта душа прекрасна не тогда, когда горит и трепещет, а тогда, когда созерцает и теплится...»

Обращаясь сегодня к поэтическим «созданьям» душ наших земляков, видишь: не во всемозвучны они душевным настроениям пращуров начала века. Да, они чужды корысти, а сочувственным отношением к миру их Бог не обидел; восприятие природы для них является праздником души, который всегда с ними. Что же касается созерцания и состояния, определяемого уютным словом «теплится» — они как-то не вписываютя в «созданья» нынешних стихотворцев.

Читаешь последнюю книгу избранных стихов Татьяны Иноземцевой «Дикая яблоня» и ловишь себя на мысли: какое уж тут созерцание и «робкое горение», когда, «как все деревенские бабы», она жаждет «пригубить глоток земного счастья» с таким шальным опьянением, с такой «осатанен-

лостью», что — «сжигается душа» и «пишутся кровью стихи».

А с какой мучительной болью «горит-трепещет» ее душа при виде того, как «с российской простотой» бросаются деревни, «возле храмов поруганных — скот», а погосты становятся пастищами, когда в глазах невинно убиенных читает вопрос: «За что?... И в том не ее вина, но трагическая беда, ибо «кто-то все предрешил наперед, / Так обыденно жутко и просто...»

Душевное состояние Татьяны Иноземцевой удивительным образом перекликается с душевным самочувствием поэта Леонида Попова из Вохмы, назвавшего свой последний сборник стихов «Обреченный на любовь». Сильной, волевой, деятельной, глубоко чувствующей натурой предстает перед нами автор, а вот поди ж ты:

Бьется, не в силах разбить капкан,
В черной крови душа.

Критика услышала в творчестве Попова поющий «голос души и натуры нации, который звучит и тогда, когда она обречена на немотность». Да и поэт понимает: «Кто-то должен курлыкать в глухи, / Чтобы мир устоял под грозою». Только мало кому ведомо, какой дорогой ценой достаются ему такие душевые откровения. «Под барабанный бой вранья — / Какие песни, брат!» — не спрашивает, но утверждает поэт.

Думается, в таком аргументе есть свой резон, но, откровенно говоря, является ли он для Леонида Попова «последним и решительным»? Ведь перед нами не тот талант, который не может пробиться сквозь вранье, пусть даже аранжированное барабанным боем. Много серьезнее, по-моему, другое, а именно: «Да что с того, что сердцу петь охота, / Когда надежно заперт слух у всех?..», когда «давно наши души оглохли». Вот в чем драма великая. И опять же — глухота случилась не по данности народа нашего, его беспечности или равнодушию. Жестокосердны и безжалостны «окаянные горькие сроки», «век сумасбродства», лишающие человека извечного и обыденного покоя и умиротворения, которые рождаются в душе при виде дел, сотворенных собственными руками. О том вдохновенно писал наш земляк — прозаик Алексей Потехин — в минувшем столетии: «А как любо... крестьянину, когда сознает, что вся эта красота — результат его труда, что каждая горсть хлеба собрана его руками, каждый шаг полит его потом, — что здесь, на этом поле, все его богатство, его спокойствие, обеспечение его самого и его семьи!..»

А ныне Леонид Попов по тому же случаю кручинится: «районный Каин всю деревню разорил», «могилы зарастают пустой травой», и куда ни кинь — везде клин: «беден край мой, державой забытый...»

Но как бы душа ни обливалась «черной кровью», в какие бы капканы ее ни втискивали, поэт пытается пробиться сквозь всеохватную глухоту, желая пробудить в людях чувство первородной любви, отзывчивости, чуткости. Голос «ветром относит назад», а он знай гнет свое: докричаться бы, дозваться!..

Читая новую книгу стихов Евгения Разумова с мудрым названием «Прудяные холсты», как-то не особенно задумываясь о холстах, пусть даже и прудяных, но опять же — о душе, ее неприкаянности: «и на сороковом году: / Души — никак не успокою». И снова — знакомые меты времени, безотрадная аура жизни, убаюкивающая мысли, чувства, настроения: «мы — грешные дети. И каждому — сиро», «давит на грудь чернота», «в душе — кавардак», «как неуютно в этом мире злости...»

Казалось бы, тут впору махнуть рукой и посетовать: ну что ты сыплемь соль на рану — без тебя тошно!.. Но как-то не машется, поскольку начинаешь понимать: Разумов задался целью не раны бередить, но пытается уяснить меру людской святости и греховности, изначальность их проявлений, как бы вынося на Высший Суд свои раздумья: «Слава Богу, что нужны кому-то / Наших душ земные голоса...»

Оттого на страницах его сборника предстает мир от Палестины до Козелино, населенный героями и персонажами от ветхозаветных до нынешних. Вглядываясь вместе с поэтом в многовековую судьбу человечества, воскрешаешь в памяти, что были Адиль и Каин, и безжалостное «распни!» — не есть приобретение нашего времени. Но что в наш век жестокосердие, тотальное беспамятство стали явлением обыденным, изощренным — с этим не согласиться трудно. «Душа в простреленной шинели / Бродила, без вести пропав», — такой печальной юдоли род человеческий не знал.

Грозным предупреждением воспринимаются слова Николая Муренина из его книги «Земная дорога» об одном из ныне живущих «неправедно и ложно», а потому даже недостойном смерти на кресте, и ждет его в лесу осина...

Так неужто действительно дошли мы до крайнего предела и права Татьяна Иноземцева, когда в «Дикой яблоне» проговаривается: «Сгубили душу, что ни говори, / Испил народ не из того колодца...»? Оно, конечно, спору нет, что пили, пьем и сколько еще будем пить не из того колодца. Но что «сгубили душу» до основания — тут полного согласия с поэтессой не случается. Подтверждением тому служит и сам сборник «Дикая

яблоня», исполненный живого душевного волнения, искреннего чувства, и книги других авторов, часть из которых названа выше.

Мало того, все они отмечены истинным благородством, завидным человеческим достоинством, пониманием гибельности людской озлобленности, мстительности, воинствующей агрессивности. И этим пониманием они как бы сопереживают словам безвременно ушедшего от нас Николая Зайцева из Красного Села, чей сборник стихов «Иван-чай» выпущен посмертно: «Лишь в доброте душе спасение, / Но в озлоблении — разлад».

Читая нынешних поэтов нельзя не заметить и того, что лейтмотивом многих поэтических произведений становится ностальгия по душевной красоте, испокон являвшейся отличительной чертой русского характера, жажда душевного покоя, вдумчивой созерцательности и — одновременно — светлого порыва все той же души. «Меня не угнетает тишина, / Безмолвие души не потревожит. / Мудрее одиночество и строже», — исповедуется Ольга Колова из Парфеньевского района в поэтическом сборнике «Пугливая птица», изданном недавно писательской организацией. «И на нелегком вираже, / Перенеся нагрузку стойко, / Поймешь: как надо бно душе //Вернуться к светлому истоку», — читаем у Николая Муренина.

В этом нет зловредного так называемого «ухода от действительности» либо равнодушия, но чувствуется убеждение авторов в вековечной народной мудрости: будет покой в душе человека, обретется покой в его семье, в его Отечестве. Ибо только состояние душевного покоя подвигнуть может на добрые мысли и поступки, созидательность, позволит глубже понять собственные переживания и окружающий мир. Не случайно преподобные старцы и отцы Оптиной пустыни каждое утро встречали молитвой, начинаящейся словами: «Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что даст мне сей день...»

Думается, по этой причине и поэты земли костромской так пристально всматриваются в душу русского народа наших дней, пытаясь постичь ее нынешнее состояние и самочувствие, осознавая всю сложность и необходимость своих творческих исканий. В чем автор книги «Земная дорога» Николай Муренин доверительно и откровенно признается:

Да, нелегко с самой вселенной спорить,
Но как ни говори и ни пиши,
А все-таки сложней всего освоить
Нам космос человеческой души.

Роман СЕМЕНОВ

ПОЧЕМ НЫНЧЕ КНИЖКИ?

«Скучно на этом свете, господа!» — однажды изрек Николай Васильевич Гоголь. Через сто лет другой острый ум, Михаил Зощенко, записал в дневнике: «Как пусто и бессмысленно течет жизнь, если ты не творец ее, не творец в ней». Видимо, можно подобрать много подобных умозаключений. Но разве Пушкин писал свои бессмертные творения из-за скучки? С другой стороны, как меняется, улучшается жизнь — под воздействием ее «творцов»-писателей или под влиянием чего-то другого? И что же такое — писательство? Полезный труд или развлечение для читателя? Судя по всему, сейчас — именно так: не любовь и страдание, скрытые внутри человека и извлеченные писателем для общего сострадания и раздумий над жизнью, не воспитание чувств, не слава и гордость, не национальное достояние, а развлечение на досуге, щекотание нервов, возбуждение страха, темных инстинктов, эпатаж и т.д., словом, чтиво. И это чтиво, красочно оформленное, стоит гораздо дороже нормальной человеческой книги.

В чем же дело? Народ отвернулся от литературы или просто некий назойливый коммивояжер потеснил ее, закупив места на полках книжных магазинов? Ответ, думаю, всем ясен. И мы его можем прочесть в строках, написанных восемьсот лет тому назад: «Уже бо, братие, не веселая година всталла... рекоста бо брат брату: «Се мое, а то мое же». И начаша князи про малое «се великое» молвити, а сами на себе крамолу ковати. А погани со всех стран прихожаху с победами на землю Русскую...». (Под «поганими» надо нынче понимать не степных кочевников).

Я позволил себе немного «залезть» в историю, потому что нынешние моднейшие литературные течения и философии как раз эту историю отсекают напрочь (андеграунд, постмодернизм, концептуализм и подобное). Их постулаты таковы: все идеалы изжиты, они «наскучили», надо спешить за быстро текущим временем, писать обо всем, ничего не скрывая, иначе будет лицемерие, и еще — упор делается теперь не на автора (творца), а на сам текст (поэтому: проборматывай в трансе своем что угодно — это будет литературное творчество). И проборматывают.

Господи, а ведь все это уже было в веках: и кровавые бои в римских цирках на потеху зрителям, и селедка вместо галстука, и вконец затащанное «дыр бул щил». Все уже было.

Замечено и другое: в конце века люди начинают помаленьку беситься. А у нас — конец тысячелетия. Так что приготовьтесь, граждане, к большому бесовству!.. Но хватит об этом.

Наша забота — о проблемах литературного творчества в условиях нынешнего времени, в условиях русской провинции. И здесь — ряд вопросов, не материальных, не бытовых (они всем известны).

Первый вопрос. В любой работе человеку требуется некая цель, образец, путеводная звезда. Но как нам быть сейчас, если те маяки, те ориентиры, которые нам и направление давали, и озаряли целью еще лет двадцать тому назад, нынче как-то размылись и потускнели? Например, еще недавно знаменитая «деревенская проза» (где, впрочем, находилось место поэзии и литературной критике). Сколько это направление создало имен в центре, а больше — в областях!.. Сколько дало оно пищи уму и душе!.. Сегодня, к великому сожалению, приходится говорить о медленном затухании этого в общем уникального направления не только в русской, но и во всей мировой литературе. Да и не мудрено: сама деревня — в глубоком загоне. Но что же взамен?..

Да пока ничего определенного не видится. В литературе — полный разброда. Я бы определил ее ныне так в целом: отчаянно-пессимистическое направление. Плюс скверные забавы типа сорокинских (садизм). И в тесной связи с первым возникает второй вопрос: традиционно писать или все-таки стремиться к обновлению?

И этот вопрос ставит сама практика. Особенно это заметно у нас в творчестве поэтов, живущих в Костроме. Так вот, будем ли мы держать ориентир на столичные «последние достижения» или — и жить, и писать по-своему? Все видят: наши мегаполисы, Москва и Петербург, сегодня никак не служат образцом. И не только — в творчестве. Особенно это заметно на примере порчи национального языка, небывалом его засорении. Да и сами московские ревнители чистоты русского языка все чаще кивают на провинцию: мол, там еще не все ценности потеряны, провинция надежнее сопротивляется сомнительным нововведениям.

Согласитесь, уже сам этот факт нас ко многому обязывает. Бывает так называемая «чистота линии» в каком-либо учении или партии, а бывает чистота человеческих отношений. И если пересмотреть такие отношения, счесть их устаревшими, не отвечающими «сегодняшнему дню», то что же проповедовать?

Чистота человеческих отношений не есть какой-либо литературный канон, направление. Это — стержень всей ли-

тературы, не зависимый от эпох и влияний. Когда нас уверяют, что изысканное творчество не предназначено для широкой публики, но только для узкого круга а «посвященных», — это всего лишь уловка, указывающая на творческую несостоительность, на игру в литературу. Чистоты отношений между писателем и читателем в данном случае нет.

Итак, оставим новомодности, будем писать привычно. Но здесь — уже другая трудность. «Привычка свыше нам дана: /Замена счастию она», — сказал поэт. Если же не испытываешь счастливого удовлетворения от своего труда, то и труд идет вяло, и результат не определен, сомнителен. Прекрасный мыслитель Иван Ильин определил особенность русского человека: он только тогда способен зажигаться делом, творчеством, когда искренне полюбит это дело, уверится в нем. А иначе — на печи провалится всю страду, а то и всю жизнь. И другая особенность: в отличие от воли и рассудочности западного человека, у русского на первом месте — чувство и созерцание. И мы на многих примерах можем убедиться в справедливости этих слов.

Лучшая русская литература выстроена на этих качествах, когда мысль не обособляется, не вырождается в черствую, бесстрастную рассудочность, а бьется в сетях самых разнообразных чувств и в то же время — обогащенная чувством — способна охватить немалые пространства внешнего и внутреннего миров. Это и есть русский космизм, иначе: философия всеединства. И только в русле этой могучей традиции мы можем рассчитывать на долговременность результата, на радость осуществленного.

Но как же все-таки рождается новое в литературе?

Много перечитано книг — всевозможные образцы стиляй, подходов, форм и т.д. В результате у меня сложилось твердое убеждение: новое в литературе (то есть — свежее, самобытное и в то же время содержательное) рождается не тогда, когда мы стремимся выбрать или изобрести какую-то особую форму речи, а когда сам объект изображения и сама мысль о нем взрывают изнутри устоявшийся слог, привычную форму. И происходит это как бы непроизвольно, естественно. Главное же, нельзя путать новое как чисто литературный феномен и новое в жизни, которую хочется выразить в слове. Жизнь меняется больше стихийно, нежели по чьему-то плану.

Какие же подходы, в том числе и новые, видим мы в книгах, вышедших за последние годы у нас в области? Замечу, что охарактеризовать все книги и брошюры (а выпущено их за эти три года более трех десятков) я не берусь. Попробуем

вглядеться хотя бы в часть изданного.

В литературном употреблении у нас часто вместо слов «язык», «речь», «повествование» употребляется именно — «слово». И это неспроста. Потому что слово, такая незамысловатая с виду вещь из пяти-десяти букв-знаков, знакомых как свои пять пальцев, на самом деле вещь загадочная и многосложная: «в начале было Слово». Флоренский утверждал, что иное слово со временем обрастает разными смыслами и эмоциями, подобно антикварной вещи приобретает большую цену. Еще он говорил, что произведение искусства, картина или скульптура, — это тоже слово. Вот такие богатые ассоциации.

В конкретных текстах слово бывает у нас чаще разменной монетой, нежели царским серебряным рублем, и уж совсем редко — золотым червонцем. Вкус к слову, скопость по отношению к слову — первое условие поэтического таланта. Гоголь, например, искал в действительности, а нашел в языке, то есть — в необыкновенном, неподражаемом слове («Гоголю нет образца», — говорил Белинский). Отсюда многочисленные исследования о «тайне Гоголя».

Теперь — о наших писателях. Начну со своих земляков — галичан.

У Евстолии Павловны Прокофьевой вышла небольшая книга «Шум леса». Причем тираж (5 тысяч экземпляров) разошелся очень быстро. Позавидуешь. Книга — о животных, домашних и диких. Но где животные, там и люди, природа, любовь ко всему живому. Последнее свойство как раз и обеспечило читательский спрос. Я, как бывший преподаватель русского языка, пожалел, что не было у меня под рукой тогда этой книги. Прекрасные фрагменты можно выбрать для диктовки: «Небо хохлилось, навалились черные сумерки», или: «Кот лениво зевнул и потянулся. Я, дескать, стерег его, а ты выпустила, теперь лови сама». Причем эти примеры взяты наугад. И подумалось мне при чтении: надо бы больше сейчас писать для детей таких книг, пока не выросли дети и не ухватились за эти ужасы на книжных развалих.

Пожалуй, всех плодотворнее из писателей в Галиче трудится Олег Иванович Каликин. Всего им выпущено что-то около двух десятков книг повестей и рассказов. Помню хороший рассказ «Валентинины дети», где описана тихая, радостная любовь, облагораживающая человека и соединяющая людей в семьи. Новые книги Олега Ивановича — бытописание районного города со всеми его приметами и особенностями. Мы читаем о современной жизни городских людей из разных слоев, разных возрастов. Со временем тема

любви и разнообразных коллизий, с нею связанных, становится в творчестве О.И.Каликина преобладающей. Как в песне — «... никуда не деться от любви». Но почему-то любовь в последних произведениях писателя приобретает все более свирепый характер. В глухой провинции разыгрываются такие страсти, что становится немного жутковато. «Сердце красавицы склонно к измене», — другой, почти песенный мотив. И еще один: лови момент, такова жизнь, пусть неудачник плачет!..

Может быть, так оно и есть в действительности. Статистика говорит о большом количестве разводов. Но мне думается, причины их куда более разнообразны, чем только новые страсти и новые связи. И какая-то удручающая «телесность», что ли, в изображении ситуаций. В качестве примера, подтверждающего мою мысль, можно взять рассказ «Омут».

Выше я говорил о чистоте человеческих отношений. Если обратиться к творчеству наших галичских поэтов, то сразу же бросается в глаза опять же тема любви. (Такой вот наш Галич — любвеобильный город). Обычно поэтессы более склонны к «разработке» этой темы. Но вот вышел у нас недавно сборник стихов Бориса Юшина. Целиком — о любви. Что ж, и Петрарка, помнится, писал преимущественно о том же. Выступают у нас со стихами и женщины — Светлана Виноградова и Вера Клевич. И что же? Да то, что круг любви в сравнении с вышесказанным у них значительно расширяется. И это радует. В понятие «любовь» включены уже и чувства по отношению к бабушке (особенно тепло — у Светланы Виноградовой), родной деревне, природе, городу Галичу...

Но я хочу затронуть тему любви несколько в ином плане. Поколение наше выросло на резком противопоставлении идеи и материи. Материализм крепко засел в нашем сознании. А между тем еще до нас было сказано и обосновано (в частности — Флоренским), что все в этом мире взаимосвязано — видимое и невидимое, явление и сущность, вещь и ее символ.

Казалось бы, она мертва —
Лишь разум властвует над телом,
Но — взгляд, улыбка, жест, слова... —
И вот душа уже жива,
И вот она уже запела...

(В.Клевич)

Разве эти стихи не подтверждают вышесказанное?

Или: что общего между огромной Волгой, широчайшими водными просторами, и... сточной канавой? Нечто типовое: что-то куда-то течет. А что общего между понятием

«любовь» в самом широком смысле (как чувство, как идея, как жертвенности и, наконец, как Абсолюте, на кое еще держится мир) и — «потреблением», то есть сексом? Не эрос, не древние сатурналии, а унылый, механический секс. И это есть полный отрыв материи от идеи. Таково следствие однобокого учения и воспитания. Нынешние идеологи ругают прежних, но сами, по существу, что проповедуют? Видоизмененное, но то же: голую материальность. И слава Богу, что люди интуитивно или сознательно еще сохраняют святость чувства, когда говорят или пишут, или думают о любви. Вере Клевич удалось сказать нечто свое в этой, казалось бы, совершенно «исчерпанной» теме. Но ведь оттого она и Абсолют, что ее не исчерпашь.

Поверьте, я ничуть не претендую
На свет тех дней, что без меня Вы жили.
И я Вас ну нисколько не ревную
К тем женщинам, которых Вы любили.

.....
А мне поет забытая струна,
Которую от них Вы утаили.
И потому я заменю одна
Всех женщин, что Вас ранее любили...

(В.Клевич)

«Я грешную деву люблю, как солнце и небо». Это — из новых стихов Сергея Потехина. Он также вносит свои особые мотивы в данную тему, создав за многие годы в своих стихах образ не столько донжуана, сколько его противоположность. С легкой усмешечкой живописует он этого неудачника, непокорителя женских сердец (хотя сердце его самого всегда женщинам открыто). И поэт еще раз утверждает мысль, о которой говорилось выше: все открыто для любви на земле — не только женские сердца. Если же какая-то капелька или песчинка затерялась, ее надо открыть и включить во всеобщий магнетизм любви. И только этим можно противостоять разгулу сатанизма на многострадальной земле нашей.

Не буду ничего говорить здесь о творчестве других галичан — Виктора Лапшина и Михаила Зайцева. Я уже занимался обзором их творчества в юбилейных статьях. Замечу только, что на этих двух «китах» держится наша районная газета, а следовательно, и общественное обсуждение самых разнообразных проблем. Лапшин, кроме того, участвует в центральных изданиях. В юбилейном номере журнала «Наш современник» в редакционном вступлении говорится о поэтической когорте журнала, о поэтах «с собственным лицом

и незаэмной эстетикой», создавших за 40 лет «славу журнала». В этом списке стоит и наш земляк Виктор Лапшин.

Снова перебираю тоненькие книжечки, вышедшие недавно в местных издательствах, а точнее типографиях. И думаю: нельзя не вспомнить здесь добрым словом Михаила Федоровича Базанкова, Евгения Анатольевича Разумова и Екатерину Александровну Соболеву, трудами и стараниями которых осуществляется вся эта кропотливая и хлопотная работа. А уж в местных типографиях — свои энтузиасты (у нас в Галиче это, в основном, Михаил Зайцев и Виктор Лапшин). Нет никакой возможности охарактеризовать каждую из лежащих передо мной книг и книжечек. Скажу лишь о том, что сразу «на душу легло».

Виталия Васильевича Пашина я часто слышу по костромскому радио, читал его многочисленные очерки в прессе, а вот книги с добрыми пожеланиями этого автора держу в руках первый раз. Короткие рассказы типа новелл, небольших зарисовок с натуры, воспоминания — свои и знакомых, друзей, которых у В.Пашина было удивительно много. В целом — бывальщина, опыт жизни, своей и народной. И, ей-богу, есть чему удивиться, над чем посмеяться и чему поучиться! Более всего мне понравился рассказ «Тридцать три несчастья» о солдате Великой Отечественной, прошедшем всю войну и вернувшемся в деревню без каких-либо наград, а только с нашивками за ранения. Невезучий этот солдат Пантелея у меня ассоциировался с тем самым Неизвестным солдатом, на могиле которого зажжен Вечный огонь. Сколько было таких — неизвестных и незаметных — и на передовой, и потом, в мирной жизни!.. Но они-то — и есть основа фронта, основа Победы, — скромные, молчаливые, незаметные. О «потребительских возможностях» старого довоенного и военного времени повествуют рассказы «Забытица» и «Сапоги». При нынешних трудностях полезно узнать: а как было прежде с ценами и «покупательными способностями».

Совсем недавно вышла новая книга Василия Васильевича Травкина «Пастушок Ваня, или Там, где стояла ракета». Помечено: для школьного возраста. Но здесь тот случай, когда писатель не «опускается» снисходительно в детство, а, наоборот, поднимает ребенка, подростка к взрослым проблемам жизни. Герои этой книги поставлены в обстоятельства, когда происходит раннее взросление. И снова я возвращаюсь к понятию чистоты человеческих отношений. Этим, как я говорил, стержнем литературы и отличается в целом книга В.Травкина. Удивительно поэтичен рассказ «Голос петушки», где на четырнадцати страницах книги охвачена жизнь девушки, за-

тем матери со взрослыми детьми.

Тот же критерий чистоты отношений отличает и книги наших прозаиков «Вася-Нептун» Алексея Акишина из Павиана и «Корень любви» Фаины Соломатовой из Шарьи. У Соломатовой герои произведений вроде бы взяты из знакомой деревенской жизни со всеми ее реалиями, но эти верные, чистые души кажутся порой идеализированными. Таковы, например, братья — Фрол и Тимофей — из повести «Жили и жить будем». Есть там, конечно, и «злодеи жизни», но последние — как фон для развития темы верности и любви. Конечно же, читатель нормального человеческого мироощущения отдаст предпочтение подобной литературе, нежели той, где собрана вся «подноготная» человечества только для желания «не лицемерить». Читая прозу Алексея Акишина, отметил я одно свойство героев его рассказов, знакомое мне и раньше: в селе нет моды, там — антимода. Каждый житель — и в поведении, и в одежде, и даже в своей мимике — индивидуален, не похож на других. Эту особенность, кстати, можно заметить также и на полотнах другого нашего земляка — художника Ефима Честнякова.

Невозможно пройти мимо поэтического сборника «Деревенский дым» Виктора Смирнова. Близок мне этот автор по всем статьям: и по возрасту, и по работе в лесу, и по отношению к тому, что творится на русских просторах уже много лет. Не буду приводить отдельные его стихи — их лучше читать не выборочно, чтобы почувствовать всю близость этого человека к земле, природе, деревне, чтобы почувствовать и всю горечь от запустения основного и главного места жительства человека. Читайте стихи Виктора Смирнова из деревни Филиха Шарьинского района и думайте, как жить дальше.

Я, конечно, очень бегло отметил вышедшие книги. Прощу простить. Добавлю еще: хороший обзор творчества костромских писателей организовал на областном радио Михаил Федорович Базанков. Он старательно анализирует особенности каждого автора, не забывая, впрочем, и того, что связывает писателей друг с другом, с местом и временем, где они жили и живут. Реалистичны многие его иллюстрации, выполненные для сборников, выходящих в качестве спецвыпусков газеты «Литературная Кострома».

В заключение хотелось бы отметить, что костромская земля явно переживает поэтический подъем. Появилось много новых имен. Совсем недавно, например, вышел первый сборник стихов у Ольги Коловой из Парfenьевского района. Помоему, очень тонкая лирика. Есть и другие новые для нас авторы. Теперь очередь за прозаиками.

Павел КОРНИЛОВ

ОБРЕТАЮЩИЕ ВЕРУ

В минувшем году на страницах журнала «Русь» в четвертом номере появилась новая повесть костромского писателя Михаила Базанкова. Уже ее название — «Самое дорогое» — говорит нам о том, что автор вложил в свое детище заветные мысли и суждения о насущном.

Рискну предположить — лет через двадцать повесть вполне может войти в школьную программу по литературе как достойный образец яркого, а главное, правдивого изображения сегодняшней жизни российской глубинки. М. Базанков, всегда избираяший объектом своего творчества сельскую жизнь, не изменил себе и на этот раз. Однако последняя вещь литератора выходит за рамки чисто деревенской прозы. Перед нами очень трезвый, а значит болезненный срез с действительности девяностых. Глазами Дарьи Макаровны, главной героини повести, автор всматривается в новую, постсоветскую деревню, в судьбы обыкновенных людей, волею времени обреченных жить так, как они живут, и... нам становится не по себе. Выполненная в реалистическом ключе, повесть оставляет впечатление, сходное с тем, которое появляется у зрителя, посмотревшего пьесу в театре абсурда.

Пожилая доярка Дарья Макаровна, живущая «на самом закрайке», где сходятся костромская и вятская земли, вдруг получает анонимное письмо. Автор послания предлагает ей как можно быстрее приехать к племяннику, в семье которого «сложились такие обстоятельства, помочь нужна». Встревоженная тетушка спешит к своему Вене, сироте, выросшему в ее доме, а теперь живущему своей семьей на другом конце области. Добрались до нужного поселка, она находит родных на первый взгляд благополучными, но за внешним спокойствием скрывается страшный надрыв. Племянник, его соседи и знакомые, даже дети — все находятся в каком-то пограничном состоянии. Кажется, что вокруг играют в тревожную игру, смысл которой заключается в имитации положительных эмоций без всяких на то оснований. Племянник всеми силами скрывает от матери реальное положение дел в семье, дети, притесняемые в школе из-за ошибок родите-

лей, стараются быть детьми, но это им как-то не удается, они больше походят на маленьких старичков. Вскоре выяснилось, что и письмо как бы ненатуральное, его написала соседка племянника, подруга его жены, которую та подговорила написать сердобольной тетушке, дабы было кому посидеть с детьми, пока хозяйка покупает где-то дефицитный гарнитур.

Читателя не оставляет ощущение трагического несоответствия образа жизни, который ведут персонажи, с их внутренней сущностью. Люди живут не своей жизнью, они как бы выпали из естественного течения событий, забыли главное, что делало их самими собой. Их мысли, чувства, настроения подчинило себе стремление во что бы то ни стало расстаться с прежней жизнью, трудовой, нелегкой, не всегда в достатке, но естественной и традиционной, такой, какой жили многие поколения предков. «На Канарские острова охота», - говорит один из персонажей. Безобидное, в общем-то, желание, но оно, делаясь всепоглощающим, становится разрушительным. На наших глазах развертывается впечатляющая картина болезненного превращения социалистически ориентированного общества в общество потребления. Персонажи повести в погоне за ранее недоступными благами теряют самое дорогое.

Хочется привести очень показательный отрывок, в котором сконцентрировались все раздумья автора о смысле бытия:

«Дитя спит, а мать усталая бредет и бредет по снежному лесу. К полуночи добралась она до старой каменоломни. Забушевало, загрохотало со всех сторон. И разверзлась гора, открылся вход в пещеру. А там сверкают несметные сокровища. Бедная женщина обомлела перед чудом таким. Высокий неземной голос к ней обращается: «Возьми, сколь сможешь унести, но не забудь самое дорогое». Тогда бедная женщина, чтобы освободить руки, положила спящего ребенка на противень у входа и давай нагребать драгоценности в фартук. Неземной голос поторапливает: «Ты должна управиться до последнего удара колокола. Но не забудь самое дорогое!» Некогда размышлять бедной женщине. Гребет и гребет, хватает и хватает, уж полон фартук, подол платья полон, на шее и на руках ожерелья. Кинулась к выходу. Тут третий раз молвил голос: «Не забудь самое дорогое!» Едва шагнула она из пещеры на волю — ударил колокол. Заскрежетала скала и сдвинулась — пещеры как не бывало. А дитятко-ребеночек спящий там остался. Сокровища валятся из рук

несчастной женщины, она рвет на себе волосы...».

Этот длинный внутренний монолог Дарьи Макаровны сопряжен с финальной частью повести, в которой главная героиня спешит на встречу с сыном, попавшим при неясных обстоятельствах в беду. У здания вокзала в маленьком районном городишке, где живет сын, только что приехавшая Дарья Макаровна попадает на съемочную площадку какого-то фильма. Автор сознательно уходит от конкретного рассказа о фильме и его создателях. Мы не знаем названия картины, не имеем представления о ее содержании. Последние, «кинематографические» страницы повести удивительно многослойны. Обыкновенная повседневная история, которая могла случиться с каждым, вдруг вырастает до почти апокалиптических размеров. Персонажи повести, главные и второстепенные, оказавшись,вольно или невольно, участниками съемочного процесса, предстают героями колоссального, вселенского масштаба фильма-фантасмагории, где грешники в мгновение ока становятся праведниками и наоборот.

Буквально в последних строках повести все на той же вокзальной площади в милицейском «воронке» появляется сын Дарьи Макаровны, арестованный за преступление, им не совершенное. Дарья Макаровна, ошеломленная нежданными бедами, грозящими раздавить, исковеркать судьбы родных и близких, патрясенно вопрошаet к небесам:

«...дети, дети... что с ними стало? Куда их несет судьбина? В какой раздор они втянуты? Кто и зачем разметал крестьянский род? Неужели на то воля твоя, Господи?».

Здравый смысл, унаследованный от предков, возобладал даже в такой ситуации.

«— Ничего... Пройдет, если терпеть, — качнулись над толпой успокаивающие Дарьины слова. — Неужто не хватит терпенья?

Может быть, это уже не она сама вопрошала, а ее голосом робким кто-то другой намеревался просить за всех нас. Кто-то другой, трудно обретающий нынче веру... Веру и в самого российского человека, способного наконец оглядеться и понять, откуда что происходит...».

Новая повесть костромского писателя обращена ко всем нам, трудно обретающим нынче веру, прежде всего веру в самих себя.

Юрий ЛЕБЕДЕВ

СЛОВО О НЕКРАСОВЕ

(К 175-летию со дня рождения)

В стихотворении «О Муза! я у двери гроба!..» умирающий Некрасов писал:

Не русский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу...

«Ты любишь несчастного, русский народ! Страдания нас породнили», — скажет в конце своего крестного пути в Сибирь некрасовская героиня княгиня Волконская. Среди русских поэтов и писателей Некрасов наиболее глубоко почувствовал и выразил одухотворенную красоту страдания, его очищающую и просветляющую человека высоту.

Некрасов — поэт сокровенных основ отечественной духовности: первые наши святые, Борис и Глеб, канонизированы в лице праведников, претерпевших смертные муки от рук коварного Святополка. Страстотерпцы наиболее ярко представляют немеркнущий идеал русской святости. У Некрасова высшей добродетелью отличается в народе тот, «кто все терпит во имя Христа». Некрасов знал, что на этой многоплачевой земле веселье и радость — залетные гости, а скорби и труды — неизменные спутники жизни. Некрасов ценил тернистые пути, видел в них источник человеческого спасения.

В скорбный день кончины Некрасова Достоевский, писатель из чуждого вроде бы стана, не мог сесть за работу, а взял все три тома его поэзии, стал читать и... просидел всю ночь. «В эту ночь, — говорил Достоевский, — я буквально в первый раз дал себе отчет, как много Некрасов-поэт занимал места в моей жизни».

Достоевский тонко почувствовал трепетный нерв, бьющийся в глубине поэтического сердца Некрасова: «Это было раненое в самом начале жизни сердце. И эта-то никогда не заживавшая рана и была началом и источником всей страстной, страдальческой поэзии его на всю потом жизнь... Прочтите эти страдальческие песни сами. И пусть оживет наш любимый, страстный поэт. Страстный к страданию поэт!»

Радость и красота поэзии Некрасова в художественной правде горьких истин: не пострадавший — не спасется, не претерпевший скорбей и печалей — не обретет мира в душе. Лю-

бовь к страданию и состраданию, вера в спасительную силу этих божественных даров в бренном, тварном существе смертного человека являются идеалом, к вершинам которого устремлены творческие порывы национального поэта.

Вспомним «Мороз, Красный нос»: смерть крестьянина, кормильца и надежи семьи, трагическое событие, потрясающее семейные устои. Как принимают домочадцы неутешное горе? Что помогает им выстоять в сокрушительных испытаниях?

Помогает некрасовская «посылка к другим», благодатная сила духовной, сострадательной любви к ближнему. В беде и горе семья Прокла меньше всего думает о себе, она поглощена любовью к ушедшему человеку. Уповая на божественную силу Слова, она вкладывает в него всю энергию самозабвенностей, воскрешающей любви:

Сплесни, ненаглядный, руками,
Сокольим глазком посмотри,
Тряхни шелковыми кудрями,
Сахарны уста раствори!

Так же встречает беду и овдовевшая Дарья:

Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего?
Я ему молвить боялась,
Как я любила его!
Едет он, зябнет... а я-то, печальная,
Из волокнистого льну,
Словно дорога его чужедальная,
Долгую нитку тяну...

Ей-то казалось, что нить жизни Прокла она держит в своих добрых и бережных руках. Да вот не уберегла, не спасла. И думается ей теперь, что нужно бы любить еще сильнее, еще самоотверженнее. Так, как любил человека Христос, так, как любила сына матерь Божия:

К Ней выносили больных и убогих...
Знаю, Владычица! знаю: у многих
Ты осушила слезу...

К Божией Матери как к последнему утешению обращается Дарья, отправляясь в отдаленный монастырь за Ее чудотворной иконой. А в монастыре свое горе: умерла молодая схимница, сестры заняты погребением, и казалось бы, Дарье, придавленной собственным горем, какое дело до чужих печалей и бед?! Но такая же теплая, родственная любовь пробуждается у нее и к чужому, «дальнему» человеку:

В лицико долго глядела я:
Всех ты моложе, нарядней, милей,
Ты меж сестер словно горлинка белая
Промежду сизых, простых голубей.

Когда в «Илиаде» Гомера плачет Андромаха, потерявшая Гектора, она перечисляет те беды, которые теперь ждут ее: «Гектор! О, горе мне, бедной! О, для чего я родилась!» Но когда в «Слове о полку Игореве» плачет русская Ярославна, то она не о себе думает, не себя жалеет: она рвется к мужу исцелить «кровавые раны на жестоцем его теле». И некрасовскую Дарью в безысходной, казалось бы, ситуации укрепляет духовно та же самая русская отзывчивость на чужое несчастье и чужую боль.

Некрасов открыл в своей поэзии вечно бьющий источник выносливости и силы, спасавший и возрождавший Россию из пепла в лихие годины национальных потрясений и катастроф. Как русский православный человек, Некрасов знал, что «вера без дела мертвa» и что спасен будет лишь тот, кто спасает. Русский народ ценит высоко аскетическое монастырское служение, но рядом с ним, в жизни мирян, он утверждает служение иное — трудничество. Некрасов поэтизирует особую трудовую этику русского крестьянина, для которого труд — священнодействие: в нем важно не столько достижение материальных благ, сколько духовно-нравственное удовлетворение:

Трудись, покамест служат руки,
Не сетуй, не ленись, не трусь,
Спасибо скажут наши внуки,
Когда разбогатеет Русь!

Потому и песнь строителей в «Железной дороге» Некрасова не сводится к обличению эксплуататоров. Пафос ее в другом: на пережитые страдания труженики-страстотерпцы указывают не с тем, чтобы разжалобить нас. Страдания как бы укрепляют в их сознании величие трудового подвижничества. Умереть «со славою» для православного мирянина значило — умереть в праведном труде, Божиим ратником.

Некрасов знал, что российский труд в суровом климате, на скучном поле не сулит материальных щедрот. В лучшем случае он дарит то, что просит христианин в молитве Господней: «Хлеб наш наущный даждь нам днесъ». Северная природа приглушает в ее сыновьях материальные стимулы труда, но взамен сполна мобилизует другие, духовные. Скучное русское поле требует бескорыстного, евангельского к себе отношения, освященного вековым христианским наследством.

Вот почему в поэме «Современники» Некрасов предсказывает неизбежную катастрофу и крах российской буржуазности: она вступает в непримиримый конфликт с коренными установками православной морали и принимает в нашей стране какой-то дикий, варварский характер. Русский народ на первый план ставит духовные блага, а не земные богатства. К материальным ценностям он привязывается своими грехами, а не добродетелями. Потому в буржуазное сословие у нас попадает, как правило, не лучшая, а худшая часть нации. Русская идея в корне враждебна идее буржуазной, основанной на чуждых нам установках протестантской морали.

Потому и Некрасов, мечтая о народном счастье, никогда не впадает в соблазн искушения «хлебом земным», присущий европейскому идеалу капитализма и социализма. Если Некрасов и «социалист», то не в европейском, а в русском, православном понимании этого слова. Его идеал — народное довольство, достаток, при котором отсекаются за ненадобностью все материальные излишества:

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Именно о таком счастье, в основе которого лежит подвижнический труд и не склонная к стяжательству крестьянская мораль, мечтают некрасовские «народные заступники»: «Мы же не много / Просим у Бога: / Честное дело / Делать умело / Силы нам дай! // Жизнь трудовая — / Другу прямая / К сердцу дорога, / Прочь от порога, / Трус и лентяй! / То ли не рай?»

Заслуга Некрасова-поэта заключалась и в том, что он соединил в своем творчестве политику с высокой моралью, что в качестве идеала для народного заступника неизменноставил образ Христа. Поэтому некрасовские «революционеры», герои поэм «Несчастные», «Дедушка», «Русские женщины», — это не столько реальные общественные деятели его времени, сколько идеальные их образцы. В отличие от атеистического уклона, свойственного реалиям освободительного движения, они напоминают русских святых.

Труд Некрасова был тем более значим, что Православная Церковь исполнить его не могла. Попавшая в послепетровский период в прямую зависимость от государственной власти, она была вынуждена или занимать сугубо официальные политические позиции, или полностью уйти от них, утверждая идеал личного спасения и оставляя сферу общественных отношений вне круга своих непосредственных

интересов, своего духовного окормления.

В этих драматических обстоятельствах национальный поэт взял на себя задачу утверждения идеала русской гражданственности: нравственная политика должна ориентироваться на заветы Христа и стремиться к осуществлению Его заповедей. В своем творчестве Некрасов воплощал национальный тип не монашеской святости, а святости мирянина в той мере, в какой эта святость утверждалась христианством и органично вошла в народное сознание.

Потому-то и доносятся до нас в обличительных песнях Дедушки с их «авиленской тоской» голоса древних пророков, иудейских пророков из вечной Книги: «Содрогнитесь, беззаботные! Ужаснитесь, беспечные»:

Всем доставалось исправно.
Стачка, порука кругом:
Смелые грабили явно,
Трусы тащили тайком.
Непроницаемой ночи
Мрак над страною висел...
Видел — имеющий очи
И за отчизну болел.
Стоны рабов заглушая
Лестью да свистом бичей,
Хищников алчная стая
Гибель готовила ей...

В наши темные времена мы неспроста теряем восприимчивость к глубоко русской и пророчески дальновидной поэзии Некрасова. Один из ее ценителей, Н.Н. Скатов, юбилейную статью о поэте вынужден был недавно назвать так: «За что мы не любим Некрасова?»

Глухота к творчеству Некрасова — тревожный сигнал распада неразложимого и вечного ядра, на котором тысячелетиями держался русский национальный характер. Это болезненно сказывается ныне не только в нелюбви к Некрасову, но и в искаженном понимании нами всей классической литературы. Вот уже несколько десятилетий при изучении ее в школе разговор о творчестве русских писателей не выходит за элементарные вкусовые пределы: «нравится» или «не нравится». Наша любовь к литературе не идет дальше поиска «эстетических наслаждений». Но такая любовь очень поверхностна и эгоистична. «У человека духовно неразвитого, — говорит русский мыслитель Иван Ильин, — любовь начинается там, где ему «нравится» и где ему что-то приятно; она протекает в плоскости бездуховного «да» и стремится к максимальному наслаждению». Такого человека поэзия Некра-

сова раздражает своим призывом к жертвенности, изображением горя, несчастий, страданий. Нацеленные на поиски «удовольствий», современные школьники чуть ли не в один голос скандируют: «Трудно читать Некрасова, а полюбить его невозможно».

И беда тут не в том, что у них не развит эстетический вкус. Она глубже, чем эстетические эмоции, она — в другой плоскости, связанной с ценностными установками, которые эстетическую восприимчивость направляют и определяют. Речь идет о духовной любви, которая имеет мужество отвернуться от «нравящегося» и «приятного», которая ищет не удовольствия и наслаждения, а духовного совершенства:

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холoden душой.

В современных условиях, когда больное общество наше понеслось под уклон ускоренного нравственного разложения и распада, недостаточен и ущербен эстетически-вкусовой подход к изучению отечественной классики в вузе и школе. Сознанию, в котором убито чувство ранга и погашены духовные светильники, «по милу» не может быть хорошим не только Некрасов. Во имя национального спасения и во исцеление искаженных и смятенных душ, потерявших ориентиры, спутавших все понятия о добре и зле, необходим решительный поворот к изучению жизнеутверждающих, духовных основ русской классической литературы.

Михаил БАЗАНКОВ

ИСКАТЕЛЬ ЖИВОЙ ВОДЫ

Этого человека называют редкостным, имеющим собственную вселенную. Он с высоким достоинством олицетворял собою одновременно и поэта, и прозаика, и ученого исследователя-географа, путешественника, историка. Подвижник. Классик русской советской литературы, чей вклад в отечественную культуру объемен и многообразен. Его художественная проза органично смыкается с историко-географическими и этнографическими исследованиями. Он создал исследовательский эпос, наполненный описаниями путешествий, экспедиций, совершенных более чем за тысячу лет. Поэт и романтик дотошно вглядывался в судьбы героев, ученых,

первопроходцев и сам был таковым. Он сделал немало славных открытий, написал интересные, поучительные книги, роман о россиянах, обживающих берега Америки, поэмы и стихи, свидетельствующие о наделенности Божественным даром. Прозаик-историк А.Югов писал о нем, что он жил поэтом, дерзновенным и неутомимым «следопытом веков и тысячелетий».

Трудно перечислить деяния человека, мыслящего государственно-историческими категориями. Еще двадцатилетним журналистом он выступил в «Правде» с проблемным очерком о горнорудных богатствах Средней Азии, который был поставлен на обсуждение Госпланом страны , а вскоре в Кремле обсуждали его другое исследование по обводнению безлюдных солончаков с помощью подземных рек. Он выступал инициатором восстановления Кутузовской арки в Москве — памятника народному подвигу, предлагал присвоение имен открытым островам, спасал музеи, парки, библиотеки, памятники зодчества, отстаивал доброе имя многих людей — деятелей культуры и общественной жизни. Его называют и хранителем народной мудрости. К геолого-поисковым заслугам надо обязательно добавлять и то, что он всю жизнь заботился о других, «вытаскивал» на страницы печатных изданий находящиеся в забвении имена замечательных землепроходцев и ученых — очень внушительная библиография его трудов. Среди героев литературных произведений Лаврентий Загоскин, Чокан Велиханов, Семен Дежнев, Николай Пржевальский, Миклухо-Маклай, Николай Судзиловский, Василий Мамалыга... Капля по капле всю жизнь собирая Сергей Николаевич Марков фактический материал, дающий нынче возможность по-новому взглянуть на историю географических открытий, на великие подвиги русских исследователей и путешественников. Труды и творчество нашего земляка до сих пор не оценены по достоинству, нет обстоятельных описаний судьбы, литературной и научной работы.

Судьба Сергея Николаевича сложна, многотрудна, иссеяна ветрами подозрений и несправедливости, наветами, оговорами. Немало лет находился искатель живой воды «под надзором вьюг».

«Было два снегопада в бренной жизни моей, — писал Марков. — Гнетом стала отрада ослепительных дней. Не надеясь на кровлю, что меня сохранит, сердце к снегу готовлю — облекаю в гранит».

Контрольные службы не оставляли редкостного человека без внимания, потому что он обладал широким знанием и голосом правды, способным защищать других, потому что он состоял в переписке с трудовыми людьми, учеными и художниками (с Р.Кентом, например), зарубежными историками и географами. Однажды, взятый в заключение, он сказал:

— Объявляю голодовку до тех пор, пока мне не скажут, где Павел Васильев! И когда я получу формальный приговор за то, чего я никогда не совершил.

На третий день, по воспоминаниям Сергея Николаевича, когда он галлюцинировал борщами, бифштексами, приходит начальник тюрьмы и говорит, что только по секрету можно сообщить: Павел Васильев отпущен распоряжением Коллегии ОГПУ. К исходу дня Маркова «волокут в Бутырки. А там уже другой мир».

Нынче известна трагическая судьба молодого поэта Павла Васильева. Наш земляк Сергей Марков был лично с ним знаком. Впрочем, тогда в подозрении находился каждый писатель, имевший личное знакомство даже с пролетарским писателем А.М.Горьким.

Оказывается, еще в Сорренто Горький прочитал рассказ Маркова «Голубая ящерица», опубликованный в журнале «Сибирские огни» в 1928 году, по которому сразу же определил, что выходец из Парфентьева посада — прирожденный рассказчик. Через год была издана первая книга, о ней специалисты литературы и читатели говорили много добрых слов.

Горький одобрил привлечение молодого писателя к сотрудничеству в «Наших достижениях». Член редколлегии и ответственный секретарь журнала писал Алексею Максимовичу: «Мы также заказали писателю С.Маркову статью об обновлении племен, о культуре и быте нацменьшинств. Думаем, что он напишет хорошо и что эта статья могла бы пригодиться для первого же номера». (С.Б.Урицкий). Здесь я не останавливаюсь на подробностях связи С.Н.Маркова по литературным вопросам с Горьким. О них подробно написано в воспоминаниях о муже Галины Марковой, которые мы публиковали в цикле статей в издании «Литературная Кострома». Но об одной встрече все-таки скажу.

Как прозаик Сергей Марков начинал под постоянным вниманием Алексея Максимовича. При первой встрече Горький шутливо и ласково спросил:

— Откуда происходить изволите?

И сердце Маркова, как он сам писал, дрогнуло: больно уж хорошо получалось в речи нижегородца исконное парфянское «о». Выслушав ответ, Горький тут же вспомнил о другом парфянине — писателе С.В.Максимове. И расспрашивал о детстве, юности самого Маркова. Пришлось пуститься в подробности о своей родине, о том, как попал в Акмолинск и начал работать с 14 лет в различных учреждениях, затем — в газете.

Наш писательский ежемесячник с 1991 года периодически обращался к жизни и творчеству земляка, книгой в газете были опубликованы заметки «Ощущение недооцененности». В них — многочисленные факты, осложнявшие судьбу писателя, ученого и поэта, путешественника и романиста, подробности литературных и политических баталий в Новосибирске, где некоторое время жил и работал Сергей Николаевич. В этом литературном городе творческие силы к началу тридцатых годов оказались под особым контролем. Отрицатели художественной литературы из лефовской группы «Настоящее» вносили подозрительный политический оттенок в полемику. Появилась статья «Почему Шолохов понравился белогвардейцам». И Горький, защитивший молодых писателей Васильева, Мартынова, Маркова и других, тоже попал под хулиганские наскоки.

Нынешние биографы Сергея Маркова, в частности, Ст.Золотцев, с удивлениемглядываясь в «снегопады» этой судьбы, утверждают: «... Начинающий писатель тогда в буквальном смысле еле спасся от физической расправы, готовившейся над ним троцкистами и лефовцами, засевшими в сибирской верхушке «РАППа». Уже в двадцатых годах поэзия Сергея Маркова была широко известна в Сибири, но в центре России она замалчивалась. Теперь проза его, книги о путешественниках и первопроходцах известны всему миру, точнее сказать, известны заинтересованным читателям многих стран. А поэтическое наследие еще не издано в полном объеме, не проанализировано и не оценено по достоинству.

Есть у него программное стихотворение «Современник», завершенное такими строками:

Сочти сейчас мои скитанья,
Мои заботы и труды
И награди высоким званьем
Искателя живой воды!

Он обрел этот единственный желанный титул. Поэт, подлинно русский художник слова не искал иных наград, иных

званий. С детства в его сознании было ключевым слово — землеустройство. Обустройство земли. Культура по латыни — возделывание. Писатель родился в семье землемера, землеустроителя, занятого межеванием земли Северных увалов. Детство Сергея прошло в провинциально-дворянском культурном доме под крылом любящих родителей. Огромная домашняя библиотека, заповедный лесной край и земледельческая, торговая Русь вокруг — факторы, формирующие сознание и душу. А потом были Вологда, Грязовец (в стихах Сергей называл его Снеговцем), подарившие северную красоту — кружево деревянное, плетеное, резное, тканое.

На Севере явилось начало любви к природе, зодчеству, книжности, к народному творчеству. Затем — долгие странствия и скитания. Восток, Урал, Средняя Азия, Сибирь. Творческие удачи. И вдруг — наветы, арест, Лубянка, допросы, высылка на Север, в Мезень. «Ссыльный поселенец». После активной работы появилась возможность путешествий по ледяным побережьям. Было освобождение. После смерти Горького — снова арест. Но появляются у него лирические и гражданственные баллады, поэмы, стихи. И любовь. Галина Петровна рассказывает теперь правду о превратностях творческой судьбы, поддерживает связь с родиной писателя, с парфеньевским музеем, с Костромской писательской организацией. Жена хранит в московской квартире грандиозный архив поэта, писателя, ученого, путешественника — искателя живой воды, автора ценнейших страниц «Земного круга», «Летописи Аляски» и «Вечных следов». Рокуэлл Кент сказал о нем: «Вы — подлинный русский богатырь». Академик А.П.Окладников так оценил деяния Маркова во благо жизни: «С.Марков по социально-научному масштабу и художническим действиям сродни титанам Возрождения, и будущему еще предстоит оценить его».

Странно и необъяснимо было многолетнее замалчивание многоплановой работы редкостного человека. Возмущает идеологическая придирчивость к истинному националу и патриоту, зафиксированная, к примеру, в «Сибирской советской энциклопедии». Эта энциклопедия сообщала читателям, очевидно, устоявшуюся точку зрения на известного тогда молодого писателя: «В рассказах и стихах Маркова, написанных иногда со значительным мастерством, но идеологически неустойчивых и подчас вредных, рисуется Сибирь, главным образом Казахстанская степь, в период гражданской войны и колчаковщины». В чем проявлялась эта «идеологическая неустойчивость» писателя, причисленного к

«правым попутчикам», не сказано, но нынешние читатели, видимо, и сами могут определить.

Читателей и почитателей у Сергея Николаевича Маркова становится все больше. Возвращаясь к правдивой отечественной истории, к правде народной жизни, к подвигам первопроходцев и романтиков, нельзя обойтись без таких книг: «Летопись Аляски», «Юконский ворон», «Повесть о Великом Охотнике», «Подвиг Семена Дежнева» и многих других произведений.

Главным содержанием и смыслом жизни писателя, учёного всегда были почтение к предшественникам, поэзия и романтическая проза. Рукописи его терялись, горели. Картотеки попадали под бомбёжку; имеется в виду и «Тихоокеанская картотека», созданию которой посвящены многие годы. Эшелон, в котором ехала семья Марковых, бомбили. Галине Петровне чудом удалось найти среди руин драгоценный ящик с писательским архивом.

Марков был солдатом. В 1943 году его демобилизовали по причине крайнего физического и нервного истощения. После окопов Подмосковья он попал в госпиталь. Затем многие годы бедовал в Москве без своего угла, а потом получил для семьи — жалкое жилье. Лишь за два года до смерти Марков смог разместить свою гигантскую картотеку, ценнейший архив и редкостные издания книг в новой квартире...

Нельзя прожить в кровной связи со своей Родиной, не интересуясь судьбами таких подвижников. Нельзя изучать историю Отечества без почтения к великим подвигам первопроходцев, которых долгое время держали в забвении только потому, что многие русские исследователи и путешественники были не знатных родов, выходцами из «низших слоев» общества. Сергей Марков это убедительно и документально аргументировал, подчеркивая, что они, такие исследователи, чаще всего имели прогрессивные взгляды.

Жизнь Сергея Николаевича Маркова в литературе отмечена гражданско-научным поиском. Один из основоположников русской советской литературы о Востоке, создатель научных биографий, большой мастер слова, всю жизнь верный звуку «О». Он завершил свою беспокойную жизненную дорогу в 1979 году. Сергей Николаевич не дожил несколько месяцев до выхода двухтомника избранных произведений. Мы «сочтем его скитанья, его заботы и труды...» И оценим по достоинству редкостного человека, чьим именем названа улица в Парфеньеве.

М.А.ПРОТОПОПОВ: «ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА ЕСТЬ НЕ ЧТО ИНОЕ, КАК ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА...»

Костромская земля — родина не только многих русских прозаиков, поэтов и драматургов, но и известных литературных критиков — В.А.Зайцева, В.В.Розанова; с Костромой связана часть жизни Н.Н.Страхова (годы обучения в духовной семинарии); еще более прочны и долговечны костромские «корни» Н.К.Михайловского.

Этот ряд неполон без имени Михаила Алексеевича Протопопова (1848, г.Чухлома Костромской губ. — 1915, Петроград). Он хорошо известен исследователям истории русской критики последней трети XIX века, но не широкому читателю, так как его статьи, вошедшие в сборники «Литературно-критические характеристики» (СПб, 1898) и «Критические статьи» (М., 1902), а также оставшиеся за их пределами, не переиздавались. К сожалению, этих сборников нет в областной библиотеке. Наша публикация «избранных мест» из нескольких статей Протопопова дает возможность читателю познакомиться с этим самобытным «критиком-публицистом».

Назвав свою первую статью «Литературная злоба дня» («Отечественные записки», 1877, №1), воспринятую многими как «манифест народнического социализма» (не случайно в 1884 г. Протопопов был арестован за связь с народовольцами и отбывал в 1884—87 гг. ссылку в Чухломе), он очень точно и навсегда определил свои главные задачи как критика: «говорить о жизни по поводу художественных изображений жизни». Он стал продолжателем традиций «реальной критики» Белинского, Добролюбова, Писарева, Чернышевского, объединив их революционное просветительство с народничеством.

Протопопов был критиком «второго ряда», не более, но и не менее. Один из его современников писал: «Протопопов имел все шансы стать «властителем дум» современной ему молодежи, если бы это место не было уже занято тогдашним кумиром ее, Н.К.Михайловским». За 30 лет активной работы в ведущих русских журналах (особенно в «Русской мысли») он опубликовал более 100 статей и рецензий-обзоров, в «зеркале» которых отразилась почти вся русская литература от «А» (отец и сыновья Аксаковы)... до «Я» (П.Ф.Якубович, И.Ясинский). Не только почитатели, но и оппоненты Протопопова уважали его как «блестящего полемиста», талантливого популяризатора, темпераментного искателя «литературной злобы дня».

М. А. ПРОТОПОПОВ
I. Из статьи «Мотивы русской критики»

(...) Господа эстетики, по-видимому, искренне думают..., что только они способны чувствовать так называемую «красоту» и наслаждаться ею, что мы, утилитаристы, органически неспособны к этому. Пусть же они разуверятся. Не хуже их мы знаем и чувствуем, что

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.

Но дальше мы не пойдем с поэтом и не воскликнем вместе с ним: «Я родину люблю, — но ты, природа-мать, Для сердца ты всего дороже!» (Критик не совсем точно цитирует стихотворение К.Н.Батюшкова, надо: «Я ближнего люблю...» — **Б.К.**). Вот где начинается наш протест, вот та пропасть, которая отделяет общественного деятеля от сибарита, работника от белоручки, утилитариста от эстетика... Не в таланте художника, не в большей или меньшей живости и яркости его красок заключается главная сущность дела, а в его нравственном и общественном мировоззрении... Теперь не представляет затруднения определить те цели, которые должны стоять перед литературным критиком... Вопрос «как?» есть вопрос главным образом о форме и составляет почти исключительное достояние эстетической критики. Трудно представить себе что-нибудь бесплоднее и безжизненнее критики этого рода. Художественность формы, как и всякая красота, чувствуется, а не доказывается. Значение формы есть значение средств, а не цели. Чем лучше форма, тем легче воспринимается содержание, в чем именно и состоит цель искусства. Вот почему вопрос, что говорит художник, настолько же важнее вопроса, как говорит, насколько вообще всякая цель важнее ведущего к ней средства. Собственно, истинная роль истинного критика в том и состоит, чтобы определить мировоззрение художника, найти для его живых, конкретных образов отвлеченные формулы и общие характеристики и затем указать то место, которое должен занять художник в ряду других художников, а его мировоззрение в ряду других систем идей...

ПОСЛЕСЛОВИЕ: В этой статье, опубликованной в журнале «Северный вестник» (1890, №3), Протопопов в предельно ортодоксальной форме декларировал свои принципы критика «утилитариста», непримиримого противника «эстетической критики», считавшего эстетический критерий в оценке литературы делом второстепенным, а то и совсем ненужным, что было его «ахиллесовой пятой», ошибкой, искажением традиций «ре-

альной критики». Видимо, поэтому обещанного продолжения статьи не последовало: возглавивший критический отдел журнала А.Волынский, начавший борьбу с материалистической эстетикой революционных демократов и обвинивший их в догматической утилитаризации искусства, отказался от услуг Протопопова как хранителя их «заветов».

---

2. Из статьи «Больной талант»

(...) Размерами своего таланта г.Лесков мог бы быть очень доволен... Но литературная судьба г.Лескова сложилась гораздо менее счастливо, нежели судьба его коллег. По натуре и по роду своего таланта — мирный повествователь, г.Лесков увидел себя вынужденным выступить в роли политического борца, тенденциозного беллетриста и полемиста... Когда любовь или ненависть являются результатом понимания, их законность и уместность никто отвергать не станет. Но что можем мы сказать, не усматривая в изображении ни тени понимания... и в то же время видя автора, преисполненного желчью и ненавистью? Такое именно впечатление и производит роман «Некуда»... Роман «Некуда» — роман только по названию: это полемический памфлет, внушенный недобрым чувством и исполненный без особого такта и вкуса.

По мере того, как улеглось взбаламученное море нашей жизни, успокаивалось и растревоженное чувство г.Лескова. Вместе с этим крепнул и яснел его талант, способный более к тихому созерцанию, нежели к запальчивой борьбе, — к спокойному повествованию, нежели к сатире, — к поучительному морализированию, нежели к страстному обличению. Дойдя в романах «Обойденные» и в особенности «На ножах» до своей кульмиационной точки, мстительное чувство г.Лескова быстро пошло на убыль, и большой талант стал быстро выздоравливать. Глубокое затишье, наступившее в нашей жизни с началом прошедшего десятилетия, отразилось самым благотворным образом на деятельности г.Лескова, который именно в этот период дал целый ряд небольших, но превосходных произведений, преследующих одну и ту же моральную цель. «Аскalonский злодей», «Гора», «Несмертельный Голован», «На краю света», «Скоморох Памфalon», «Прекрасная Аза», «Фигура», «Человек на часах» и проч. — вот ряд произведений этого периода, совершенно достаточный, чтобы создать писателю чистую и прочную репутацию. Довольно ли их, чтобы пересоздать репутацию? Этот вопрос пусть решит читатель в зависимости от своих субъективных впечатлений, от степени своей собственной терпимости или злопамятности. Дело критики — отметить тот

факт, что теперешнему г.Лескову можно верить и его стоит слушать, что его одушевляют ныне не узкие личные пристрастия, а светлые моральные идеалы... Мораль эта очень не нова: это мораль Евангелия..., но прочтенного не затуманенными глазами, усвоенного не по его букве, а по его любвеобильному духу. Где любовь, там и Бог, где добрые дела, там и правда и истинная, не мертвая вера, где страдания, там и поприще для деятельности — вот сущность этой морали...

ПОСЛЕСЛОВИЕ: В этой статье, опубликованной в «Русской мысли» (1891, №12) в связи с выходом сочинений Н.С.Лескова, М.Протопопов зорко уловил отход писателя от реакционного литературного лагеря, указал на его умение находить не только в Евангелии, но и современной русской жизни праведников и создавать их живые и яркие образы. Тронутый статьей Лесков писал критику: «В Вашей критике есть трезвая правда и польза для меня самого, есть замечания очень верные и прекрасные. За все это и благодарю Вас...» (Лесков Н.С. Собр.соч. в II томах, т.II, с.508-509).

---

3. Из статьи «Последовательный народник»

(...) Г.Златовратский, наряду с Решетниковым и Глебом Успенским, может считаться представителем и главою известной фракции народничества. Решетников с Николаем Успенским, Слепцовым и Якушкиным — вот первая (хронологически) из народнических фракций, специальность которой состояла в фотографически точном воспроизведении народного быта. Глеб Успенский и, если не ошибаюсь, г.Эртель представляют собой вторую фракцию, которая не довольствуется знанием быта народа..., а стремится постичь его душу, понять его внутренний мир, его психологию. Третья фракция — гг. Наумов, Засодимский, Каронин с г.Златовратским во главе как будто задалась целью не столько изучить, сколько... всякими похвалами расхваливать народ. Решетников явился Колумбом нашего народа, реального, живого мужика, а не того конфеточного страдальца, каким изображался мужик у Григоровича, а частью и у самого Тургенева. Г.Успенский явился печальником о народе, с проповедью к нему той любви, которая характеризуется поговоркой: «Кто крепко любит, тот крепко бьет». Г.Златовратский является даже не адвокатом народа..., а коленопреклоненным жрецом, который с экстазом поет хвалебные гимны своему божеству... Откуда наш «последовательный народник» почерпнул эту несокрушимую веру в народ и эту ничем не смущающуюся любовь к нему? Настоящее объяснение заключается в том, что г.Златовратский по складу своего

ума... писатель-мужик..., интеллигентный тургеневский Хорь, который «произошел» нашу науку, перечитал все наши книжки, но остался верен своей природе и во всякое время готов променять общество какого-нибудь Дарвина или Спенсера на общество дяди Митяя или дяди Миняя (персонажи из «Мертвых душ» Гоголя. — **Б.К.**)... Причина понятна. «Что такое народ?» «Я сам народ», — говорил толстовский Левин, и говорил напрасно, потому что он совсем не народ. Но г.Златовратский это может сказать о себе.

...«Неисправимый поклонник народных идеалов...» Так называет себя в «Деревенских буднях» сам г.Златовратский. Спросим, в чем состоят народные идеалы. Он отвечает: в широком развитии общинного духа и общинных форм жизни... Но все дело в том, что «схема» г.Златовратского есть схема не фактов, а принципов. Община, как идеал, как мыслимая форма жизни, совершенно подходит под определения г.Златовратского..., но живой русской общине, с ее неурядицей, с ее двусмысленной «справедливостью», с ее беззащитною бессознательностью, не будет от этого легче. Смеем уверить г.Златовратского, что со времен Гостомысла (легендарный новгородский первый князь или посадник 1-й половины 9 века. — **Б.К.**) и до наших дней не только не было в нашей истории, но и не могло быть такого «момента», когда бы идеалы, так отчетливо сформулированные автором, нашли себе практическое осуществление. Не было, потому что сама история наша началась с торжественного общеноародного заявления: земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет... Г.Златовратский повторяет ту же ошибку, которую сделал и горячий защитник общин, покойный Н.Г.Чернышевский: свое личное развитое сознание... он вкладывает в примитивные формы народной жизни... И в результате получает поэтическую иллюзию, красивую фикцию, не имеющую почти ничего общего с реальной действительностью...

Г.Златовратский... более народник, чем сам народ. В этом — источник и его несправедливости по отношению к нам (Протопопов имеет в виду интеллигенцию, обвиняемую Златовратским в непонимании народа. — **Б.К.**) и к нашей культуре, и его оптимистических взглядов на народную жизнь... Нет, не заранее мы оптимизмом г.Златовратского..., а будем без устали повторять, что «все субстанциональное в нашем народе велико, необъятно, но определение гнусно, грязно, подло», по энергическому выражению Белинского (этот цитату из письма Белинского к В.П.Боткину от 13 июня 1840 г. критик использовал в качестве эпиграфа к статье как вызов «прекраснодушию» Златовратского. — **Б.К.**) ...Читателю судить, кто более прав из нас — автор ли со своим оптимизмом, или я со своим скепти-

цизмом. В симпатии к народу я не хочу уступать г. Златовратскому, но идолопоклонствовать перед народом не станет ни один человек, умеющий ценить и уважать великие блага проповеди...

ПОСЛЕСЛОВИЕ: Написанная по поводу выхода в свет «Собрания сочинений» Н. Златовратского в 2-х тт. (М., 1891), эта статья Протопопова, как бывало часто, «переросла» жанр рецензии и, опубликованная в «Русской мысли» (1891, №№ 5, 6), превратилась в актуальный разговор о судьбе русской общины, о русской истории в целом. Критик справедливо выступил против «обсахаривания», т.е. идеализации народа и «принижения» интеллигенции как «просветителя» масс. Противопоставленный «оптимизму» Златовратского «скептицизм» Протопопова во многом справедлив и, смею заметить, современен. Процитируем одного из наших современных писателей, Федора Абрамова, который не принимал ни высокомерного отношения к крестьянству и народу в целом, ни идеализации его. Это запись, сделанная 3 октября 1982 г.: «Читаю Ключевского. Все то же самое, что было 300 и 500 лет назад. Повсеместная отсталость, невежество и бескультурье народа, эгоизм и классовая слепота правящих...» (Абрамов Ф. Собр. соч., т. 5, СПб., 1993, с. 606). Разве не перекликаются между собой критик XIX и писатель XX веков?

---

4. Из статьи «Поэты переходного времени»

Через два года кончается девятнадцатое столетие, и это... располагает к некоторым ретроспективным взглядам...

Итак, мы в сорок восьмом году. Говорить много об этом времени нечего. «Благо Белинскому, умершему вовремя!» — воскликнул запоздавший Грановский, и этот стон души... является наилучшою характеристикою этого времени... Было душно, как всегда перед грозою, которая и не замедлила разразиться... Значение так называемых шестидесятых годов определяется прежде всего именно освобождением личности... Не личность для государства, а государство для личности — вот откровение, которое принесла нам крымская кампания. Не Европа на наш лад, а мы на европейский лад принуждены были реформироваться, и с 1856 г. начинается новый, ровно десять лет продолжавшийся созидательный период нашей истории... Русская кровь, пролитая в Севастополе, послужила для этого... Все, наперекор прошлому, захотели именно свое суждение иметь, и в литературе это стремление отразилось в приснопамятном «отрицании авторитетов», а в государственном строе оно выражалось в трех известных фундаментальных реформах (крестьянской, судебной и земской), построенных на принципе

освобождения личности. Во второй половине 60-х государственное творчество пошло на убыль... Нашлись, однако, люди более последовательные и мужественные, все усилия которых были направлены именно к тому, чтобы выяснить нам духовный облик народа, его желания и его идеалы (народники-художники), или к тому, чтобы вызвать его к действиям, в которых мысль и воля народа могли бы выразиться с непререкаемою ясностью.

Содержание так называемых семидесятых годов вполне исчерпывается этим народническим движением, движением значительной части русской интеллигенции во имя народа, во имя его права на самоопределение, на самодеятельность. С исторической точки зрения ничего не могло быть логичнее этого движения. Судьба России определяется судьбою нашего крестьянства. Мне, как не историку, а литературному критику, надлежит говорить лишь о чисто литературных явлениях, в которых выразилось народническое движение, и я вот что скажу... Никто, кажется, не обнаружил столько усердия в борьбе с нашим народничеством, сколько я (здесь критик ссылается на несколько статей, в том числе на статью о Златовратском. — **Б.К.**). Да, широкая народническая струя в нашей литературе делает честь не только литературе, но и всему русскому обществу, потому что свое начало берет в чувстве чистейшего альтруизма. Народничество, как первая и высшая забота о народе, почти бессмертно, и не его я хороню... Но идеалистическое народничество семидесятых годов, поставлявшее безграмотного мужика в передний угол в роли вершителя наших судеб или оракула..., действительно свой век отжило... Чем шире были надежды, возлагаемые на мужика, тем глубже было разочарование, когда... буквально ни одна из этих надежд не осуществилась... «Народ безмолствует» — вот что сказала жизнь в ответ на благородные, но в такой же мере и наивные упования народников-идеалистов. Десять-пятнадцать лет относительной свободы не могли пересоздать недавнего раба в сознательного гражданина, и слова, сказанные Белинским среди пышного расцвета крепостного права, сохранили всю свою силу в 70-х годах относительно освобожденного народа: «все субстанциональное в нашем народе велико, необъятно, но определение гнусно, грязно, подло».

Восьмидесятые годы были временем все более и более усиливавшегося разочарования интеллигенции, ее почти полной и почти повальной растерянности... Психологическая основа разочарования?.. Собственную свою ошибку... мы вменили в вину народу и раскаપризничались на него... Начался разбор: пессимизм, декадентство, символизм, ницшеанство, воскрешение метафизики...

Девяностые годы принесли нам «новое слово» в лице так

называемого марксизма и нет сомнения, что с этой драгоценностью в руках мы перешагнем и за рубеж нового века. От народничества через ницшеанство и декадентства к марксизму — таков ход нашего развития за последние 30 лет. Это можно выразить другими словами: от страстной любви к народу и горячей веры в него, через равнодушие к тому же народу, к полному отрицанию его исторической личности, к полному презрению его психики и его исконных идеалов. Какое дело ницшеанцу или декаденту до народа? Он культивирует в себе «сверхчеловека» или занят изысканиями новой красоты, новых форм искусства. И пусть его, разумеется: он смешон, но относительно безвреден, потому что ломает только себя, свою личность, свою жизнь. Позиция марксиста совершенно иная, — не нейтральная по отношению к народу, а решительно враждебная и презрительно-высокомерная. Не так живи, как хочется, а... как Маркс велит, — говорит он русскому народу, перефразируя его старую пословицу. «Землицы бы...» — никакой землицы тебе не нужно, а нужен тебе фабричный котел, в котором ты должен «вывариться», и нужны тебе ежовые рукавицы капиталиста, который будет бить тебя не дубьем, как старозаветный помещик, а рублем, по западноевропейскому примеру... Марксисты, как доктрины и книжники по преимуществу, жестоки даже до бесчеловечности: они готовы, во имя своей теории, пожертвовать не только всеми историческими «устоями» народной жизни, но и несколькими многомиллионными поколениями живых людей... Разумеется, по-своему они желают добра народу, но не конкретному, а какому-то отвлеченному народу, народу будущего...

ПОСЛЕСЛОВИЕ: Этот текст — данная в сжатом виде 1-я глава статьи, написанной в связи с выходом в свет в 1896 г. «Стихотворений» С.Надсона и П.Якубовича и опубликованной в «Русской мысли» (1899, №1). Здесь Протопопов тезисно изложил свой взгляд на события русского XIX века, обратив внимание на «удивительно правильную периодичность подъема и упадка нашего общественного духа», и дал свою этическую оценку. Обращает на себя внимание резко негативная критика ницшеанства, декадентства и марксизма. Этой проблеме он посвятил свои последующие статьи: «Беллетристы новейшей формации» («Рус. мысль», 1900, №№ 3, 4), «Письма о литературе. Письмо одиннадцатое» (там же, 1903, №9).

(Составление, вступительная заметка
и комментарии Б.М.Козлова)

САТИРА И ЮМОР

Сергей ПОТЕХИН

* * *

Я иду за плугом, обливаясь потом,
Для родной державы добываю хлеб.
Лемешок не ржавый, по душе работа,
Я родился в поле, вырос и окреп.

Рваная рубаха. Прелые рейтзузы.
На затылке кепи (из газеты «Труд»).
Ах, пускай о моде думают французы,
Стоптанные лапти пяток не натрут.

На межу присяду. Где моя махорка?
Легкую кепчонку с головы сниму.
Коммунизм построить обещал Егорка.
Не по Сивке горка. Я — не брат ему.

Я — беспечный малый. Сок еще не выжат.
Дядя Маяковский про меня сказал:
Кто еще так пашет? Кто еще так пишет?
Кто снабжает кащей депутатский зал?

Черные бушлаты. Серые шинели.
Пламенные речи каменных вождей.
Наши депутаты вволю каши ели,
До фига имели ситцу и гвоздей.

Все они проныры, все они пролазы,
С крепкого похмелья, в утреннюю рань
Создают законы, издают указы,
Чтобы их читали лошадь и баран.

Эх, мужик — не лапоть, человек — не фактор.
Арендатор, фермер — все равно батрак.
Я пашу на Карьке, дорог ноне трактор.
Ценятся железки, хлебушек — пятак.

За грехи Всевышний покарал сурово.
Разбрелась, как стадо, «дружная семья».
И ревет несъто каждая корова,
И грызет корыто каждая свинья.

* * *

Ни к чему поэтам,
Нищим альтруистам,
Щеголять пред «светом»
В платье серебристом.

Лучше быть бродягой,
Рыжим до отрыжки,
И лечить бодягой
Синяки да шишкы.

Не рычать сердито
Перед мирным станом,
Знаться с Афродитой,
Бахусом и Паном.

Не бояться черта,
Воевать с судьбою,
Оставаясь твердо
Лишь самим собою.

* * *

Снова в силе.
Снова весел.
В бане с милой
Тесто месим.

Не успеет минута год,
Как опара подойдет.
Пироги умеем хряпать.
Надо в срок детей наст्रяпать,
Чтоб, когда не станет сил,
Кто-то воду подносил.

Виталий ПАШИН

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ДОЧЬ

Монолог

Вот пришла к вам за справедливостью. Недобрые люди совершили над моей жизнью настоящую трагедию. Пока молода была — не понимала, а постарела — поумнела. Думаю себе, нехорошо скрывать от народа правду. Теперь вон везде люди чистосердечным покаянием грешную душу спасают. И решила властям глаза на себя раскрыть.

Звать меня Ксенья Васильевна Ощепкова. Родилась в одна тысяча девятьсот тридцатом году. Это по совести, как есть на самом деле. А если вы глянете в мой паспорт, то увидите там — тысяча девятьсот сорок третий... «Как так?» — спросите. Отвечу.

Началось все это после первого замужества. Ушла я от него, пьяницы несчастного, поскольку другой человек приглянулся. Видный такой, самостоятельный и с комсомольским значком. Только вот моложе меня годами. И так мне было обидно: вроде по облику я девушка, а по годам — старуха для него.

А подруга у меня была в ту пору Груня Букина. Глянула она однажды в мой паспорт на 1930-й год и говорит:

— А что, Ксюша, купишь ты мне пузырек духов сиреневых и коробочку пудры, ежели я тебе хвостик к нолику приделаю?

Ну я, конечно, согласилась, потому что тогда и не сообразила, про какой хвостик речь-то она ведет.

— Давай мне, — говорит, — паспорт и метрики, а сама иди в магазин.

Я, по глупости, возьми да и отдай ей свои документы!.. Прихожу из магазина с духами, а уж нолик-то у меня в паспорте — с хвостом, вылитая шестерка.

И пришлось мне ходить с хвостом этим полгода. Да и еще, может, сто лет проходила, кабы не бросил меня Вася, муж мой второй. После загса увез меня из города в деревню да и покинул. Оказывается, не годы мои молодые нужны были ему, а скотница дармовая. Сам на трактор сел, а меня за ковровами ухаживать определил.

Вожусь это я в навозе неделю, вторую, чувствую — кожа у меня на руках нежность теряет. Ну, думаю, голубчик, не для того я девчонкой из села в город махнула и вот теперь грех на душу взяла — шесть лет себе скостила, чтобы моло-

дость в хлеву губить! Собрала свои вещички и говорю ему:

— До свиданьца, ненаглядный мой! Спасибо за хлеб-соль да за медовую неделю. Только такой любви мне от тебя не надо, потому как это — не чувство, а бессовестный обман.

Еду я, значит, назад в город, а у меня душа болит, даже в поясницу отдает. Это потому что совесть. Как же, думаю, жить дальше, какими глазами на людей смотреть, ежели в паспорте у меня такая фальшивь допущена?

Иду с вокзала прямо к Груньке в общежитие. А она с похмелья, ничего не соображает. Привела ее к себе домой, поправила здоровье стакашком, даю паспорт и требую, чтобы она мои годы назад вернула.

— Дура ты, дура, — говорит она мне, — от своего счастья отказываешься!.. Ну хочешь, я тебя плодом фронтовой любви с боевым зачатием сделаю?

— Это в каком смысле? — спрашиваю.

— Слушай и не перебивай! — приказывает Грунька. — Значит так: заночевал в вашем доме генерал. Весь израненный, так жалобно стонал... Ну, маманя твоя его и пожалела... Хочешь папу-генерала иметь?

— Еще бы, — говорю. — Мой-то алкашом был, от этого и помер. Только как же ты его в генералы произведешь?

— А вот поставь поллитру — узнаешь.

Я, конечно, торговаться не стала. Вытащила из серванта бутылку. Выпили мы по полстакана, поцеловались вместо закуски.

— Ну и где же, — говорю, — мой папаша-генерал?

— Нету его, — не моргнув глазом, отвечает Аграфена. — Геройски пал смертью храбрых при штурме Берлина. И неизвестно, где похоронен... Юные следопыты который год ищут.

— А я как же?

— А ты в это время в чреве матери находилась.

— Постой, постой, — перебиваю подружку, — ведь родилась-то я до войны.

— Это кто ж тебе сказал?

— Да ты сама мне тысяча девятьсот тридцать шестой год устроила в паспорте!

— Ну где?.. Покажь. — И протягивает Грунька мне мой паспорт.

Смотрю я и глазам не верю — стоит там 1943-й год! Уж когда она, злодейка, успела — ума не приложу. А ей, бессовестной, и горя мало. Налила себе еще полстакана, выпила, и тут ее вроде как озарило.

— Не-не, — говорит, — не убили его в Берлине. Ты про

это забудь. Берия его расстрелял. Во! Так будет моднее... Пришил ему дело и — к стенке.

Я руками всплеснула, смотрю на Груньку вот такими глазищами. А она мне спокойненько так:

— Да ты, Ксюша, не пугайся: реабилитировали твоего папашу. Посмертно. И могилку нашли пионеры. Ты в прошлом году цветочки на нее клала... Поняла? И заруби себе на носу. А завтра смело иди в военкомат и требуй компенсацию за папашу. На то закон есть.

— Так ведь фамилию-то его спросят...

— А тебе откуда это знать?.. Мать в ту ночь фамилию не спрашивала: генерал и генерал... Он ей тоже не докладывался: полюбил с первого взгляда, а утрецом в наступление пошел. Так и объясни.

— Ты же говорила давеча, он вроде как весь израненный...

— Ну, значит, в госпиталь его прямо из вашего дома и увезли. И адреса не оставили.

— А Берия-то когда же его расстрелял?

— Это потом, когда он от ран оправился и снова на фронт запросился... Звезду Героя ему хотели дать, да завистники нашлись — наклепали в НКВД, будто он капкан у кремлевских ворот поставил — Сталина словить или Берию. Отчаянный был генерал!..

— Ой, — говорю, — страсти-то какие, Груня! Нешто все это я запомню?.. Запутаюсь, опозорюсь, сама в тюрьму угожу.

Подружка еще полстакана приняла и говорит так задумчиво:

— Ладно, Ксюша, не связывайся с Берией... Ну его к лешему! А то и вправду чего непотребного наболтаешь себе в убыток. Давай, как спервоначалу было: в Берлине твой батя погиб, и царство ему небесное. Тогда уж и насчет компенсации — отступись.

— Да и ладно, — говорю. — Что я — сама не заработаю?..

— Правильно, — отвечает Аграфена. — По-честному-то оно всегда лучше, ежели вратъ складно не научилась... Вот я, думаешь, кто по происхождению? Кто были мои родители?

— Чего ты мне такие глупые вопросы задаешь? — отвечаю. — Мы же с тобой в одной деревне выросли. Отец твой — дядя Миша — в сельсовете работал, мать — на ферме.

— Накося выкуси! — Показывает мне Грунька фигу. — Батюшка мой, Михаил Васильевич, — из дворянского рода! Вот так-то, милая! Тоже вроде твоего — генерал. Только цар-

ской армии. А в сельсовете он от ареста скрывался, чтобы на Колыму его не закатали, как дворянина. Потому он и в анкетах писал: крестьянин-бедняк, в революцию Зимний брал и Ленина на Финляндском вокзале встречал.

— А женился на крестьянке, выходит, для конспирации?
— спрашиваю у Груньки.

— На какой крестьянке?

— Известно, на какой... На тете Фросе.

Аграфена покрутила пальцем у своего виска и говорит:

— Думаешь, ежели она при советской власти на ферме скотницей работала, значит, другого в ее жизни ничего и не было? Ошибаешься! Мать моя из княжеского рода происходит. Ее предок у Суворова самый главный помощник был, одних орденов десяток имел и жену-графиню.

Как услышала я все это от подружки своей, так сразу и засомневалась. Но ей говорить ничего не стала. Графиня так графиня, мне-то какое дело... Пусть хоть королевой обзовется, если на пользу.

А мне вот не повезло с этим генеральством: я одному своему сожителю представилась сдуру дочкой генерала, он от меня и ушел к другой. «Мы, — говорит, — неровня: ты — эвон какая цаца, а я — простой такелажник».

Зато Александру Ивановичу — это с которым я потом два года прожила — мое генеральское происхождение пришло очень даже кстати. Когда я его навещала в Никольской психиатрической больнице, он мне признался, что сам является сыном маршала Чойбалсана. А когда помирал, вел похоронить себя по буддийскому обычанию: босиком и при галстуке.

Ну, да не о них теперь душа у меня болит. О себе самой. Обидно! Все мои сверстницы давным-давно к зарплате пенсии приплюсовывают и разные льготы имеют, как труженицы тыла, а я из-за какой-то аферистки Груньки Букиной тринадцать лишних годиков без пенсии страдала. И пожаловалось было некому — дожили до демократии!

Павел РУМЯНЦЕВ РЕПКА

Посадил дед репку. Выросла репка большая-пребольшая!
Тянет дед репку, вытянуть не может.

Пошел дед звать бабку.

Нет бабки. Уехала в Канаду на форум крестьянских жен.

Пошел дед звать внучку.

— Внучка, а внучка! Пойдем репку тянуть!

— Некогда, — отвечает внучка. — У меня брифинг.

— Чево?

— Эх ты, деревня! Иностранные корреспонденты вопросы задавать будут.

— О чём?

— О твоей репке!

Сказала и убежала.

Пошел дед искать Жучку. Смотрит, Жучка несется, язык высунула.

— Жучка, а Жучка! Пойдем репку тянуть!

— Не мешай, дед! — на бегу ответила Жучка. — Я только что на митинге правительство обляяла! Не до тебя! За демократию боремся.

Пошел дед звать кошку.

А кошка, вальяжная вся, в парламенте со львами заседает. Деда не признала и не ответила ничего.

Пошел дед к мышке.

— Мышка, а мышка! Помоги репку вытянуть. Бабка — за границей, внучка с иностранцами, Жучка — на митинге, кошка — в парламенте. Некому репку тащить.

— Безобразие! — возмутилась мышка. — Скоро снег выпадет. Надо репку спасать! Организуем фонд. С тебя, дед, десять «баксов».

— Куда? — не понял дед.

— В фонд спасения репки, — ответила мышка. — А офис мы в Париже откроем, будем вовлекать иностранный капитал.

— Тыфу! — выругался дед и отправился восьсяи.

Пришел к репке, поплевал на ладони, поднатужился и вытянул.

А тут и бабка из-за границы прикатила, внучка с брифинга явилась, Жучка с кошкой прибежали, мышка заскочила.

Репка выросла большая-пребольшая. Всем хватит!

ОБХОД

Тук-тук!

— Кто там?

— Горгаз.

— Сейчас, милок, подожди! — За дверью послышался шум, затем лязг металла. — Ой, опять забыла... не получается! — голос у старушки задрожал от волнения. — Слыши, милок, а ты не подскажешь, куда ентот чертов рожок у автомата вставляется?

— Магазин, что ли? Спереди и наискосок.

— Ага! Спасибо! Вставил!

— Ну, долго возиться будешь? Мне еще пять квартир обойти надо, газовые плиты проверить!

— Да я, милок, понимаю, но сам видишь, время-то нонче какое... Слыши, мне тута говорили, что чего-то передернуть нужно, чтобы патрон в дуло вошел...

— В ствол, а не в дуло!.. Ой, бабка, хоть бы ты внука позвала! Они, детки, более шустрые. Вон в соседней квартире мальчонка ручной пулемет вмиг собрал!

— Так нету никого. А мне, старой, не по силам! — Наконец раздался щелчок. — Ой, кажется, вошло, зарядилось!

— Ну, слава Богу! Теперь давай с предохранителя сними и открывай!

— А где это?

— Сбоку рычажок.

— Черненький?

— Да, черненький! Только смотри аккуратнее! Не нажми ненароком!

— Не боись, не боись! У меня к старости от жизни такой нервы вообще закалились! Ну, проходи, милок! Здравствуй!

Дверь открылась. Слесарь продолжил обход подведомственной ему пятиэтажки.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Раннее зимнее утро. Два пассажира едут в троллейбусе. Салон полупустой, разговорились от некого делать.

— Как дела?

— Помаленьку. А у вас?

— Тоже.

— Извините, а вы какой наживкой пользуетесь, на что счас берет?

— В основном на импорт. Турция, Китай. На польскую можно... но плохо... три, пять, максимум семь зацепишь...

— Не говорите! Продрогнешь на морозе, а идут одни семейные...

— Караси?

— Ага! Точно вы их прозвали — настоящие «караси»! Ходят-ходят вокруг, прищениваются, примериваются, а в самый важный момент — нырк в сторону!

— А я окуней предпочитаю!

— Это такие деловые, спортивные? Еще бы! Они не торгу-

ются! Сразу: раз — и готово!

— Где окуньки, там и ерши пасутся. Не донимают?

— Что вы! Напасть от них — окаянных! Настоящий рэкт!
Налетят стайкой, всю наживку обдерут... Иногда даже уходишь
от них на более спокойное место...

— На леща?

— Ну, можно так сравнить: такие вялые, апатичные, но уж
если что им приглянулось, они своего не упустят.

— Да-а... только приманить их тяжело... Вы чем пользуетесь?

— Для них — только отечественное, из «Лужи»!

— Мотыль — оно, конечно, хорошо. Но этого мало. Нуж-
ны свои секреты. Вот вы — «на кольцо» не пробовали?

— Как же! На него вся надежда! Запустим по кругу: нажив-
ка одна и та же, только у всех дорого, а у одного чуть дешевле,
тут он и хватает!.. Попался, голубчик!

— Да что вы! Я так не пробовал! Надо будет мужиков
подбить!

— Я вам говорю: верняк!

— Эх, люблю я наше дело за азарт!

— Это точно!

... Тут троллейбус подошел к остановке. Пассажиры друж-
но вышли и направились в разные стороны: один, волоча ог-
ромную сумку, — на вещевой рынок; другой, вскинув на плечо
рыболовный ящик и ледовый бур, — на пригородный автобус.

Впереди было два выходных дня.

Удачи вам, господа!

НА ДОСУГЕ

Люся, дорогая!.. Ты же знаешь, что я не пью! Счас я тебе
все объясню... Мы в простое, работы нет, слоняемся по цеху,
козла забивать надоело, в шахматы скучно. Хочется чего-то
этакого... Ну, тут Саня и притащил. Нам не показывает, по
рюмкам разлил и предлагает:

— Сыграем, мужики, в новую игру «Угадай наливочку»?

Люсь, ну, мы чего? Мы — за! Счас же все кругом во что-
нибудь играют! Петьяка Смирнов говорит:

— Я с семи стопок угадаю, что здесь налито!

А Иван Семенович ему вежливо и культурно отвечает:

— А я — с пяти!

Петьяка Смирнов — свое:

— А я — с семи!

Торгуются они, значит, между собою. Тут Валька из сосед-
него цеха заглянул. Да ты его знаешь, здоровый такой... Тоже в

игру включился.

— А я, — говорит, — с десяти угадаю!

Ну, Люсь, мне за наш цех обидно стало, не выдержал и кричущим:

— А я с трех могу!

А они мне все хором:

— Угадывай!

Люсь, там спирт окказался... тех-технический! Я угадал! Да я бы с одной рюмки мог угадать, я у тебя молодец! Ну, чего ты дерешься! Я же тебе приз принес... Вот! Старые десять рублей! Они сегодняшним ста тысячам равняются! Ну, глупая, не дерись! Игра же такая! Какой я пьяница?!. Вот мы с соседним цехом сразимся, а потом, Люсь, нас же по телеку могут показать! Я тебе привет передам!

КАК Я НА ТЕЛЕВИДЕНИИ ВЫСТУПАЛ

Иду я как-то по скверу. Погода чудесная, весенняя. Никуда не тороплюсь. Отдыхаю. На пташек любуюсь. Редко такая минута выпадает — чем-либо понаслаждаться. Вдруг слышу приятный женский голос:

— Молодой человек, можно вас?

Оборачиваюсь, смотрю — девушка с микрофоном и парень в джинсах с телекамерой на плече. Автомобиль неподалеку стоит, оттуда кабель тянется. В нашем городе телевидение — редкость. Мне, конечно, любопытно, подхожу к ним. Парень телекамерой водит, а девушка в микрофон говорит:

— Представьтесь, пожалуйста!

Во дают! С ходу, значит, решили интервью взять! Я представился.

— А где работаете?

Сказал. Пусть наши на заводе знают.

— А вы не возражаете, если мы вас немного поспрашиваем?

— Да, — отвечаю. — Всю жизнь мечтал!

— Вам погода сегодняшняя нравится? — спросила девушка.

— Да, — отвечаю.

— И солнышко светит чудесно?

— Да! — говорю и улыбаюсь. А чего не улыбаться, если настроение хорошее! А девушка мне подыгрывает:

— И ручейки текут?

— Да!

— Весна скоро?

— Да!

— И птички поют?

— Да!

— Все, стоп! Прекрасно записали! — деловито оборвала девушка и повернулась к парню. — А ты говорил, не найдем типаж! Провинция — это тебе не Москва!

Парень что-то буркнул в ответ, и начали они свою аппаратуру сворачивать.

— Эй! — возмутился я. — Скажите хоть, что за передача будет?

— Социологический опрос, — ответила девушка. — Для последних новостей. Извините, нам некогда, еще пленку монтировать надо.

Сказала и укатила с этим парнем.

Чудные они, с телевидения: вечно торопятся.

К вечеру я знакомых и родственников обзвонил, предупредил о своем выступлении. Сами дома у телевизора всей семьей собирались. Сидим, новости смотрим. Младший все кричит:

— Папка, а когда тебя показывать будут?

Мне самому любопытно. А по телевидению заседание правительства идет. Объявляют, что цены на все в три раза повышают, налог увеличивают, плату за жилье и электричество поднимают. Только мы возмущаться перестали, глянь, на экране моя знакомая.

— Мы, — говорит, — провели социологическое обследование населения и должны заметить, что большинство граждан поддерживают новый указ нашего демократического правительства. Вот идет обыкновенный, простой человек. Давайте его спросим.

И на экране появляюсь я. Довольный, радостный. Представляюсь, значит, публике. А девушка спрашивает:

— Вы слышали о повышении цен?

Тут шасть камера на меня крупным планом.

— Да, — отвечаю я и распываюсь в улыбке. — Всю жизнь мечтал!

А девица, проклятая, дальше накручивает:

— Одобряете?

А я еще радостнее:

— Да!

И про налог — «Да!», и про электричество — «Да!», и про плату за жилье...

И все с улыбкой, и все весело... Мать честная! Вот так выступил!..

В общем, натерпелся я после этой передачи. Мужики в курилке слово «да» навек меня говорить отучили. Жена к теще на месяц ушла. А правительство?.. Хоть бы наградило, хоть бы орден какой-нибудь приспало! Как же, дождешься от них!

Вячеслав СМИРНОВ

ВЕРЬ — НЕ ВЕРЬ

Темной ночью в солнцепек,
Летним днем морозным
Вдоль деревни поперек
Время было поздним.

Я в начинке с пирожком
Видел рыбный запах.
Куры к озеру гуськом
Шли на задних лапах.

А в подвале, где чердак,
С криком втихомолку
Сытый заяц натощак
Снял овчину с волка!..

Я в телеге шел пешком
Налегке с устатку,
В новых туфлях босиком
Песни пел вприсядку!

ВОТ КАКАЯ ЩУКА

Наш дядя Ваня
Знает рыбные места.
Он щуку выудил...
Поверите ли вы?
Длина — полметра
С головы и до хвоста,
И целый метр —
С хвоста до головы!

НЕ ДОРОС

«Ты теперь уже большой!» —
Дед одобрил Гришку.
И парнишка подал свой
Звонкий голосишко:
«Нет, еще пока что мал.
Даже с табуретки
Я до полки не достал,
Где лежат конфетки!»

УЧАСТИКИ ТВОРЧЕСКИХ СЕМИНАРОВ

Фаина СОЛОМАТОВА

СТРАХ

Софья стала чаще молиться. Она каждый вечер, перед сном, становилась на колени и разговаривала с Богом. Когда этого у Софьи не получалось по причине сильной усталости, она шептала молитвы лежа. Софья просила, чтобы Всевышний и Пресвятая Богородица не гневались на нее в таких случаях. Они ведь видят и понимают, что у Софьи нет нисколечко силы творить молитву стоя. Она еле до койки-то добрела. И язык заплется. «Но от чистого сердца все делаю, — думала Софья, — хотя, может, и не так, как полагается. Вот за ночь отдохну — утром наверстаю».

Однако заснуть Софья не смогла. Сон не шел. Усталость немного склонула. Не ломило уже плечи, затихла боль в ногах. Хорошо, спокойно стало. И она вновь вернулась к прерванной молитве:

— Спаси нас, Господи! Сына моего Ванюшку защити от всех бед и несчастий. Одна-единственная радость он у меня. — Софья вздохнула, прислушалась. Из комнаты сына доносились звуки музыки. «Телевизор Ванята еще смотрит...» — подумала. — Мужу моему Степану дай силы болезнь одолеть. Свалила его хвороба. А ему еще лежать не время — не старик. Всем, Господь, ты нас не обделил — грех жаловаться. Правда, когда поженились, детонек долго не было. Восемь лет прожили, а в доме — тишина. А как хотелось-то!.. Знаешь ведь, Пресвятая Богородица, сколь слез пролила. Ты сама мать и услышала мою просьбу. А, помню, как вскорости я забеременела, Степан от радости ошелестел! С меня готов был пылинки сдувать. Работу почтальона выхлопотал. Не дал на телятнике управляться — тяжело, дескать. А как сын родился — на седьмом небе летал. «Ну, Софьюшка, — говорил, — уважила! Теперь бы еще дочку — тебе помощницу». — «Будут еще, Степа, у нас и сыны, и дочки. Кого Бог пошлет — тому и рада».

Но Ванята был первым и последним ребенком у Софьи и Степана.

Быстро пролетело, промелькнуло времечко. При счастье оно ходко скачет. Оглянуться не успели, а Ванюшка уж совсем взрослым стал... И чем больше сын, тем у Софьи тос-

ка-печаль сильней. Время нынче неспокойное, а Ваню весной должны призвать в армию.

Софья поправила одеяло. Перевернулась на спину. Она знала, что до утра ей уже не заснуть. Вот перегорят ее думы, заботы, с души как будто камень свалится. И только тогда на зорьке Софья маленько подремлет. Ей и хватит. Вернутся силы. И новый день Софья встретит бодрой и веселой. А как же иначе?!

Такой ее должны видеть муж и сын. Ванятка по молодости всего, может, и не заметит, а Степан — тот углядит. Точно мысли читает.

«Мы, бабы, горе из себя слезами выпускаем, — подумала Софья. — А у мужиков — характер не тот. Это если б печь топилась, а вышушка — закрыта. Легко ли нутру-то? И уж не крепок ли был мой Степан!..»

Прокукарекал петух — громко и заливисто.

«Горлопан», — усмехнулась Софья. Она отдохнула. На удивление и Степан эту ночь спал спокойно. Лишь изредка легонько постанывал. Дверь в его комнату не закрыта. Спать Софья научилась чутко — на любой шорох реагирует.

«От трав больше пользы, — размышляла она. — Таблетки одно лечат — другой калечат. Подниму Степана на ноги. Он-то меня берег... В согласии все у нас было. И с Ванюшкой вроде бы решила. В обход совести пойду. И ты, Богородица, не гневайся, не суди меня строго! Сама знаешь, каково дитя от сердца рвать. Изведала. Прости, что я с тобой как с ровней. Разницу я знаю. А вот материнство нас равняет. И неизвестно, как бы ты поступила на моем месте... А может, ты и подсказала мне насчет сына-то?»

От внезапной болезни Степана душа у меня в пятках живет. Мало таких минут, чтобы сердце радовалось. Бывает, забудешься на миг, взвеселишься и тут же одергиваешь себя. Боюсь. Страх за мной по пятам ходит. Вот я и стараюсь все щели, дыры затыкать, законопатить, чтобы не дай Бог чего не надуло, не натащило ненароком».

... Стала Софья вешать на задворки матрас и старые одеяла. Знала — приметят.

— Намаешься, Софьюшка, за зиму-то. Летом выкини — вмиг обдунет. Перестал сказываться Степан-то? — посочувствовала соседка.

— Да нет, — пролепетала Софья, — Степан на утку ходит.

А сама подумала: «Господи! И соврать-то толку нет! Как же я не сообразила, что это к больному мужу приложат, а не к жениху-сыну. Ну, ничего, и на Машку — бывает промашка».

Но не такая Софья баба, чтобы сразу «перышки опус-

кать». И она, наскоро управлявшись по дому, пошла в больницу.

— Антонина Петровна, напасть у меня приключилась, — начала Софья издалека. — Ванюшка чуть ли не каждую ночь рыбачит... в постели. А к вам на аркане не затащить. Я уж сама полечу чем пропишете.

— Давно ли у него такое? — удивилась Антонина Петровна.

— Да уж больше года... Травами поила. У бабок были. Нет пользы.

«Язык-то ровно помело! Вру — и не заикаюсь», — подумала Софья.

— Не переживайте, Софья Михайловна, попринимает Ваня этих вот таблеточек, а если результата не будет — положим в стационар.

— Да ведь жених! — вскинулась Софья. — Светка на сердце у него... А я все втихаря бы сделала.

— И я предлог найду. Он — призывник. Никто и не узнает, от чего мы его лечить станем.

— Уж вы не говорите, пожалуйста... Дело такое... — лепетала Софья, а сама думала: «Эко, куда нелегкая завела!..»

— Через две недельки наведайтесь, Софья Михайловна, тогда и решим.

«Не отпущу от себя Ивана! — Софья рванула платок, перевела дыхание. — Такая заваруха везде... А война — кровь любит. Не для этого растили сына. Степан только оживать начал. Весной-то и сухое дерево порою лист дает. Так и человек. А призовут Ванюшку — снова захиреет отец. И что за жизнь такая пошла!..»

И стала Софья подливать Ване воду в постель. Утром, на зорьке, когда сон у молодых особенно сладкий и крепкий, она осторожно подкрадывалась к спящему с ковшиком. «Да Ванюшку хоть из ушата поливай — не услышит». Она подстраховывалась на тот случай, если сын проснется: рядом с кроватью поставила горшки с цветами.

— Мама, я почему-то весь сырой, — удивился Ваня в первый раз.

Софья, ощупав постель и недоуменно пожав плечами, сказала:

— И впрямь... Крыша не течет, а дождь прошел...

И второй раз сын удивился не меньше:

— Да откуда опять вода взялась?!

В третий раз — сын промолчал. Софья встревожилась: «Уж не подкараулил ли меня Ваня-то? Да нет, не шелохнулся даже. Значит, стыдится! Поверили. Вот и ладно...»

Софья ликовала. «Теперь дело за Светланой. Девка покладистая, всегда с улыбочкой, — размышляла мать. — Степану,

когда уколы пропишут, она будет делать». Совсем недавно узнала Софья, что ее Ваня и Света встречаются. Не хотелось впутывать девушку, но, кроме нее, помочь Софье не смог бы никто.

... Отыскав в процедурной Светлану, Софья шепнула:

— Помоги, Светушка!.. Ваню моего к вам в больницу положат.

— Что случилось?

— Да не пугайся, — успокоила Софья побледневшую девушку. — Не хочу его пока в армию отпускать. Пусть и Степан мой на ноги встанет. Может, власти к тому времени порядок маломальский наведут... Вот, лью воду в кровать Ване, а он думает: мол, это самое...

Света молча кусала губы.

— Пару разиков... Пока он тут будет... Плесни... Чтобы врачи поверили.

Софья почувствовала, что ноги подкашиваются.

— Софья Михайловна, вам плохо? — встревожилась Света.

— Мне стыдно, милая!

— У вас Ваню не призовут.

— Это еще почему?

— Не волнуйтесь, Софья Михайловна!.. Мы после восьмого класса в походе были, тогда Ваня глаз и уколол. В больницу не обратился. Зрение, оказывается, сильно ухудшилось. На одном глазу.

— Не светило, не грело, да вдруг и припекло! — обронила Софья после долгого молчания. — Проглядела, получается, сына... Ты, Света, прости меня. И Антонине Петровне наплела с три короба... Как же я теперь перед сыном-то оправдаюсь?

— Ваня знает...

— Как знает?

— Он не спал.

— Вот оно что... — только и выдохнула мать.

Александр ХЛЯБИНОВ

Б Е Д А

Деревня. Начало марта. Рано утром в избу пенсионерки Марии Бугровой просунулась кудлатая голова механизатора Колюхи Прошина.

— Макаровна, жива? В обед дров тебе подброшу. Готовь пузырь...

«Пузыря» (поллитры водки) у Марии Макаровны как раз и не было. Вообще-то она, как и все пожилые деревенские люди, не жила без запаса. Да вот поистратилась на оградку для могилы мужа Василия, царствие ему небесное... В магазине деревен-

ском сейчас, как назло, хоть шаром покати. Самогонку Макаровна не держала.

Мария Макаровна оделась, закрыла дом на нехитрый замок и побрела к своей стародавней подруге Игнатьевне.

— Разболокайся, проходи, — радушно встретила гостью Игнатьевна.

Бутылки у нее тоже не оказалось. Макаровна вышла от подруги, ругая себя за напрасно потраченное время. К тому же пришлось выслушивать ее очередную историю о жестокосердности невестки Игнатьевны — Валентины, которая «настропалила» против той всю родню.

Макаровна заглянула к своей родственнице Екатерине Грачевой, к старицам Володиным. Все впустую. «У кого и есть, — подумала про себя, — так не скажут, на огороды берегут».

Пришлось ей идти на поклон к Василию Зубову. Он — бывший колхозный ветеринар, с прошлого года на пенсии. Зубов слыл в деревне человеком во всех отношениях положительным: не курил, не выпивал. Дочь его работала учительницей в Мантурове.

Честно говоря, идти к нему Марии Макаровне не хотелось. Уж очень он любил мораль читать по всякому поводу.

В этот раз Зубов обошелся без проповеди. Хворал. До мой Макаровна летела как на крыльях. На дне корзинки под тряпицей покоилась желанная бутылка.

... На крыльце Макаровна сунула руку в карман плюшевой кофты и похолодела: ключа от висячего замка не было. Она поставила корзинку и принялась лихорадочно шарить по карманам и полам кофты. Ключа не нашла.

Макаровна постояла в растерянности, затем сходила в сарайку за топором. Раз-другой что есть силы саданула обухом по замку. Измочаленное топорище обломилось, и топор полетел прямо в корзину. Звякнуло. Пахнуло водочным духом.

Макаровна прижалась к косяку и заголосила точно по покойнику.

МОЛОДЫЕ БЫЛИ ...

Летним днем на деревенской улице ведут разговор два человека. Она — невысокого роста, в простом ситцевом платье. Он — полноватый мужчина в праздном светлом костюме, по всему видно — горожанин.

Разговаривают о житье-бытье, о детях да внуках, о тех,

кто здравствует, кого уже нет...

— Я все беседку одну вспоминаю, — проговорил мужчина, заметно смущившись.

Женщина вопросительно взглянула в его глаза.

— У Николаевых тогда собирались, — напомнил он.

И зардели, вспыхнули огнем щеки женщины. Ту, тридцатипятилетней давности беседку, и она не забыла.

... Изба у Николаевых была невелика, тесновата для гулянья. Но веселье получалось. Напелись и наплясались. А потом, как водилось, начались шутки, пошла возня. Бизготок девичий, хохотки парней, гроханье скамеек... Одним словом — «бараба». Катя Субботина выбилась из веселой сутолоки, выскочила на крыльце подышать свежим воздухом. Вслед за ней вышел парень — вчерашний солдат Витя Сафонов.

— Не застудись, — произнес он каким-то неестественным, заботливым голосом и вроде бы оберег-пригрел, коснулся рукою ее щеки, провел по шее.

Она стояла, боясь шевельнуться, но вдруг, уловив водочный запах, вскользнула и упорхнула в дом.

Как только оказалась она в пространстве, освещенном лампой, грянул общий смех. Она непонимающе крутила головой, но, глянув на себя в зеркало, увидела на лице черноту печной сажи. И, вскрикнув, со слезами кинулась из избы...

— Генка Трунов, дружок вертлявый, чертяка кривоно-гий, надоумил тогда, — словно бы оправдываясь, начал он рассказывать прошлую историю. И получалось у него виновато: — Выпили мы с ним за мою демобилизацию и заявились хорохорные на беседку. Генке показалось, будто веселья не хватает. И говорит: слабо, мол, тебе, Витец, Катеньку Субботину размалевать-нарумянить? Он-то сам, помнишь, наверно, любитель был всяческих проказ, доинимал девок здорово на гулянках. Помнишь ли, Катя?

— Сватался ко мне в одно время Генка-то... С вдовушками попутался и на молодую обзарился. Работный был да колобродистый. И смазливый. Отказала тогда, — с раздумьем говорила женщина. Пауза долгая получилась. Помедлила она, словно решая, говорить или промолчать дальше-то. — Я ведь тебя из армии ждала. Девчонкой еще влюбилась. Но ты в ту пору на меня — ноль внимания, как нынче говорят. Не почувял, не заметил.

— Ой, локти потом кусал.

Мужчина понурился.

— Не было смелости, робел... Через неделю после твоей

свадьбы укатил подальше в город. Думал, забудется...
— Вот как бывает. В молодости веселимся — а вспоминать печально. Какие мы теперь стали... Молодые были...
— Молодые, — словно эхо, выдохнул он.
— Молодые, — с печальной улыбкой повторила она.
Долгое молчание прервали житейскими вопросами. Так постояли, поговорили и пошли своими дорогами.
У каждого были свои дела и заботы.

Павел КОРНИЛОВ
ДЯДЯ ГРИША

У нас был сосед, почтенный ветеран войны, Григорий Степанович, которого все звали не иначе как дядя Гриша. Его не любили, поскольку старик имел привычку учить жизни всякого, кто осмеливался продолжить с ним беседу более двух минут.

Он умудрялся «заучивать» говорящего, кто бы тот ни был, до умру. Однако, вопреки всеобщей нелюбви, мама считала своим долгом каждый год 9-го мая поздравлять соседа-ветерана с Днем Победы. Много лет подряд дядя Гриша благосклонно принимал мамины поздравления, но однажды вдруг заявил:

— А чего вы, собственно, ходите-то?.. Я ведь и не воевал.

И он поведал оторопевшей маме о лихой военной молодости. Оказывается, повоевать дяде Грише пришлось только один день, да и то неполный, поскольку немцы, начав наступление перед обедом, к концу дня взяли дядю Гришу в плен. Ему, рядовому, совсем еще безусому мальчишке, в общем-то, повезло. Он попал не в концлагерь или каменоломни, откуда живыми почти не выходили, а оказался в глухой австрийской деревеньке, где хозяйка, пожилая раздражительная баэрша, определила его ухаживать за скотиной. Все четыре года, вплоть до мая сорок пятого, дядя Гриша кормил свиней и сумел до тонкостей изучить это ремесло.

После освобождения он со счастливой легкостью проскочил через все спец- и просто комиссии и к середине пятидесятых имел в кармане изрядное количество документов, полных печатей и подписей, где утверждалось что он, дядя Гриша, является полноправным участником Великой Отечественной.

О своем активном участии в боевых действиях дядя Гриша благоразумно помалкивал, а когда его, седого почтенного ветерана, расспрашивали о военной молодости не в меру любопытные пионеры, он в самых общих чертах, не близко

к тексту, пересказывал повесть о военной жизни одного писателя-фронтовика, которую как-то взял в районной библиотеке. Когда же пионеры с горящими глазами требовали подробностей из фронтового быта, дядя Гриша ловким маневром, по-суворовски переходил от обороны к наступлению и атаковал детишек грозными речами о том, что такое хорошо, а что — тут он грозно замирал с вытянутым указательным пальцем — плохо. Глаза юных следопытов сразу тускнели, дети начинили шалить, и учительнице, чтобы не потерять лица, приходилось как можно быстрее заканчивать встречу с чересчур уж суровым ветераном.

Обладая отменным здоровьем, дядя Гриша, разумеется, намного пережил свою супругу-бедолагу, которая, как считали соседи, умерла не в последнюю очередь от дяди Гришиных поучений. Жить в одиночестве ветеран не привык и, едва истекли положенные сорок дней, посватался к двадцатилетней соседке, как раз собиравшейся в это время замуж (конечно же, не за дядю Гришу). Он вел многочасовые душепасительные беседы с ее матерью, убеждая будущую тещу в разумности его предложения. Самым веским из бесконечных доводов был следующий:

— Подумайте, ведь у нее останется квартира. Долго я не проживу, — со вздохом добавлял он, поводя крепкими плечами, явно рассчитанными еще лет на двадцать жизни, как минимум.

Но, несмотря на усиленные поиски жены, пришлось дяде Грише жить-таки одному. Когда сердобольные соседки заходили проводить вдовца, их взгляд первым делом останавливался на единственном украшении аскетичной однокомнатной хрущевки. Это была вырезанная из «Крестьянки» репродукция известной картины Пукирева «Неравный брак», которую дядя Гриша повесил сразу после смерти жены.

Именно эту картинку первым делом убрали со стены дальние родственники дяди Гриши, когда после его неожиданной смерти въезжали в квартиру. За несколько месяцев рак превратил никогда ничем серьезно не болевшего, молодавшего дядю Гришу в дряхлого, беспомощного старика.

Умирал дядя Гриша молча, ни разу ни на что не пожаловавшись. Только за четверть часа до кончины из правого глаза его выкатилась одинокая слеза и, на миг задержавшись на острой скуле, растворилась в небритости щеки.

Это случилось в марте. А в мае мама, как всегда, пошла поздравить дядю Гришу. На кладбище.

Евстolia ПРОКОФЬЕВА

ПЛУТИШКА

Как-то осенью Лерко с дружком своим, по прозвищу Самурай, стерег медведя в углу Кощеевых овсов. Охотники оба заядлые, на ногу легкие. А раскосые глаза Самурая видели вокруг, казалось, на целую версту.

Сидели охотники на сучьях толстой березы, сдерживая дыхание. Медведь — он чуток и осторожен. Но вокруг было тихо. Над кромкою леса разливалась малиновая заря. В воздухе столбом толклись комары.

Но вот в лесу треснул валежник. Лерко весь подобрался, напряг зрение и слух. Самурай, сжимая в руках ружье, прищурил свои и без того узкие, как щелки, глаза. Но треск стал удаляться, зверь почуял охотников и ушел не поужинав.

Ждать стало некого. Охотники слезли с березы и, разминая онемевшие ноги, отправились на кордон Чашково. Он был совсем рядом, но хозяева кордона спали. Охотники, чтобы их не будить, забрались в сарай и там на мягкому душистому сене хорошо отдохнули.

На рассвете они отправились в лес. Было сухо, прохладно. Шагалось легко. Их лайка, по кличке Вьюга,

опустив к земле умную морду, бежала за деревьями, вся превратившись в слух и обоняние. Но птиц и зверей вокруг — как не бывало.

Налазившись по чащам да буреломам, охотники сели отдохнуть на поваленное бурей дерево. Достали из рюкзака хлеб, сало... И вдруг хватились собаки.

Самурай крутил головой, вслушиваясь в лес, и кричал:

— Вьюга, Вьюга!

— Вьюга, Вьюга! — звал и Лерко.

Увидев, как встревожился Самурай, Лерко хотел что-то сказать, но тот не дал и рта раскрыть.

— Нет, нет! — твердил он. — Эта собака зря не отстанет!

Вскоре Вьюга подала голос. Самурай волчком повернулся к Лерке и приказал:

— Приготовься на зверя!

И они с ружьями наготове пошли к Вьюге — обходом с разных сторон. Собака стояла на зеленой лужайке, окруженной молодой ельницей, и громко лаяла. Перед ней, раскинув черные лапы, лежал темно-серый енот.

Лерко пожалел его вслух:

— Жаль малыша! Не довелось ему поносить теплую зимнюю шубу.

Самурай взял енота на руки, осмотрел со знанием дела, припал ухом к его груди. Услышав удары маленького сердца, он сказал:

— Плут, каких я еще не видывал! Он не только жив, но даже невредим!

И Самурай положил плутишку туда, откуда взял его. Затем охотники отвели Вьюгу за молодой ельник и затаились там. Смотрят сквозь еловые лапы и видят: енот встал, обнюхал лужок, покрутился на месте, сориентировался и юркнул в чащу.

— Удачи тебе! — пожелал ему впоследствии Лерко.

— Хитрец! — выразил свой восторг Самурай. — Понял, что от Вьюги живым не уйти, и прикинулся мертвым. Долго жить будет!

— Ч-р-р! — зарычала Вьюга, дергаясь из рук.

Ну, мол, погоди! В следующий раз не проведешь, плутишка!

Станислав МИХАЙЛОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТЦА

Я не помню божественней мига,
Я не знаю торжественней дня:
Режет батя ржаную ковригу,
Осторожно к себе прислоня.

Нож солдатский сурово и нежно
Оставляет на корке следы,
И впервой в ароматную свежесть
Не врывается дух лебеды.

Как волнуется нож-торопыга
В узловатых руках старшины!
Режет батя ржаную ковригу.
Он сегодня вернулся с войны.

* * *

Картинки из детства, как кадры кино,
Возникнув на миг, пропадают.
В скверике пили слепые вино,
Ржаным сухарем заедая.

Бутылку, на ощупь деля на троих,
Склоняли в стакан осторожно.
И было, ребята, ей-богу, на них
Без боли смотреть невозможно.

Глядели на мир вместо глаз ордена
С прошедших войну гимнастерок.
Багряным рассветом пылала весна
В ту послевоенную пору.

Для них же — внезапно пришедший закат
Не сменится больше рассветом.
В ответ мне сегодня: «А кто виноват?...»
Я с вами — совсем не об этом.

СУД

Меня судьба не баловала здорово,
В мой день рожденья плакала земля,
Над колыбелью зло кружили вороны,
Живое тело внаглуя деля.
Но я смотрел на мир светло и радужно,
А надо б — удавиться от тоски,
Когда судили в клубе чью-то бабушку
За сорванные ночью колоски.
Мы, огольцы, не плакали подавленно,
А подывали взрослым, как щенки:
— Подумать только — воровать у Сталина!
Упечь ее, каргу, на Соловки! —
И не догадывались будущие хищники,
Что нам уже готовила судьба:
Кого-то завтра посвятят в опричники,
А из кого-то вылепят раба.
А кто воспринял этот путь с обидою,
Страясь разогнуться из дуги,
Приговорен усатою Фемидою
И навсегда записан во враги.
Нас постепенно делали волчатами,
Лишь вожака учили слушать впредь...
А бабушка прощается с внучатами,
Чтоб по дороге в город умереть.

Ольга КОЛОВА

* * *

В беспростетную ночь
Я прошу: «Не гоните меня!»
Я лишь птица,
Застывшая в вихре февральской метели, —
Полетела на свет,
Вы ж окно затворить не успели.
И теперь я прошу об одном:
«Не гоните меня!»

Мне б лишь крылья согреть
У несмелого пламени свеч.
Хоть на миг позабыть,
Как беснуется яростный ветер.
А потом — только знать,
Что возможно хоть где-то на свете
Молча крылья согреть
У несмелого пламени свеч.

* * *

Серебристые пряди луны
Зацепились за голые ветки.
Что я? Где... И живу ли на свете?
Жизнь моя — отголосок струны.

Одиноко и холодно мне
Средь луны ледяного покоя.
Ты, гитары коснувшись рукою,
Помолись за меня в тишине.

ЦЕРКОВЬ В ИЛЬИНСКОМ

Е.Л.Балашовой

Не войной все разрушено,
Не чумою... Ах, что же я?!.
Словно колокол слушаю
В смуты век и безбожия.

Глушь, разор, запустение...
Плачет даль за ракитами.
Птицы выются в смятении
Над крестами забытыми.

Церковь полуза забытая,
Колокольня безгласная.
Но ворота открытые, —
Воскресение празднуют.

В беспорядке творящемся
Кто о ней позаботится?
Тем дороже молящимся
Светлый лик Богородицы.

Вы не каркайте, вороны,
Над умолкшую звонницей!
С Богом связи не порваны,
Коль молитва возносится.

Я не знаю: то явь или сон,
Время ль бредит в наитии?..
Но в душе — колокольный звон,
Как отрада забытая.

Словно вечность отклинулась
Всем былым поколениям.
Даль внезапно раздвинулась:
В глубине — откровение,

Где, с Россией деля судьбу,
Ангел кружит во мгле.
И одним крылом — по небу,
А другим — по земле.

* * *

Устав от нескончаемых словес,
От суэты пустой, как от проклятья,
Захочется сбежать в весенний лес
И кинуться в зеленые объятья.
Всей нежностью проникнуться земной,
Душой в весеннем мире раствориться:
Одновременно быть листвой и птицей,
И безмятежной высью голубой.
Быть лепестком у первого цветка,
Росинкой, отразившей лучик солнца...
И ласково вдруг Кто-то улыбнется.
И даль светла и радостно-близка.

Николай МУРЕНИН

* * *

Просидев на заре над рекой целый час терпеливо,
Я боюсь одного:
Соловей закачался на розовом прутике ивы —
Не спутнуть бы его.
Изумилась душа и ребенком счастливым проснулась.
Для кого он так пел?
В камышовых сетях краснoperое солнце плеснулось.
Соловей улетел.
Листья ивы, как ноты, на лучике света повисли.
И уж после того,
Незаметно совсем, село слово на веточке мысли —
Не спутнуть бы его...

* * *

Взгляд тяжелый и шрам на виске —
Много лет протянулось в неволе...
И пошел он к глубокой реке,
И побрел он в широкое поле.

Только не было больше реки,
Только поле уже не родило,
Не встречались в селе мужики —
Всех нужда да бутылка сгубила.

Он, увидев такое, молчал,
Долго думал, за что эта плата.
А потом, словно зверь, зарычал,
А потом, как ребенок, заплакал.

И вернулся он ночью назад,
И угрюмо сказал часовому:
«Пропусти, я свободе не рад,
Не могу уже жить по-другому».

Удивленно смотрел часовой
На лицо, что белело во мраке,
И начальник качал головой,
Находя ему место в бараке.

* * *

Осталось не больше недели —
В семье ожидали беду.
А бабушка с внучкой сидели,
Обнявшись, в больничном саду.

Был голос старушки негромок,
И, все понимая сама,
Смотрела она, как ребенок,
На травы, деревья, дома...

А девочка молча следила,
Как кружит вверху воронье.
И что-то недетское было
Во взгляде печальном ее.

Светлана ВИНОГРАДОВА

ПРО ВАСЮ

Он жил, как мог, — открыто, без утайки.
Да что таить, когда один, как перст.
Вернее, не один, а с балалайкой.
Жил, глядя на соседушек-невест.

И вечерами, сидя на беседе,
Он так играл — казалось, колдовал.
Звучало звонко: «Сени мои, сени!..»
А он себе невесту выбирал.

«Сегодня Верку провожаю, Верку!
Гляди, какая! Брови аж вразлет!»
И, левый глаз прищурив для проверки,
Он представлял, как с Веркою идет.

А может, с Настей? Настя лучше, краше —
Всю красоту от матери взяла...
А может, с хохотушкою Наташой?
Лицом румяна, косами бела...

А может?.. Вот и может, да не может.
Он был хромой. А тут ты хоть какой
Хороший будь и даже расхороший —
Куда тебе с хромою-то ногой

За девками гоняться? Ты давай-ка
Ходи в беседу, радость береги.
Оглаживай подругу-балалайку.
А что до девок — это не моги!

Вот так и стали женами невесты.
На Васю не взглянула ни одна.
Хотя и улыбались по-соседски.
Ну а потом нагрянула война.

Он крышу крыл у овдовевшей Даши,
Чинил сапог Настасьину сынку.
И вечером у вдовушки Наташи
На балалайке разгонял тоску.

И был на них, конечно, не в обиде,
Что обойден их выбором не раз.
Их горе видел и беду их видел,
И знал, что каждой нужен он сейчас.

... Над Васиной темнеющей могилой
По-бабы неумело врытый крест.
Прощаясь с тем, кто быть хотел им милым,
Стоит десяток плачущих невест.

* * *

Коснусь щеки озябшими руками
(Потом об этом вспоминать не раз).
О, как я рада этой встрече с Вами,
С прекрасным светом Ваших добрых глаз!

Уходит прочь привычная тревога,
И улыбаться вновь хватает сил.
Я цлю свое благодаренье Богу
За то, что встречу с Вами подарил.

Что я познала боль любовной муки
В моей забытой маленькой глупости.
С надеждой отдаю я в Ваши руки
Всю нежность очарованной души.

Алексей ЗЯБЛИКОВ

ТРУБАЧ

С нешибкой бородой а-ля Тальков,
В кепчонке, прилепившейся кургузо,
Трубач вблизи коммерческих ларьков
Играет гимн Советского Союза.

Сегодня музыкант опять в строю,
Он, как умеет, свой бросает вызов
Торгующему жирному ворью,
Любителю рулеток и стриптизов.

Участливо вздыхают старики,
Лабазники, зевая, чешут пузы...
Летит в избытке страсти и тоски
Бессмертный гимн умершего союза.

Но, ненавистью классовой томим,
Трубач поднимет мелочь без обиды,
Чтоб выпить после службы за помин
Под лед ушедшей красной атлантиды.

* * *

Уедем, милая, туда,
Где небо — чистая лазурь,
Где не грохочут поезда,
Где нет житейских мук и бурь.

Уедем, милая, туда,
Где лес, как сказочный чертог,
Где с гор хрустальная вода
Бежит, не ведая тревог.

Там, у большого валуна,
Где озера немая гладь,
Построим домик в три окна
И будем жить да поживать.

И будет утром нас будить
По крыше спелых яблок стук.
Туда, где некуда спешить,
Уедем, ненаглядный друг.

Уедем, милая, туда,
Где нет клаксонов и газет,
Где дни, недели и года
Бегут без видимых примет,

Где графская у сосен стать,
Где плес и синие холмы,
Где так приятно вспоминать,
Какими прежде были мы.

Борис ДРОЗДОВ

* * *

Никому ты не нужен
И смирись до утра.
Прост охотничий ужин
Под защитой костра —

Чай на листьях настоян,
Хлеб и сало... Да ночь,
Что стоит за спиной,
Но не может помочь.

Не надейся на чудо!
Зверь — и тот обойдет.
Спи спокойно, покуда
Нет дороги вперед.

Убиваться не надо —
Жизнь и впрямь хороша!
Бесконечное — рядом.
И свободна душа...

* * *

Я лето узнаю по письмам,
В которых больше строк, чем чувств.
Приятно окунуться в мысли,
Но — не хочу!

Я просто знаю — будет осень,
Душа потянеться к теплу...
И кто — кого, согревшись, бросит
И почему —

Не все ль равно?..
В круженье новом
Всех обвенчает Новый год.
И снег на ящике почтовом
Меня уже не обожжет...

* * *

Лес вечерний оснежен.
Ни дорог. Ни жилья.
И костлявый валежник
Окружает меня.

Но спасенье не ново.
Только в руки топор —
И укрытье готово,
И пылает костер...

И, согревшись, — не канешь...
Не один у тайги!
В небо черное глянешь —
Огоньки, огоньки...

Светлана СТЕПАНОВА

* * *

Г.К.

В далекие военные года
я ездила на твой аэродром,
где в лужах стыла вешняя вода
и небо проплывало под крылом.

Метет пурга. В избушке мы одни.
И кажется, что это навсегда.
На полосе — сигнальные огни,
за окнами — Полярная звезда.

Сейчас я вспоминаю этот день:
весной на голубеющем снегу
от фюзеляжа брошенная тень,
и я сказать два слова не могу...

Уходят самолеты в вышине.
Уходят в трудный и жестокий бой.
А я средь ночи слышу в тишине
слова, произнесенные тобой.

Прошло полвека с тех далких лет.
Вновь прихожу на твой аэродром.
И в кассе вдруг беру себе билет,
чтоб посмотреть на небо под крылом.

Наш молодой усатый командир
повел на взлет надежный АН-2...
Секунда. Из-под ног уходит мир,
и на ребро становятся дома.

А там, внизу, средь солнца и ветвей
стоит наш дом, как много лет назад...
Шумят листва, и так же у дверей
рубашки новых летчиков висят.

Вера КЛЕВИЧ

* * *

Я знаю — пахнет теплым молоком,
Березовыми чурками и мятой
Тот низкий, тот замшелый старый дом,
Где детство я оставила когда-то.

Там лук шуршит под низким потолком,
Меж рамами — рябиновые грозди,
Уютно пахнет хлебом и дымком,
И самовар пускает пар сквозь ноздри.

Пекутся там румяные блины,
И валенки на теплой печке дремлют,
А на полатях притаились сны
Про лошадей, про птиц и про деревню.

Там на повети — ульев мирный гул,
От медогонки запах сот духмяный.
К плетеным санкам ловко прикорнул
От кадки старый обруч деревянный.

Сквозь дранку крыши там крадется луч,
Пылинки отправляя в пляс искристый,
Там так легко и полно дышит грудь,
И кажется, что счастье где-то близко...

Юрий РАЗГУЛЯЕВ

* * *

Провинции здоровая душа,
Ты нянчила во мне провинциала.
И дудочкой будила и смущала
Змеением ползучего плюща.

Суровы простодушные плоды
Твоих примеров и нравоучений.
Но нежен слог для ласковых влечений
И мало слов, что были бы тверды.

Как, дураку, мне все-таки везло!..
Уж сколько раз я был неосторожен!
Но древнего глагола ремесло
Уста мои по-прежнему тревожит.

Я — местной почвы певчая щепоть.
А в чьей руке — зачем просить ответа?
Достаточно, что есть душа и плоть.
Я — рана, я — и боль от раны этой.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, дитя, по всем приметам
Ночь не так уж далека.
Тьма — земная великанша —
Пахнет гречневою кашей.
День утихнет до рассвета,
Выпив, полной чашкой, лета,
Как парного молока.

Я взобью тебе перину,
Спи и набирайся сил.
За окном луна-подружка,
Будто сладкая ватрушка,
У которой половину
Хитрый ветер, скорчив мину,
В Тихомолку откусил.

И теперь он по балконам,
По домам начнет блудить,
Тычясь рожицей смешною...
Шоколадной тишиною
Липнет темный мрак оконный.
Спи, мой ангел беспокойный,
Я не дам тебя будить.

* * *

Мы затерли до дыр
Книгу Жизни и Смерти,
Прочитав сотни раз
Междур строк и буквально,
Но в итоге нигде
Не нашли даже буквы,
Говорящей о том,
Будто нам не позволено
Вдвоем

Дышать воздухом
Одного и того же
Июньского утра.

Галина ПОПОВА

* * *

Выйдешь вечером за порог,
А кругом — соловьиные трели,
Будто ветер — шутник озорной —
На пастушьей играет свирели.

В каждой тонкой былинке — весна,
За рекою тоскует кукушка,
Даль безбрежна, чиста и ясна,
Медуница цветет на опушке.

Чародейка-весна, разбуди
Ты во мне задремавшие силы,
В трех соснах ты меня заблуди,
Дай послушать ручей шаловливый,

Искупай меня в свежей росе...
Не устану я петь и трудиться,
Расскажу о любви и весне,
И земле, где пришлось мне
родиться.

Анатолий МАЛЫШЕВ

* * *

Ты, может, в рассветы глядишь,
А сердце печаль всколыхнула,
Земли затаенная тишь
Опять тебе детство вернула.
Там музыкой кажется дождь,
Там речка звенит, не мелеет.
От этого ты не уйдешь,
Все это цены не имеет.
Цены не имеет тот смех,
В плену у заречного лета —
Его вы делили на всех,
На все находили ответы.
И трудно поверить теперь,
Что все это было когда-то;
И слез позабытых капель
Согрела щеку виновато.

Виктор СМИРНОВ

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДЫМ

Деревня летом спит накоротке.
С восходом солнца, с первыми лучами
Встают хозяйки, ладятся с печами,
И лоскут дыма тянется к реке.

Идешь в такую рань задворной стежкой,
А на тебя наносит ветерком
То хлебом, то вареною картошкой,
То щами, то горелым молоком.

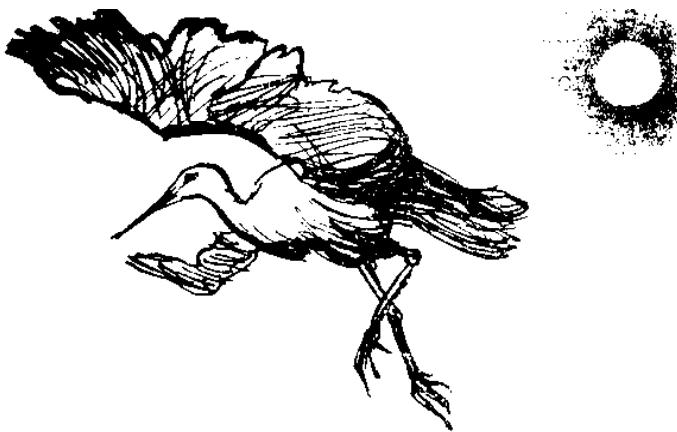
Вдыхаешь полной грудью этот дым,
Прислушиваясь к утреннему шуму, —
Яснее мысли и светлее думы,
И землю рад зацеловать до дыр.

Куда бы ни заброшен был судьбой,
Будь даже там, где жизнь милее рая, —
Дым деревенский, дым родного края
Всегда гоняться будет за тобой.

9 МАЯ

День с переменчивой погодой,
Мне не забыть тот день вовек.
Земля казалась всюду голой,
Лишь кое-где дымился снег.
Пыльцой ольхи и краснотала
В низинах красилась вода.
Весна в ту пору запоздала:
Ее держали холода.
Босые, в рваненькой одежке,
Как воробы, в тот день с утра
Копались мы в гнилой картошке
Вблизи от скотного двора.
Мы знали, что из той картошки,
Встав вместе с утренней зарей,
Мать нам состряпает лепешки,
По цвету схожие с землей.
Искали мы любое средство

Спастись и выжить без отца.
Война сживала наше детство,
Но не убила до конца.
В тот самый день после обеда
Вдруг зазвонил колоколец.
«Победа, граждане! Победа!
Войне конец! Войне конец!»
У зданья деревенской школы
Собрались люди — стар и мал.
Я, первоклассник бестолковый,
Все это смутно понимал.
Но помню, помню все, как было, —
И тех, кто весел был и рад,
И тех, кого в тот день знобило
От страшных, горестных утрат.
Я не забуду слезы женщин —
Для них для многих вышло так:
До смерти ждать на фронт ушедших
И обнимать дверной косяк.
В тот день мы на площадке школьной
В лапту играли дотемна
И отнеслись вполне спокойно
К тому, что кончилась война.
А что же оставалось делать
Нам, голоштанной детворе...
Был месяц май и цифра девять
На отрывном календаре.

ИЗ ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ

ПРАЗДНИК

Михаил Федорович, здравствуйте!

Может быть, Вы и не ждали такое письмо из Судайской школы... Через два дня — начало нового учебного года. А я вспоминаю самое замечательное событие прошлой ранней весны. Была встреча с писателями земли костромской и с Вами.

Для коллектива нашей школы и для меня лично это живое общение с мастерами Слова было впервые. Покорила Ваша естественность, непринужденность и глубина мыслей патриотических, высказанных так доступно и душевно, что, слушая Вас, казалось: вот и я думаю так, я тоже об этом знаю, но до этой встречи не смогла выразить в общении с коллегами и детьми. Живем и работаем без таких откровений. Вроде бы, идет жизнь и ладно, ко всему привыкаешь, значит так тому и быть, как есть, и не противишься, лишь бы продержаться без срывов хотя бы один день. Вы глубоко затронули струны души, заставили больше задумываться о настоящей жизни и о традициях, и обо всем русском, нашем, деревенском, о красоте душевной и мудрости простого «маленького» человека.

Всколыхнулось и чувство гордости за наш русский язык, которым Вы так здорово умеете пользоваться, что умеют немногие учителя, даже — литературы. Спасибо Вам, что посетили нас!

После встречи с писателями в школе был замечательный праздник — День школы. Мы — учителя и учащиеся — как бы отчитывались перед собой и перед родителями в том, что любим свою школу, что у нас интересно учиться и жить. На этот праздник приезжали к нам директора всех школ района, руководители. Не хватало только писателей, Вашего умного, зажигательного Слова, патриотизма Вашего, оптимизма. Поэтому приезжайте еще к нам, снова будет Праздник!

С уважением — директор Судайской средней школы
28.08.96. Александра Федоровна Борисова.

НЕОЖИДАННЫЙ ПОДАРОК

Благодарю писательскую организацию за неожиданный подарок. Какой? Светлана Виноградова прислала свою и Виктора Смирнова книги. Они — первые и у Светланы, и у Вити, поэтому очень дорогие, как для авторов, так и для меня. Представляю, каких усилий стоило осуществить эти издания в наше безденежное время. Удивляюсь и радуюсь. Радуюсь, что издатель приложил душу и руки в качестве редактора и художника-иллюстратора. За это ему отдельное «спасибо». Оформление книг понравилось. Поскольку оформлял сборники литератор, то иллюстрации имеют точное попадание в настроение стихов на страницах книг.

Бесконечно рада за Светлану, стихи которой давно люблю. Но когда увидела сборник Виктора Смирнова, обомгла. Вот чего никогда не ожидала, так появления его стихотворений сборником. Потому что всегда знала: Витя палец о палец не ударит, чтобы собрать рукопись в особую тетрадь.

Помню, в Шарье, когда М.Базанков руководил литобъединением «Земляки», на одном из занятий появился Виктор Смирнов. Мне казалось, что он видит и тонко чувствует душу человека. Я его даже побаивалась, пока не поняла: сам он раним ничуть не меньше меня, только я «выступаю», а он молчит. Я — дитя асфальта — щемящее тоскую по всему тому, что дорого Виктору. Порой мне кажется, что я действительно родом из тех мест. Именно эта печальная Россия вспоминается здесь, на чужбине. Как он пишет: «Куда бы ни заброшен был судьбой, Будь даже там, где жизнь милее рая, — Дым деревенский, дым родного края Всегда гоняться будет за тобой». Витя видит глубже, полнее, остree. Мне он понятен, словно пишет о моем. Спасибо издателю за «Деревенский дым» — какое точное название! Это больше названия. Это — философия, образ жизни, образ любви и страдания.

Очень благодарна Светлане и Виктору. (На творческом семинаре он вспомнил про меня, зная, как отношусь к его поэзии, написал автограф).

Пятнадцать лет работы в шарьинской газете сроднили с Приветлужьем, много стало понятным, сердечно близким. Удивляет эта «самая жгучая, кровная связь». Так приятно,

что Витя надписал книгу не официально, а просто и тепло. Значит, он меня помнит. Спасибо М.Базанкову за издание такой книги, за все, что сделано в эти трудные годы.

Теперь я живу за границей, издалека все выглядит дороже и значительней. Говорю об этом по многим причинам. Мне почему-то кажется, что у доброго дела сейчас постоянно «пенится» завистливая гнусность. Обязательно есть люди, которым плохо спится, скучно живется, если они не кучкуются, не строят козни, не интригуют. Бороться с ними невероятно противно, они по сути необоримы. А мешают как! (Это мне прекрасно знакомо). Талантливый человек все равно будет помогать таким, как Виктор, Светлана, другим неизвестным авторам из глубинки...

Наталья Кучеренко, член Союза журналистов.
г. Керчь.

О МУЗЕЕ «ЛИТЕРАТУРНАЯ КОСТРОМА»

В майские дни 1996 года, когда Кострома готовилась стать центром всероссийского празднования Дней славянской письменности и культуры, наконец-то приблизилась к осуществлению идея создания Костромского литературного музея: она витала в воздухе еще два десятилетия назад и поддерживалась местными писателями и краеведами, многие из которых уже ушли из жизни (В.А.Бочарников, В.Н.Бочкин, А.А.Григоров, М.П.Магнитский и др.).

Литературный музей — филиал Костромского государственного историко-архитектурного музея-заповедника — разместился в самом центре города, в здании бывшей гауптвахты, памятнике архитектуры XIX в., построенном губернским архитектором П.И.Фурсовым в 1826 г.

Экспозиционной базой музея стали многотысячные фонды музея-заповедника, в первую очередь — «Ценный редкий книжный фонд», собрание раритетов общим числом до 30 тысяч единиц. В нем представлены произведения почти всех местных литераторов, причем многие издания — первопечатные и прижизненные.

В экспозиции использованы также личные вещи писателей, их портреты, рукописи.

Помимо этого привлечены материалы областной науч-

ной библиотеки им.Н.К.Крупской, областной организации Союза писателей России, областного художественного музея, из частных собраний Н.Н.Скатова, Б.М.Козлова, В.Н.Бочкова, Г.Н.Масловой. Кабинет и библиотеку Е.И.Осетрова передала по завещанию мужа А.Ф.Осетрова.

Экспозиция построена таким образом, чтобы дать возможность увидеть неразрывную связь тысячелетних традиций русской культуры — устной и письменной, их глубокое взаимопроникновение и взаимовлияние при одновременном параллельном существовании в рамках единой российской культуры.

Музей открывается выставкой «Костромская старина», рассказывающей о древнем славянском земледельческом календаре, о языческих традициях и обрядах, связанных с ним.

Продолжает экспозицию выставка «Рукописная и старопечатная книга XV-XVIII веков в Костромском kraе», раскрывающая тему развития письменной культуры в связи с распространением христианства.

На втором этаже развернута экспозиция «Костромичи-литераторы XVIII-XIX веков». Она включает в себя несколько разделов: «Писатели духовного чина», «Литературное краеведение», «Писатели-драматурги», «Поэты и беллетристы», «Литературные критики и публицисты», «Костромичи — исследователи «Слова о полку Игореве».

Темой, объединяющей весь замысел музейной экспозиции, является раздел «Е.И.Осетров — писатель, литератор-вед, библиофил, издатель, общественный деятель второй половины XIX века».

В личности Е.И.Осетрова как бы сконцентрировались времена и традиции. Он воплотил в себе черты представителей устной традиционной культуры: иные его произведения порой напоминают народные сказки и былины, порой — само «Слово о полку Игореве». Он напомнил и вернул нам дух и красоту древнейшей традиции — устной передачи знаний. Этот раздел экспозиции открывается мемориальным комплексом — частью рабочего кабинета из московской квартиры Е.И.Осетрова, реконструированной в музее с помощью А.Ф.Осетровой.

Основным направлением работы Литературного музея на ближайшее время является культурно-образовательная и досуговая деятельность среди костромичей и жителей области различных слоев и уровней образования — от младших школьников до студентов университетов, людей среднего и пожилого возраста, интересующихся российской историей и культурой.

Формы работы музея различны: как традиционные экскурсии и лекции, организация семинаров для учителей-словесников, так и проведение игр-экскурсий для младших школьников: «От рукописной книги к печатной», «Язык таинственных узоров», «В гости к писателю», циклов юбилейных вечеров, презентаций новых книг, творческих отчетов костромских литераторов — как известных, так и начинающих.

Музей стремится строить свою работу так, чтобы у костромичей была возможность и потребность приходить в его стены для общения, диалога с культурой, друг с другом.

В январе 1997 г. при музее возродился Костромской клуб любителей книги.

Вполне логично, что в Литературном музее решили проводить свои встречи потомки костромских дворян и члены костромского Пушкинского общества, начал работу постоянно действующий литературный лекторий для ветеранов города.

Уже стали достоянием истории проведенные здесь «День памяти Е.И.Осетрова» и презентация его книги «Святая Русь», «Юбилейный вечер журналистки, поэтессы С.Г.Степановой», «Некрасовский семинарий для учителей-словесников школ города «О новом прочтении произведений Н.А.Некрасова», «День памяти А.С.Пушкина». Состоялись интересные встречи с современными костромскими писателями Юрием Лебедевым, Михаилом Базанковым, Владимиром Корниловым, Владимиром Старателевым, Константином Абатуровым...

Музей стремится создать свой стиль взаимоотношений с аудиторией, который предполагает отказ от стереотипов, поучений, заорганизованности в проведении мероприятий.

В сравнительно короткий срок существования музея значительно пополнились его коллекции, главным образом — за счет дарений.

Сделан первый шаг к созданию полноценного литературного музея. Надеемся, что Костромской литературный музей со временем займет достойное место в культурной жизни не только города, но и России. Этот новый культурный центр и впредь будет строить свою работу в тесном творческом сотрудничестве с областной писательской организацией.

Валентина Кузьмина,
заведующая Литературным музеем.

КНИГИ, ВЫШЕДШИЕ В 1993-1996 гг.

Павел Румянцев “В нашем славном городе”
Сергей Потехин “Молодой бобыль”, “Снежная дева”
Леонид Попов “Обреченный на любовь”
Виктор Лапшин “Кольцо”
Николай Зайцев “Иван-чай”
Евгений Разумов “Глаза небес”, “Прудяные холсты”
Михаил Базанков “Чудеса в решете”, “Вольному воля”
Борис Бочкирев “Минуты откровений”, “Огневица”
Татьяна Иноземцева “Дикая яблоня”
Фаина Соломатова “Капкан”, “Корень любви”
Владимир Корнилов “Искра”
Виталий Пашин “Ходи веселей, Кострома!”, “Вот такое кино...”
Станислав Михайлов “Межа”
Алексей Акишин “Вася-Нептун”
Виктор Смирнов “Деревенский дым”
Вячеслав Смирнов “Верь — не верь”
Борис Дроздов “Охотничий ужин”
Николай Муренин “Земная дорога”
Олег Каликин “Лыжня в лесу”, “Мачеха”, “Вечерний поезд” и др.
Елена Балашова “Заколдованный круг”
Роман Семенов “Грезы и рассуждения”
Юрий Балакин “Галич — страна”, “Призывный рог”
Светлана Виноградова “Дорога домой”
Василий Травкин “Пастушок Ваня, или Там, где стояла ракета”
Алексей Скуляков “Стихи — моя стихия”
Вера Клевич “Признание”
Алексей Зябликов “Стоеросовый лес”
Виталий Кодрян “Солнышкины дети”
“Лучше маленькими будем”
“Все начинается с любви”
Александр Хлябинов “Соседи”
Нина Снегова “Автопортрет”
Анатолий Беляев “Музыка для уставших”
Ольга Колова “Пугливая птица”
Константин Абатуров “Моя Шача”

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо пролога	3
Начало	4
Юрий ЛЕБЕДЕВ. Будущее России в руках школьного учителя	7
Вячеслав ШАПОШНИКОВ. Северный сон	13
Михаил БАЗАНКОВ. Разбуди пораньше. Для тебя, мильный человек	16
Леонид ПОПОВ. <i>Поэтическая подборка</i>	21
Ольга ГУССАКОВСКАЯ. Встреча	25
Виктор ЛАПШИН. <i>Поэтическая подборка</i>	29
Константин АБАТУРОВ. <i>Поющие деревья. Глава из повести</i>	34
Сергей ПОТЕХИН. <i>Поэтическая подборка</i>	41
Борис ГУСЕВ. Алекса	45
Анатолий БЕЛЯЕВ. <i>Поэтическая подборка</i>	48
Борис БОЧКАРЕВ. “Ласунок”	51
Владимир МАКСИМОВ. <i>Стихи</i>	55
Василий ТРАВКИН. Вредная Капа	57
Нина СНЕГОВА. <i>Поэтическая подборка</i>	64
Владимир КОРНИЛОВ. Шишкарь. Браконьеры	67
Елена БАЛАШОВА. <i>Поэтическая подборка</i>	74
Олег КАЛИКИН. Мы жили по соседству	77
Татьяна ИНОЗЕМЦЕВА. <i>Поэтическая подборка</i>	85
Владимир СТАРАТЕЛЕВ. Фальшивая нота	88
Виктор КУЛИКОВ. <i>Стихи</i>	93
Ольга ГУССАКОВСКАЯ. Немецкий бурундук	94
Евгений РАЗУМОВ. <i>Поэтическая подборка</i>	97
Алексей АКИШИН. Банька курилась... <i>Глава из повести</i>	100
Олег ХОМЯКОВ. <i>Стихи</i>	106
Михаил ЗАЙЦЕВ. Между нами...	107
СТАТЬИ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ	
Алексей БАЗАНКОВ. Художественная интеллигенция	113
Евгений СТЕПАНЕНКО. Душа	121
Роман СЕМЕНОВ. Почем нынче книжки?	124
Павел КОРНИЛОВ. Обретающие веру	132

Юрий ЛЕБЕДЕВ. Слово о Некрасове (К 175-летию со дня рождения)	135
Михаил БАЗАНКОВ. Искатель живой воды	140
М.А.ПРОТОПОПОВ: “Литературная критика есть не что иное, как литературная публицистика...”	146
 САТИРА И ЮМОР	
Сергей ПОТЕХИН. <i>Поэтическая подборка</i>	154
Виталий ПАШИН. Генеральская дочь	156
Павел РУМЯНЦЕВ. Репка. Обход. Разговор по душам.	
На досуге. Как я на телевидении выступал	159
Вячеслав СМИРНОВ. <i>Стихи</i>	165
 УЧАСТНИКИ ТВОРЧЕСКИХ СЕМИНАРОВ	
Фаина СОЛОМАТОВА. Страх	166
Александр ХЛЯБИНОВ. Беда. Молодые были	169
Павел КОРНИЛОВ. Дядя Гриша	170
Евстолия ПРОКОФЬЕВА. Плутишка	172
Станислав МИХАЙЛОВ. <i>Стихи</i>	174
Ольга КОЛОВА. <i>Стихи</i>	176
Николай МУРЕНИН. <i>Стихи</i>	178
Светлана ВИНОГРАДОВА. <i>Стихи</i>	181
Алексей ЗЯБЛИКОВ. <i>Стихи</i>	183
Борис ДРОЗДОВ. <i>Стихи</i>	184
Светлана СТЕПАНОВА. <i>Стихи</i>	185
Вера КЛЕВИЧ. <i>Стихи</i>	186
Юрий РАЗГУЛЯЕВ. <i>Стихи</i>	187
Игорь ПАТЫНКО. <i>Стихи</i>	188
Галина ПОПОВА. <i>Стихи</i>	189
Анатолий МАЛЫШЕВ. <i>Стихи</i>	189
Виктор СМИРНОВ. <i>Стихи</i>	190
 ИЗ ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ	
Праздник	192
Неожиданный подарок	193
О музее “Литературная Кострома”	194
Книги, вышедшие в 1993-1996 гг.	197

К О С Т Р О М А

Литературный сборник

Издания Костромской писательской организации осуществляются в связи с принятой региональной программой изучения русской литературы.

За справками обращаться по адресу:

156005, г.Кострома, пл. Конституции, 1.

Костромская писательская организация.

Телефоны: 57-21-91, 57-35-02.

Общее и художественное
редактирование — М.Ф.Базанков

Редактор — Е.А.Разумов

Художник — М.Ф.Базанков

Техническое редактирование, компьютерный
набор и оригинал-макет — А.М.Базанков

Корректура — Е.А.Разумов

Некоторые произведения напечатаны в авторской редакции.

Издание осуществлено при участии
Костромской областной администрации.

Сдано в набор 27.12.96г. Подписано к печати 6.03.97г.

Заказ №3885. Печать офсетная.

Объем 12 п.л. Тираж 2000 экз.

Отпечатано в областной типографии им. М.Горького
управления по делам печати и массовой информации

администрации Костромской области,

г. Кострома, ул.П.Щербины,2.